

ОГОНЁК
№ 44 НОЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Здания библиотеки Академии наук УССР и университета.

Фото Н. Козловского.

Улица Кирова. В глубине — здание Совета Министров УССР.

В КИЕВЕ

6 ноября исполняется десять лет со дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков столицы Украинской ССР — Киева. Отступая из города, фашисты варварски разрушали жилые дома, больницы, школы, уничтожали целые кварталы. Киевляне, вернувшись домой, сразу же взялись за восстановление родного города.

Сейчас Киев стал еще лучше, еще красивее, чем до войны. Раздался вширь, помолодел. Крещатик — центральная городская магистраль. Вдоль тротуаров поднялись молодые деревья. Что ни месяц, в Киеве вступают в строй новые здания.

Сейчас в Киеве строится около 200 многоэтажных домов. В городе 150 новых улиц, которые пока еще не имеют названий.

Из руин поднялись стены школ, техникумов, научных институтов, высших учебных заведений. Сейчас в Киеве свыше 33 тысяч студентов. Величественны корпуса библиотеки Академии наук УССР и Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

На улице Кирова, одной из самых красивых в городе, расположились здания Верховного Совета УССР, Совета Министров.

В первые дни восстановления древнего города на улицах было много плакатов с надписями: «Мы возродим тебя, прекрасный Киев». Свое слово киевляне сдержали с честью.

На первой странице обложки: Контролер комбината «Ригас аудумс» Рута Шицс, выполняющая полторы нормы в смену, проверяет готовую продукцию. В нынешнем году комбинат выпустил свыше миллиона метров набивных печатных тканей из натурального и искусственного шелка. Освоено около 80 образцов тканей новых расцветок.

Фото Е. Ясенова (ТАСС).

На последней странице обложки: У водопада Кивач (Карело-Финская ССР).

Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

31-й год издания

№ 44 (1377) 1 НОЯБРЯ 1953

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотимся вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, мобилизуем наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране!

Да здравствует нерушимое единение Коммунистической партии, Советского Правительства и народа!

Из призывов ЦК КПСС к 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКИМ ПРАЗДНИКОМ

С песнями, танцами, в шелесте знамен проходит по площадям и улицам Советской страны самый большой праздник на земле. И если даже небо затянуто осенней завесой туч, ничто не омрачает торжества, не гасит светлых улыбок на лицах.

Тридцать шестая годовщина со дня рождения нашего великого государства отмечена замечательными подарками, которые преподнесли советские люди Родине, а Родина — своим славным труженикам.

На станкостроительном заводе в Рязани и в поселке станкостроителей праздничные события произошли еще до октябрьских торжеств. В конце минувшего месяца по заводу разнеслась хорошая весть: на участке сборки, возглавляемом мастером Журавлевым, инициаторы предоктябрьского соревнования за сокращение производственного цикла успешно выполнили свое обязательство. А обязательство было серьезное: слесари решили сократить срок сборки узлов на 20 часов.

Многие рабочие завода по примеру передовиков перевыполнили месячный план, увеличили производительность труда.

Взволнованно-радостными были предпраздничные дни и в молодом поселке, возникшем совсем недавно на пустыре. Возвращаясь с работы, станкостроители задерживались возле светлозеленого здания, увенчанного балюстрадой. Здесь хлопотали маляры, штукатуры, плотники. Заканчивалось сооружение клуба. На площадке перед зданием выравнивали дорожки, вокруг фонтанов и вдоль ограды высаживали липы.

В клубе развешивали картины, последний раз протирали окна, люстры. В библиотеке, комнатах для кружков и биллиардной натирали полы. Пока шли последние приготовления к открытию, духовой оркестр уже устроился в просторном зале и разучивал марши.

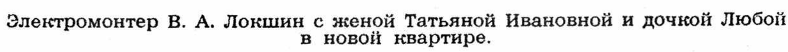
Станкостроители получили к празднику и другой подарок: два трехэтажных жилых дома. Новоселы — рабочие, инженеры, служащие — встречают годовщину Великого Октября в просторных, светлых квартирах.

Переехали на новую квартиру семьи кузнеца Митькина и электромонтера Локшина. Владимир Александрович Локшин обзавелся и новой мебелью.

В шумном кругу гостей весело встречают праздник рязанские новоселы. А их в городе немало — строители сдали пять тысяч квадратных метров жилой площади.

Светел, радостен у советских людей великий праздник Октября!

Рязанский станкостроительный завод. Передовики предоктябрьского социалистического соревнования (слева направо): К. А. Зотов, П. И. Баранов и И. М. Чернов.

Электромонтер В. А. Локшин с женой Татьяной Ивановной и дочкой Любой в новой квартире.

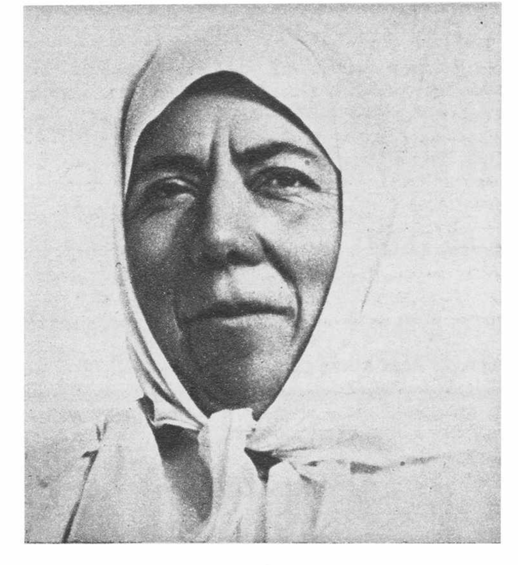
Пока идут приготовления к открытию нового клуба, духовой оркестр уже устроился в просторном зале.

Фото О. Кнорринга.

Встреча на ферме

К. БУКОВСКИЙ

Доярка Анастасия Дмитриевна Беляева.

Это было два или три года назад. Такой же, как и теперь, сухой и жаркой донбасской осенью я ехал из Сталино в Марьинский район. Дорога шла мимо угольных шахт и шахтерских поселков, за которыми сразу начинались желтеющие осенней стерней колхозные поля.

Стоял удивительно теплый, безветренный сентябрь. Правда, земля, давно не видавшая дождя, была слишком суха. И осень раньше времени расцветила лесные посадки по обочинам дорог и небольшие, но рослые дубравы, которыми время от времени радует глаз прокопченная заводскими дымами донецкая степь. Но по ранним и черным парам по-весеннему свежо и молодо зеленели озимые всходы. На бахчах огромными бунтами лежали арбузы. Запах яблок разносился по дорогам, перемешиваясь с запахом угольной пыли и вянущих трав.

Мы ехали вдвоем. Моим спутником и единственным собеседником был Григорий Максимович Пилипенко, водитель обкомовской машины, «философ» и тонкий знаток колхозных бахчевых культур. «Все дороги, товарищ корреспондент, ведут на бахчу»,— говорил он, завидев шалаш с горкой спелых арбузов, и мы сворачивали на проселок. Ему же, между прочим, я был обязан своим знанием тех многих сторон и деталей колхозной жизни, которые обычно от корреспондента ускользают.

Впрочем, человек он был веселый, и мы благополучно достигли с ним села Старая Михайловка. Отсюда до Марьинки оставалось всего полчаса езды. Но вдруг машина, не подававшая до сих пор никаких поводов для тревог, неожиданно остановилась. Григорий Максимович завел ее опять. Но мотор, громко чихнув, снова заглох.

— Будем «загорать»? — спросил я.

Григорий Максимович беспечно тряхнул головой:

— Пустяки!

С полчаса, должно быть, я слушал, как он насвистывает, возясь с карбюратором, потом нерешительно сказал:

— Вот что, Григорий Максимович, вы тут чинитесь пока, а я пройдусь. Вон там, должно быть, колхозная ферма — попью молока.

Григорий Максимович перестал насвистывать.

— Какого молока?

— Холодного,— сказал я.— Но можно, Григорий Максимович, и парного.

Он посмотрел в сторону фермы и иронически улыбнулся:

— Тогда просите уж птичьего...

Я решил его поправить:

— Да нет, Григорий Максимович, там не птичник, там молочная ферма, по-моему.

Григорий Максимович не ответил. Видя, что свист начинает перемежаться крепкими словами, я решил ему не мешать и пошел по направлению к селу.

Дойдя до него, я свернул с пыльного большака и околицей, в тени растущих возле хат тополей, не торопясь, направился к видневшимся впереди строениям фермы. Село оказалось большим. Пригретое жарким осенним солнцем, оно занималось своими делами. В огородах копали картошку. Ребятишки стаскивали во дворы дородно-спелые тыквы. По опустевшим грядкам бродили телята, подбираясь к капустным кочанам. Кое-где уже рубили капусту: со дворов доносился стук сечек о дно корыт, и ребятишки, бегавшие возле хат, грызли сочные кочерыжки.

Я шел, приглядываясь к этим сельским осенним картинам, и незаметно оказался рядом с кукурузным полем, на котором пасся скот. Поле было убрано. Остатки кукурузных стеблей колхозники складывали в арбу, запряженную парой волов.

Коровы подбирали на черной и рыхлой пашне редкую повитель. Взять на поле было больше нечего, и скотина тянулась в лесную посадку, где росла трава, но откуда коров с криком выгоняли двое пастушат.

Был полуденный час. Из села показалась группа женщин с подойниками. Пастушата согнали стадо к небольшому ставку. Доярки подождали, пока коровы напьются, и начали доить.

Я обратил внимание на одну из доярок — женщину с крупными и резкими чертами лица, повязанную темным платком, уже немолодую. Терпеливо, без крика поднимаясь с места и переставляя подойник, она двигалась вслед за коровой, щипавшей траву. Корова отмахивалась головой и била ногой по ведру. Женщина отстраняла подойник и, подождав минуту, опять бралась за соски. Время от времени она ласково оглаживала корову по худым, впалым бокам. Молока в подойнике было мало.

— Вот какой у нас скот,— вздохнула женщина, видя, что я молча наблюдаю за ней.— Не крупный и не рогатый,— добавила она с грустной улыбкой.

— Кормов нет?

— Корма-то есть, да считается, что еще рано давать корма, можно пасти. Да и скот, говорят, мы держим только для счета.

— Как для счета?

— Так,— с той же улыбкой повторила доярка.— Для счета.

— А что ж председатель?

— Председатель? — переспросила женщина, опять передвинувшись вслед за коровой.— Что ж председатель! Ему выгодней продать зерно, чем кормить им коров.

— Так ведь от такого скота ни мяса, ни молока...

— Да, уж какое там молоко!.. Стой, стой... Стой, говорю...

Корова, не слушаясь, мотнула головой. Вслед за другими она опять направилась в посадку. Доярка не стала ее догонять.

Подождав, пока женщина, перейдя к другой корове и погладив ее по бокам, снова усядется доить, я повернул обратно. На дороге, у въезда в село, уже стояла машина, и Григорий Максимович встретил меня вопросом:

— Ну как, угостились молочком?

Поддержать его веселость мне почему-то не захотелось, и мы молча проехали село. По дороге над одной из хат я успел прочитать: «Правление колхоза имени Красной Армии».

И вот недавно мне снова пришлось попасть в эти места. Той же дорогой, мимо Старой Михайловки, я опять ехал в Марьинку. Опять менялись заводские и сельские пейзажи. На смену дымящимся терриконам и шахтерским поселкам приходили желтеющие стерней поля, стояли скирды. У расцвеченных осенними красками лесных полос молотили подсолнечник. Идущие навстречу машины опять обдавали запахом яблок, и на бахчах соблазнительно выказывали бока арбузы и дыни.

«Все дороги, товарищ корреспондент, ведут на бахчу»,— вспомнилось мне. Но, увы! Мой теперешний спутник и единственный собеседник Петр Каленикович не был ни веселым, ни любознательным человеком. На мой вопрос, доятся ли теперь коровы в Старой Михайловке, он флегматично ответил:

— А бис их знае... Николы не чув.

Мы поровнялись как раз с большой хатой посередине села. Прочитав на ее воротах: «Правление колхоза имени Красной Армии»,— я попросил Петра Калениковича остановиться.

— Для чого? — спросил он.

— Спросить кое о ком.

— Знайомые е?

— Есть.

— Мабуть, сам голова?

— Нет.

— А хто ж?

— Доярка одна.

— Э! — Махнул рукой Петр Каленикович.— У той доярки горилки не выпьешь.

Попросив его стать у ворот, я прошел во двор. В правлении колхоза шел ремонт. Маляры выносили из хаты перепачканные в извести столы, скамейки, свертки плакатов, снятых со стен, подшивки газет. В открытую дверь доносились голоса.

Подождав, пока маляры протиснутся сквозь дверь с большим канцелярским столом, я шагнул через порог. В помещении, заляпанном известью, стояли двое. Один был плотный, с чуть-чуть заметной хозяйской тяжелинкой в плечах и в голосе; другой полнее и более рыхлый. Я решил почему-то, что это должен быть колхозный агроном, но ошибся. Он оказался заместителем председателя колхоза, Яковом Филипповичем Лысенко. Стоял же с ним секретарь райкома партии Степан Степанович Максименко.

— Видишь ты, Яков Филиппыч, какое дело,— говорил Максименко,— конечно, коровы остались те же, да вы-то стали другими. Ты вспомни, кто вам первый начал «вправлять мозги».

Собеседник его развел руками:

— Ей богу, не помню, Степан Степаныч. Райком?

— Еще до райкома? Вот тут, в этой хате...

Лысенко вперил очки в потолок.

— Забыл? Ну, я напомню.

Максименко отошел в дальний угол, присел на краешек лавки и, сделав решительный вид, вытянул руку:

— Дайте мне слово... Я, товарищи члены правления, говорить не умею. Я только скажу: или кормите коров или доите их сами!..

Голос, которому он подражал, принадлежал, повидимому, женщине. Подражал Максименко неумело, но Яков Филиппович, должно быть, вспомнив, о чем идет речь, смущенно потрогал очки.

— Вы уж лучше, Степан Степаныч,— попросил он,— не вспоминайте. Она ведь и о вас что-то такое...

Максименко продолжал:

— А товарищам из райкома я тоже скажу: пусть лучше на ферму не заезжают. По хвостам и копытам мы сами умеем коров считать...

Переменив тон и встав со скамьи, он уже серьезно спросил:

— Кстати, как у нее идут дела? Пройдем-ка на ферму.

— Беляевой нет на ферме,— сказал Лысенко.

— А где же она?

— Дома, должно быть. Рубит капусту.

— Капусту! Гм... А как с удоем?

— Удой снизился.

— Почему?

— Сентябрь, Степан Степаныч...

— А ну-ка, где твой учет?

Лысенко достал из кармана толстую книжку. Максименко взял ее у него и начал листать. Я увидел, как на бурых от загара его щеках вдруг проступили красные пятна. Шея над тугим воротником порозовела.

— Так! — сказал он. — Значит, действительно, сентябрь!.. Лето кончилось, зеленый конвейер сошел, и удои — вниз. А как же с по-

словицей, Яков Филиппыч: «У коровы молоко на языке»?

Лысенко молчал.

— Напрасно, значит, райком решил, что вы стали другими. Привычки все те же: лучше продать кукурузу, чем скормить ее молочному скоту. Корова воза не тянет и яиц не несет... Ну, Яков Филиппыч, придется нам Беляеву на бюро пригласить, она теперь говорить научилась.

— Фуражу у нас мало в этом году, Степан Степаныч. Да и председатель в Москве...

Максименко подождал, что он скажет дальше. Но Лысенко, встретив его взгляд, потянулся опять к очкам.

— Пойдем лучше на ферму,— сказал Максименко.— Там поговорим.

Я двинулся вслед за ними. Маляры, увидев, что можно начать побелку, вошли в помещение. Максименко подождал, пока они возьмутся за кисти.

— Небось, в коровниках не белите,— заметил он.

— Нет, белим,— отозвался Лысенко.

— А скот поставили в стойла?

— Еще нет.

— А «Червоный прапор» поставил. Вот вернется Лабецкий, повезу вас обоих в «Червоный прапор».

В молчании мы вышли за ворота. Петр Каленикович, лежавший в машине, посмотрел нам вслед и опять улегся на сиденье.

— Беляеву позвать? — спросил Яков Филиппович.

Максименко не отозвался, он все еще был сердит. Я подумал, что если даже осеннее снижение удоя могло вывести его из себя,— значит, дела в колхозе идут неплохо.

Мы уже подходили к знакомой мне ферме. Повидимому, колхоз застроил ее новыми помещениями. Коровники выглядели просторными и крепкими. У входа в один из них лежали новые корыта, и из дверей доносился стук плотничьих топоров. Посередине двора, на двух огороженных базах, стояло большое стадо коров. Их собирались кормить: двое колхозников сбрасывали с высокой арбы охапки зеленой суданки.

Скот выглядел сытым. На доярках были белые халаты, которые, впрочем, уже успели потерять первую свежесть. Зато в коровниках стояла чистота. Картина в целом казалась настолько благополучной, что я невольно спросил:

— Значит, все-таки можно, Яков Филиппыч?

— Что? — не понял он меня.

— Вот так повернуть все дело?

Усмехнувшись, Яков Филиппович ответил:

— Да дело-то еще не совсем повернулось. Вон видите, какие халаты...— Но тут же он сказал:— А коровы Старой Михайловки стали все-таки доиться. Удои в этом году повысились вдвое. «Червоному прапору» не уступим.

— А сентябрь? — напомнил я ему.

Он смутился:

— Сентябрь, действительно, нас подведет. С кормами пока еще трудно. Зеленый конвейер сошел — коров надо «с кухни» кормить. Говорят: «Корми кукурузой»,— а Лабецкий вернется и скажет: «Зачем давал?» — Помолчал и добавил со вздохом: — Но придется, видно, давать...

— Есть кукуруза?

— Есть, да жалко. Психология, верно! Непривычно еще зерно переделывать на молоко.

...Был уже вечер, когда мы с ним вдвоем, обойдя высокие скирды соломы, сложенные рядом с фермой, и заглянув в ямы, куда закладывался силос, вернулись на скотный двор. Максименко куда-то запропал, и у доярок мы его не нашли.

Над степью стоял неяркий осенний закат. В вечерней тишине слышались мирные женские голоса. Доярки доили коров.

Мы долго стояли, прислушиваясь к тому, как тяжелые, звучные струи мерно бьют о дно подойников и как шумно вздыхает скотина. Потом Яков Филиппович вгляделся в освещенную закатным солнцем дорогу, ведущую от села, и сказал:

— Идут!

— Кто?

— Максименко с Беляевой.

Я тоже всмотрелся в дорогу. Из села быстрым шагом, оставляя позади секретаря райкома, шла колхозница. В руках у нее был подойник. За ними следом шел кто-то третий.

— На дойку спешит,— заметил Яков Филиппович.— Не дал ей Степан Степаныч дорубить капусту.

— Это лучшая ваша доярка? — спросил я.

— Да.

— И действительно с нее все началось?

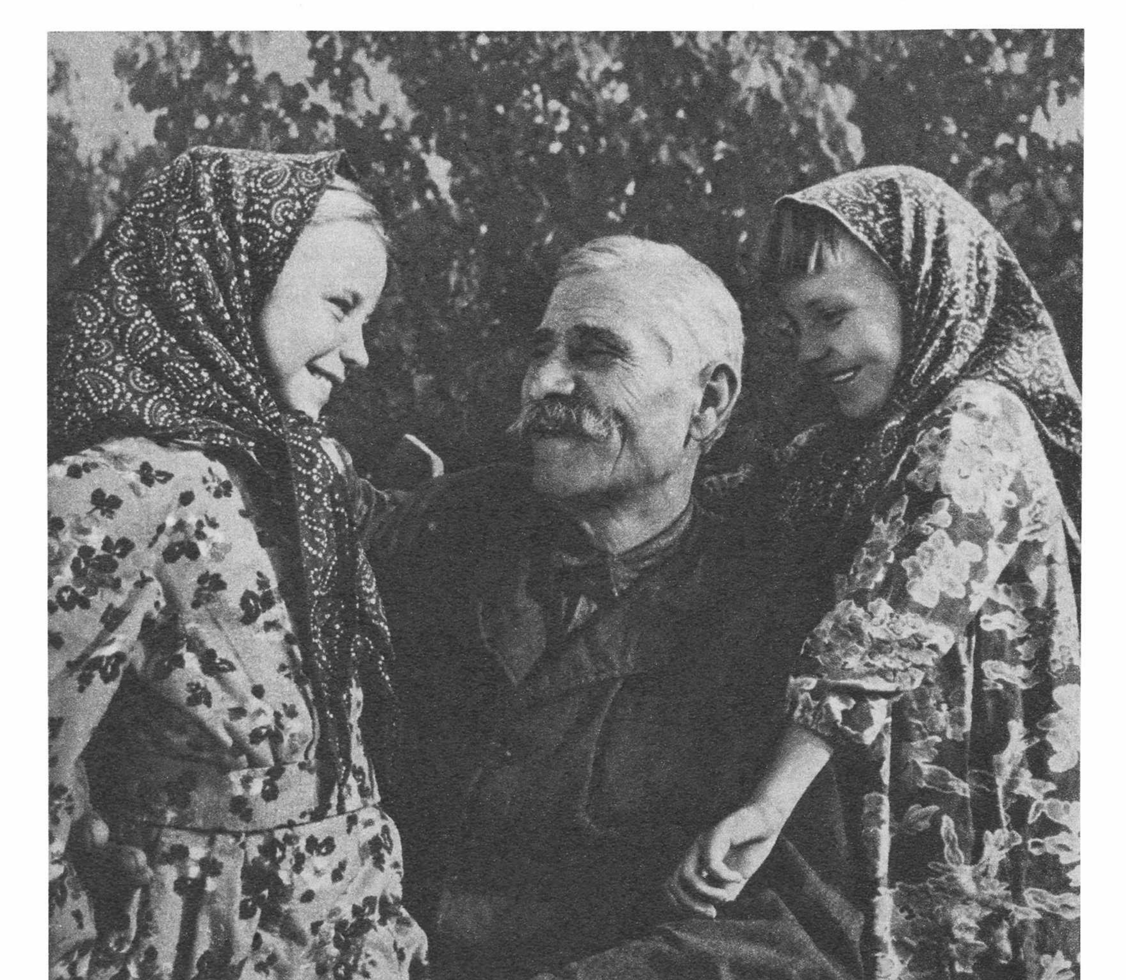
Лысенко кивнул головой.

— С нее. И вон с того старика, который за ней спешит. Это наш бригадир-животновод Даниил Михайлович Шинкарев. В общем, с народа все началось.

Мы оба с ним опять посмотрели на дорогу. Доярка и бригадир уже были близко. Я узнал женщину, с которой встретился тогда, два или три года назад, у колхозного ставка...

Село Старая Михайловка,
Донбасс.

Бригадир колхоза имени Красной Армии Даниил Михайлович Шинкарев с внучками.
Фото Я. Рюмкина.

Из почты «Огонька»

Наш комбинат

Челябинский молочный комбинат.
Фото Е. Мондросова.

Когда летом входишь на территорию Челябинского молочного комбината, первое, что бросается в глаза,— это обилие зелени. Корпуса цехов выкрашены в веселую светлую краску, деревьев и цветов так много, что двор комбината напоминает парк.

Наденьте белый халат и пройдитесь по цехам комбината. В приемочном цехе блестит выложенный кафелем пол. По алюминиевым трубам электромоторы гонят молоко из автоцистерн в огромные сливные баки. Отсюда оно пойдет на очистку и пастеризацию.

Процесс пастеризации очень несложный. Представьте себе два металлических листа с извилистыми желобками. Если такие листы наложить один на другой, то внутри образуется трубочка. Во время пастеризации листы нагревают до 96 градусов. Молоко, пробегая по трубочкам, не теряет своих ценных качеств, но зато все вредные микробы в нем убиваются. После пастеризации его охлаждают, разливают в бутылки, и через двадцать — тридцать минут ящики с молоком уже будут доставлены в городские магазины. Сейчас наш комбинат ежедневно вырабатывает и отправляет потребителю двести тысяч бутылок высококачественного цельного молока.

В термостатной камере термометр показывает 35 градусов выше нуля. Стеклянные сосуды наполнены белой жидкостью. Если рассмотреть ее под микроскопом, можно увидеть множество живых микроорганизмов. Это ацидофильная палочка — злейший враг вредных микробов, образующихся в кишечнике человека. Чайная ложка этой жидкости, опущенная в бутылку с пастеризованным молоком, образует ацидофилин — молочный продукт, который ученые называют «напитком долголетия».

Совсем другая температура в складе готовой продукции, в закалочном цехе, куда поступают для охлаждения мороженое, ацидофилин, кефир. Начальником «фабрики холода» называют Михаила Николаевича Иванова. Круглые сутки в любое время года в цехе поддерживается зимняя температура.

...Творог и сметану, сырки и сырковую массу, кефир и ацидофилин, молоко, мороженое, сливочное масло — ежедневно более 200 тонн молочных продуктов получают трудящиеся Челябинска с нашего комбината.

А. АЛЕКСЕЕВ,
директор Челябинского молочного комбината.

ШЕСТЬ ДНЕЙ ЗА ПР

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

Итак, решено: мы становимся за прилавок магазина готового платья № 37 «Мосодежда». Магазин этот большой, двухэтажный. Находится он на улице Чкалова, в том самом доме, где жил великий летчик. Продают в нем мужские и женские пальто и костюмы, белье, женское платье, мужские сорочки, брюки, куртки...

Директор Николай Алексеевич Романин сказал нам наставительно:

— Торговать начинаем в одиннадцать, но приходите немного раньше, нужно подготовить товар. Поступает его много, непосредственно с фабрик в течение всего дня. Так что работы продавцам хватает... За покупателем тоже дело не станет: самый сезон, только подавай товар на прилавки!

Вторник

Открытие магазина — торжественная минута, вроде подъема флага на боевом корабле. Магазин убран, пальто, костюмы, платья аккуратно развешаны. Продавцы занимают свои места, кассирши усаживаются за аппараты. Все поглядывают на стрелки часов, которые, кажется, движутся в эти минуты слишком медленно.

Наконец раздается звонок — и в магазине появляются первые покупатели. А через несколько минут уже щелкает кассовый аппарат.

Сегодня в продаже много костюмов из самых различных материалов, на разные цены. Есть и импортные товары. Вот, например, пальто, доставленные из Италии. Они сравнительно дешевы, но из неважного материала.

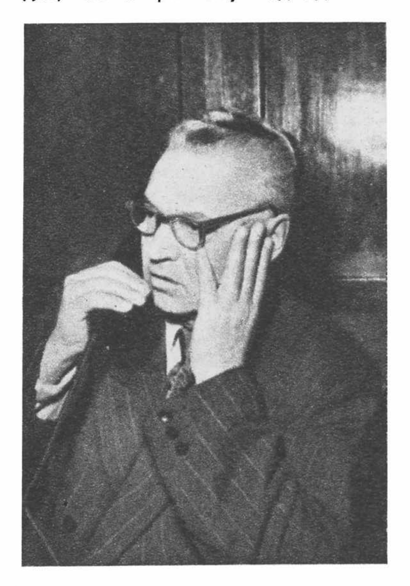
— Отделка отделкой, но материал требуется хороший,— говорит молодой человек.

К прилавку подходят то супруги, то родители с детьми, то друзья-товарищи. Выбирают одежду тщательно, придирчиво, требуют показать еще и еще.

— Как с первыми ростами? — озабоченно спрашивает Иван Николаевич Калинин, заведующий секцией верхнего готового платья.

— Что с ними станет? Все висят и висят!

Речь идет о костюмах и пальто для людей маленького роста. На них требуется меньше материала, и фабрики особенно охотно шьют их. Ну, куда, в самом деле, костюм пятидесятого размера и первого роста?! Много ли на свете таких людей? Или, наоборот, сорок шестого размера и четвертого роста! Вот и висят эти несуразные костюмы без толку на вешалке. Когда продавцы видят, что к прилавку подходит низенький толстячок или худющий верзила, так сейчас же бросаются к нему.

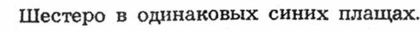
Директор магазина Н. А. Романин повергнут в уныние,— он услышал снова о первых ростах...

— Подбираем человека под пиджак!

А в это время директор звонит на фабрику:

— По наряду с вас следует мужские пальто. Можно присылать машину? Что? Опять первые роста дадите? Помилуйте, куда же их девать? Без первых ростов нельзя? Ни в коем случае? Ну, что ж делать, возьмем и их, только давайте побольше ходовых размеров и ростов.

Мы засняли директора магазина Н. А. Романина, когда он был повергнут в уныние, услышав снова о первых ростах...

Шестеро в одинаковых синих плащах.

Среда

На улице моросит дождь, зябко, а у нас горячая пора: привезли прорезиненные плащи. Не удивительно, что покупатель берет их охотно.

За сегодняшний день мы продали около пятисот таких плащей. Каждую минуту по одному. Остались только маленькие роста.

— Пора вопрос о ростах поставить во весь рост! — пошутил кто-то из продавцов.

Все пятьсот плащей были одного цвета, одного фасона, как две капли воды, похожи один на другой. Шьет их фабрика № 23 Московского городского управления легкой промышленности. Нам не представило труда заснять момент, когда «шестеро в синих плащах» покидали магазин, словно одетые в единую форму. Если только наш магазин продал за день столько однообразных плащей, то сколько продали их десятки других магазинов готового платья? В один прекрасный день, чего доброго, все мужчины-москвичи станут похожи один на другого, как и те шестеро.

...Меня постигла неудача: помогая покупателю примерить костюм, я оторвал пуговицу. Виновата ли моя неловкость? Ведь пуговица держалась на одной нитке.

— Обычное явление,— успокаивали опытные продавцы.

Четверг

Товар к прилавку подается со склада после просмотра его товароведом-бракером Иваном Сергеевичем Волковым.

Пройдемте на склад. Видите груду в углу? Это брюки, их только что привезли с фабрики. Да, эти брюки вам придется носить. Правда, в магазине их отутюжат немного; для этого в штате две гладильщицы. Иначе брюки совестно было бы показать покупателю. Такими тюками привозят на склад и другую одежду, в том числе дорогостоящие костюмы из светлой ткани.

— Душа болит, когда видишь это,— говорят продавцы и безнадежно машут рукой.

Они вспоминают, что итальянские пальто прибыли упакованными каждое в отдельную коробку...

Наш магазин не имеет хорошо оборудованного склада; вся одежда сваливается на стеллажи и мнется не меньше, чем при перевозке. Бракер берет по очереди каждый костюм и проверяет его. Сейчас у него в руках серый костюм, сшитый на фабрике № 2 «Большевичка». Костюм очень красив и по цвету и по выделке. Но сделан небрежно: неправильно подшита подкладка, торчат обрывки ниток у шва, изуродована петля на брюках.

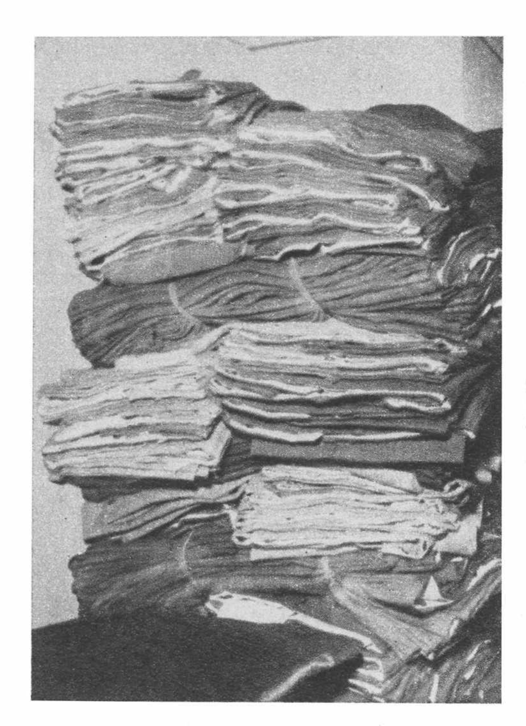
Волков откладывает костюм в сторону. «Подлежит уценке»,— отмечает он на ярлыке. Сюда же попадает еще несколько дефектных костюмов с той же фабрики и с фабрики № 5 имени Профинтерна.

— Придется вызывать представителей, пусть полюбуются,— заключает бракер.

На складе собралось немало светлых летних костюмов. Фабрики продолжают присылать их и сейчас, когда на улице промозглая осенняя погода и впору подумать о шубе. Наш совет — не брать с фабрик несезонный товар — отвергли все продавцы.

— Что вы? Разве можно с

ИЛАВКОМ

В таком виде брюки привезли с фабрики.

фабрикой спорить? Тогда она вообще ничего не отпустит.

— А как же ваш торг «Мосодежда»?

— Торг спускает наряды, и все.

Пятница

Представитель фабрики № 2 «Большевичка» Александр Семенович Огнев пришел в боевом настроении. Он не намерен сдаваться и готов грудью защищать «честь» фабрики. Огнев осматривает предъявленные бракером костюмы и выносит безапелляционные приговоры:

— Петля плохо сделана? Мелочь. Пришлем работницу — исправит. Подкладка плохо пришита? А по-моему, хорошо. Жгут на лацкане? Ну что ж, ничего ужасного, это разрешается ГОСТом. Вот, видите, здесь написано.

Он вынимает книжку, в которой напечатаны правила определения «сортности готовых изделий, вырабатываемых швейной промышленностью», и читает:

— «Утолщение нити длиной свыше 10 сантиметров по всей длине или ширине детали до трех мест считается первым сортом». Понятно? Это, батюшка, ГОСТ!

Бракер урезонивает:

— Костюм из дорогого материала. И вдруг жгут на самом лацкане! Кто захочет взять такой?

— Разрешается...

И мы узнали, что ГОСТом разрешаются искривление края борта пиджака, разная длина бортов, разная ширина рукавов, разное расстояние между петлями на одном борту, небрежно прометанные петли, когда виднеется суровая парусина, укорочение одной половины брюк против другой и даже пятна на изделиях из светлой ткани.

Получилось так, что ГОСТ защищает не покупателя от возможного брака, а бракодела от возмущенного покупателя.

Все же магазин и фабрика пришли к соглашению. Представитель уехал в другие магазины, а бракер продолжал осмотр. Теперь у него в руках дамское драповое пальто, сшитое на фабрике № 3 «Красная оборона».

— И материал хорош и работа хороша, но...

Тут мы узнали, что такое «чума». Нет, не та болезнь, которая некогда косила людей, а швейная «чума» — тоже страшный недуг. Пальто или костюм, сшитые по устаревшей моде и потому не имеющие спроса, издавна называются у швейников «чумой». Хозяин, бывало, приплачивал приказчику целковый, если тот сбагривал «чуму» наивному покупателю.

— Вот она, настоящая «чума»! — Бракер поворачивает пальто.— Видите, сшито в талию! Кто теперь носит драповое пальто в талию? Никто. А фабрика все шьет и шьет... Материал экономит на этом, что ли?

У прилавков людно, как всегда. Новый товар едва успевают подвозить. Сегодня это особенно важно: нужно обеспечить завтрашнюю воскресную торговлю.

В отделе, торгующем дамскими платьями, оживление чувствуется и сегодня. На вешалках большой выбор платьев — и шелковых, и шерстяных, и хлопчатобумажных.

Покупательницы знают и ценят марки лучших предприятий, изготовляющих женские платья.

— Мне нужно платье фабрики № 18.

— Есть у вас новые модели фабрики № 11?

Платье примеряет молодая женщина. Муж ее — в роли советчика. Материал и фасон им пришлись по вкусу. Супруги проездом в Москве. Н. В. Смирнов окончил институт и едет с женой из Иванова на работу в Ставрополь.

Место в примерочной заняли мать и дочь. Мать разговорчива, и скоро все узнают, что она покупает дочери свадебное белое платье и что свадьба состоится в ноябрьский праздник. К празднику готовятся и две подружки, покупающие длинные вечерние платья для бала в заводском клубе.

Только возле одного прилавка тихо и безлюдно. Это отдел мужских сорочек. Ассортимент их так ограничен, что покупатель тут не задерживается:

— Есть темные сорочки?

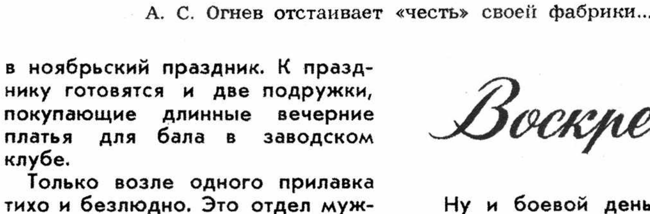
— Только светлые.

— Тридцать восьмой номер можно?

— Извините, только сороковой есть.

— Уж который раз захожу, и все моего размера нет. Надо, видимо, родиться в сорочке, чтобы достать подходящую сорочку...

А. С. Огнев отстаивает «честь» своей фабрики...

Ну и боевой день!

Товара запасли много, и торговля не прерывалась ни на минуту. Оборот составил почти полмиллиона рублей. Кассирши выбили тысячу сто чеков.

Магазин продал более двухсот мужских и дамских костюмов, почти сто пятьдесят шелковых и шерстяных платьев, сотни плащей и пальто, много другого готового платья.

Сотни и сотни москвичей ушли от нас с приятными обновками.

Сегодня в продаже много костюмов и другой одежды.

ДВА ТРАКТА

На Усинском тракте.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото автора.

Два высокогорных сибирских тракта... В разных направлениях идут они, разные края и области пересекают, разные народы живут по обеим сторонам трактов. И все же много у этих трактов общего...

1

Усинский тракт.

На сотни километров тянется он, связывая Тувинскую автономную область с Красноярским краем. Начинается тракт в Абакане — центре Хакассии, а кончается в Кызыле — столице советской Тувы. Примерно половину пути проходит он через Саяны.

Большое оживление царит на высокогорном шоссе. То и дело встречаются нам пассажирские автобусы, такси, колонны грузовых машин, которые спешат из Тувы за грузами в Абакан. Ночью созвездия автомобильных фар пронизывают шоссе, вспыхивая над хребтами.

Все выше и выше взбирается машина. Тракт идет зигзагами. Проезжаем дорожную станцию Кулумыс, преодолеваем еще несколько подъемов. Внизу, как на ладони, видны все семь головокружительных петель дорожной ленты. А машина попрежнему продолжает путь в гору. И вот наконец величественные Саянские горы остаются внизу, под нами. Мы на перевале. Высота — около двух с половиной тысяч метров над уровнем моря.

Остановимся! Взглянем на чудесную картину, открывающуюся взору путника...

Гряда за грядой уходят в голубоватую даль темные Саянские хребты. Зеленая щетина тайги покрыла их чуть ли не до самых вершин, только макушки остаются голыми.

Внизу проплывают облака, туман стелется в глубоких лощинах, а здесь яркое солнце, зелень альпийских лугов. Впрочем, зелени куда меньше, чем цветов. Большие поляны сплошь усыпаны яркооранжевыми огоньками, или, как их называют в Сибири, жарка́ми. Огненный ковер цветов. Словно кто-то щедрой рукой разбросал по земле кусочки солнца...

Далеко внизу остались дорожные станции с поэтическими названиями: «Медвежья речка», «Оленья речка», «Васильев ключ». Тракт извивается по берегам быстрой таежной реки Ус, давшей ему название. Он идет иногда параллельно с речкой, иногда пересекает ее, и река остается то слева, то справа от тракта.

Быстра и ворчлива река Ус. Подступившие к ней вплотную склоны нависают над трактом, и машина идет как бы под каменным прикрытием. Есть здесь замысловатые и совершенно фантастические повороты, когда кажется, что дороге конец, что она уперлась в скалы. Водитель дает троекратный сигнал: а вдруг изза поворота на полном ходу выскочит встречная машина! Но вот еще несколько десятков метров — и скалы расступились, открывая путь.

За Саянскими хребтами, недалеко от границы Тувинской автономной области, раскинулся Усинский мараловодческий совхоз, существующий уже более двадцати лет. Каждый его участок, огороженный бревенчатой изгородью, имеет в окружности не менее 30—35 километров.

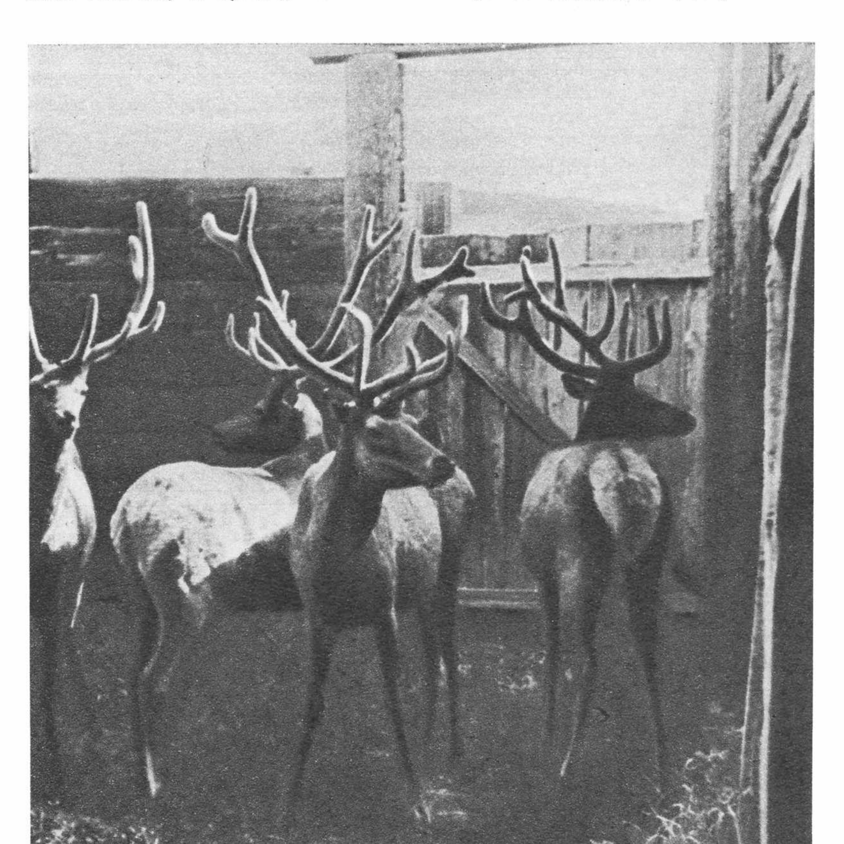
Молодые, еще покрытые шерстью рога марала — панты — широко применяются в медицине как сырье, из которого приготовляется пантокрин — ценное лечебное средство.

Нелегко стройным, быстроногим животным носить на голове панты — красивое, но весьма тяжеловесное украшение. Вес их у старого марала-рогача достигает шестнадцати с лишним килограммов. Поэтому и приходится оленям в беге закидывать назад голову, класть тяжелые рога на спину.

Но вот настает время, когда можно срезать панты. Оленей загоняют в «разлучник» — высоко огороженное помещение, откуда они по одному поступают в станок. Внешне это небольшой домик. Как только марал попадает туда, пол опускается, и животное, крепко сжатое с двух сторон продольными досками, обитыми мягким войлоком, повисает в воздухе. Рабочие с двух сторон придерживают рогача (крепок и силен он!), и мараловод тонкой, острой пилкой срезает сначала один пант, потом другой. Места срезки мгновенно смазывают смесью нафталина и квасцов, чтобы остановить кровотечение. Операция длится не больше минуты. Затем пол поднимают, двери станка распахивают, и марал, делая гигантский прыжок, выскакивает на простор. Сначала он замирает, удивленно поводя головой, как бы соображая, куда девалось его чрезмерно тяжелое украшение, а потом легко и радостно устремляется в тайгу, к своим товарищам...

Срезанные панты варят, сушат, проветривают. Немало труда, терпения, искусства требует консервация пантов — «золотых рогов», как их называют в народе.

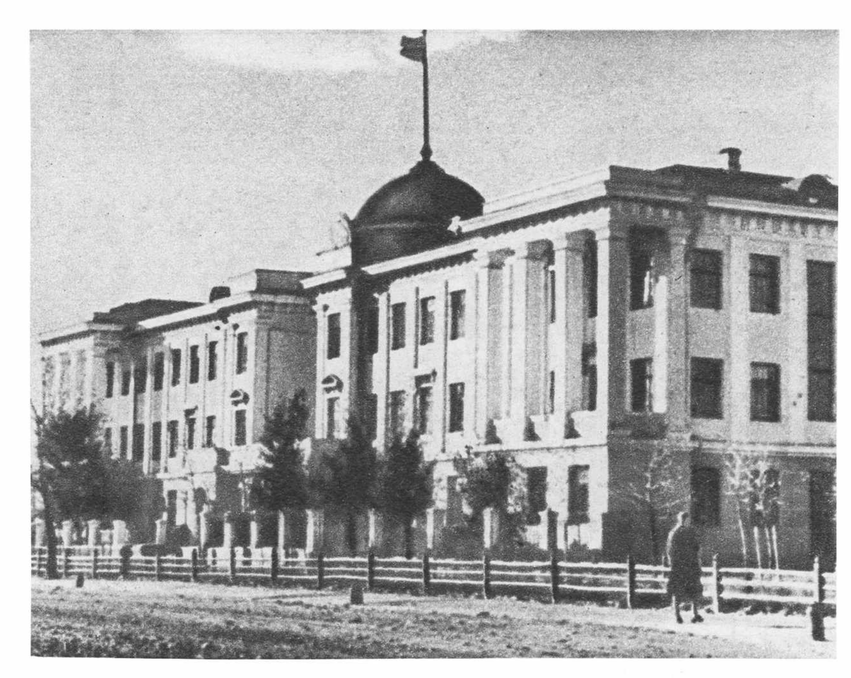
Тепло прощаемся мы с людьми Усинского совхоза. Машина снова мчится вперед. Еще несколько десятков километров — и Красноярский край кончается. Перед нами открываются просторы Тувы. Тайга уступила место степям и сопкам, кое-где поросшим лесом. Тракт идет плавной, открытой трассой, почти без подъемов и спусков. Вскоре показываются очертания города Турана. Рядом — крупнейший в Туве колхоз-миллионер «Красный пахарь».

Маралов загнали в «разлучник».

Председатель колхоза «Красный пахарь» П. В. Астафьев.

На центральной улице города Кызыла.

Председателя колхоза коммуниста Петра Васильевича Астафьева мы застали на току. Он проверял качество зерна. Богатый урожай собрали колхозники: по двадцать два центнера пшеницы с гектара.

Колхоз организовали здесь давно, но вначале он был исключительно русским. В 1949 году в него влились тувинцы. Из степей, бросив кочевую жизнь, прибыли они сюда и прочно обосновались в артели. Сейчас тувинцев в ней почти столько же, сколько и русских.

С каждым днем все зажиточнее становится колхоз: есть тут большая овцеводческая ферма, много молочного скота. На тучных лугах пасутся табуны лошадей. В прошлом году доход артели составил свыше миллиона рублей.

Через два с половиной часа езды показывается Кызыл — центр Тувинской автономной области.

Здесь, у этого города, сливаются две реки — Бий-Хем (Большой Енисей) и Ка-Хем (Малый Енисей), образуя великую реку. Здесь рождается Енисей.

Здесь и конечный пункт Усинского тракта.

2

Пересекая всю Горно-Алтайскую область, к границам Монголии тянется Чуйский тракт. Немало песен и стихов сложено о нем в народе. Трудно найти в Сибири (да и не только в Сибири) более живописную, впечатляющую дорогу. На протяжении шестисот двадцати одного километра от железнодорожной станции Бийск до районного центра Кош-Агача путник восхищается величественной красотой этих мест, чудесными пейзажами.

Прямой гудронированной лентой бежит тракт, и только от небольшого селения Майма начинаются подъемы, спуски, перевалы.

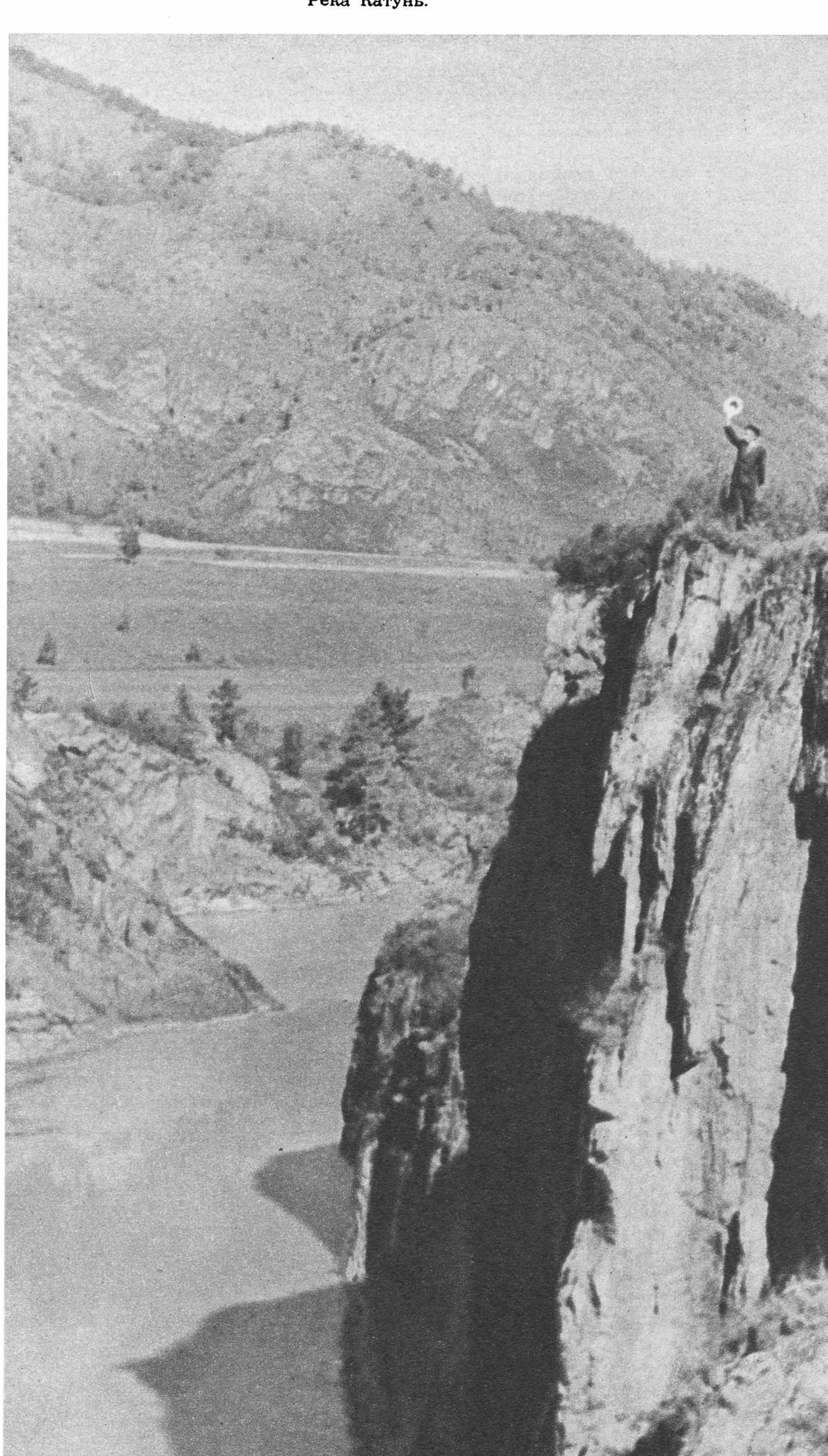
В семи километрах от Маймы находится Горно-Алтайск — центр области. Когда-то здесь была глухая и заброшенная деревушка Улала. Сейчас на ее месте возник большой город, где есть много учебных заведений. Но, пожалуй, самое интересное здесь — это опорный пункт Алтайской опытной плодово-ягодной станции имени И. В. Мичурина, созданной более двадцати лет назад страстным мичуринцем, ныне доктором сельскохозяйственных наук, лауреатом Сталинской премии Михаилом Афанасьевичем Лисавенко. Сейчас Михаил Афанасьевич живет в Барнауле, куда переведена станция, но под его руководством научные сотрудники опорного пункта продолжают начатое дело.

На высоких склонах сопок зеленеют правильные квадраты фруктовых насаждений. Чего тут только нет! И яблоки, и виноград, и груши, и бесчисленное количество ягодников. Восемьдесят гектаров земли занимает опорный пункт!

Фрукты теперь появились во многих колхозах Алтая. Колхозник-садовод Иван Игнатьевич Воронков двадцать лет назад заложил в селе Анос плодовый сад. Сначала над ним подшучивали, недоверчиво относились к его затее. Но прошло двадцать лет — и чудесный сад разросся в долине, на берегу пенной Катуни, у подножия синих задумчивых гор.

Тракт идет над обрывистым берегом Катуни. Неистово гудит и бушует река, пробивая путь в скалах, и нет, кажется, такой силы, которая могла бы ее остановить. Через многочисленные пороги мчится она навстречу другой реке — Бие.

Река Катунь.

Слушают Еркимена Палкина.

Машина резко идет в гору. Начинается Семинский перевал. На всем пути до самой седловины нас сопровождают по обеим сторонам тракта стройные серебристые ели. Издали кажется, что иней окутал их пышные ветви. Пожалуй, это — единственное место в Сибири, где растут серебристо-голубые ели, кровные сестры тех елей, что замерли в почетном карауле у Мавзолея в Москве.

Преодолев перевал, мы сворачиваем с тракта и направляемся в село Ело, где находится колхоз «12 лет Октября». Прозрачное, чистое утро... Навстречу нам бредут гурты овец, стада коров. Потом возникают дома и строения колхоза, раскинувшегося в долине, окруженной горами.

И тут нас ожидает приятная встреча. К машине подходит невысокий юноша-алтаец, одетый по-городскому. В его черных узких глазах вспыхивает теплый, приветливый огонек.

— Здравствуйте! — говорит он.— Мы ведь немного знакомы.

Это молодой алтайский поэт Еркимен Палкин. Он только вчера приехал из Москвы на каникулы в свой родной колхоз. Еркимен окончил десятилетку, а сейчас — студент Литературного института имени Горького. Стихи его, простые и задушевные, охотно переводят на русский язык сибирские поэты.

Еркимена окружают ровесники — комсомольцы колхоза. Они просят его прочитать свои новые стихи. И вот певуче-гортанным голосом юноша читает им на родном алтайском языке стихи о Москве, о Красной площади, о великом русском языке, который, как большой и прочный мост, пролег между всеми народами нашей страны, связал их воедино узами дружбы и братства...

Мы слушаем его стихи, и каждый из нас думает: как высоко подняли Советская власть, Коммунистическая партия достоинство человека, как они окрылили его, пробудили в нем творческие силы! Мог ли раньше мечтать паренек из глухой алтайской деревушки о том, что он станет поэтом, будет учиться в Москве, кончать высшее учебное заведение, печатать свои стихи! А ведь светлая судьба Еркимена Палкина — это теперь обычная судьба сыновей и дочерей некогда отсталых и забитых народностей нашей страны, возрожденных к новой жизни Великим Октябрем.

На ровной полянке у подножья горы стоит вместительный автобус с надписью на кузове «Библиотека». Автобус окружила молодежь, сельские ребятишки. Верхом на коне подъехала колхозница. Каждому хочется получить свежую книгу, послушать патефон, посмотреть выступление агитбригады. Заведующий библиотекой комсомолец Юрий Мандаев выдает читателям книги на русском и алтайском языках. Более трехсот томов насчитывает эта библиотека на колесах.

Свет культуры и знаний ярко пронизывает сегодняшний день Алтая, жизнь каждого алтайца.

...И вот машина снова мчится по Чуйскому тракту. За Онгудаем начинается новый большой подъем. Мы приближаемся к Чике-Таманскому перевалу. На его вершине сооружена беседка, откуда открывается широкая панорама. Извилистой лентой, узкой змейкой лежит внизу Чуйский тракт. Он взбирается на головокружительные скалы и хребты, прорезает тайгу и спускается в мягкую зелень долин.

Тишина... Только слышится далекое птичье пение, да теплый ветер, прилетевший с Алтайских гор, напоенный ароматом цветущего кипрея и мяты, касается ваших щек, теребит волосы.

Кажется, что с этой вершины видна не только горная долина, лежащая далеко внизу, у подножья перевала, а вся наша родная страна, полная мира и спокойствия, труда и творчества. Видны просторы ее степей, синь ее морей, вечный свет Кремля...

* * *

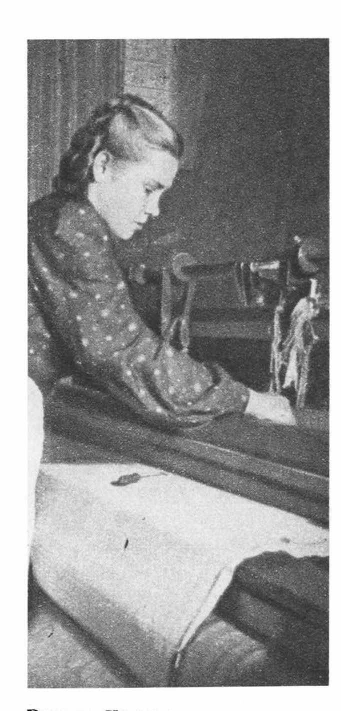
Два высокогорных сибирских тракта... В разных направлениях идут они, разные края и области пересекают, разные народы живут по обеим сторонам трактов. И все же много у этих трактов общего: они так бы и остались узкими гужевыми дорогами и вьючными тропами, ведущими во тьму нищеты малые народности Сибири, если бы не Великий Октябрь.

Тува — Горный Алтай,
июль — сентябрь 1953 года.

Узкой змейкой вьется внизу Чуйский тракт.

ПОКРЫВАЛА, СКАТЕРТИ, САЛФЕТКИ

Римма Хорева, одна из лучших работниц комбината «Заря социализма».

Фото Г. Санько.

Когда войдешь в ткацкий цех льнокомбината «Заря социализма», что в городе Гаврилов Яме, Ярославской области, то, несмотря на сильный грохот машин, непременно захочешь побыть здесь подольше: так красивы вырабатываемые в цехе ткани. На больших станках ткутся покрывала. Неутомимые машины рассыпают по белоснежному полю то синие цветы, то зеленые или желтые узоры.

Гаврилов-ямские изделия давно уже завоевали добрую славу в городах и селах Советского Союза. В Москве, на улице Горького, в специальном магазине оборудован даже целый отдел, в котором продаются изделия льнокомбината «Заря социализма».

Его продукция отличается прочностью, разнообразием выделки и богатством расцветок. Вот скатерти: среди них есть прямоугольные и квадратные, большие и маленькие, белые и синие, желтые и розовые, с бахромой и без бахромы. Некоторые скатерти имеют собственные имена, например, «Березка», «Весна».

Со вкусом сделаны также узоры покрывал, салфеток. Детские полотенца украшены веселыми рисунками.

Комбинат «Заря социализма» наряду со своей основной продукцией, рассчитанной на широкие массы трудящихся, выпускает и уникальные вещи. Лучшие ткачи, художники, инженеры участвовали в создании художественных гобеленовых скатертей.

Гаврилов-ямские льняные изделия известны и за границей: они экспонировались на всемирных выставках в Париже, Нью-Йорке, Берлине. Недавно образцы продукции льнокомбината «Заря социализма» отправили на выставки в Индию и Китай.

В коллективе льнокомбината развернулось соревнование за досрочное выполнение обязательства: дать в текущем году сверх плана 1 миллион 150 тысяч метров тканей.

Вл. РУДИМ

Н. Д. Кузнецов. ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ. 1893 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонёк». 1953.

В. А. Жарский. ДОМ В ВОТКИНСКЕ, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ П. И. ЧАЙКОВСКИЙ.

В. А. Жарский. ДОМ П. И. ЧАЙКОВСКОГО В КЛИНУ. НЫНЕ МУЗЕЙ.

БЕССМЕРТИЕ ГЕНИЯ

...Открытие Московской консерватории — 1 сентября 1866 года — было отмечено торжественно. «Чайковский решил, что первой музыкой во вновь открытой Консерватории,— писал об этом событии Н. Кашкин, передовой критик того времени,— должна быть музыка Глинки, а потому сыграл сам наизусть увертюру из «Руслана и Людмилы»... Конечно, все остались в высшей степени довольны, в особенности мыслию, им руководившею, хотя и самое исполнение было хорошо...»

И вот первые могучие аккорды солнечной увертюры огласили своды новой русской «Академии музыки»!

Весь Чайковский сказался в этом юношески-пылком и искреннем порыве музыканта-патриота. Жаль, право, что наши художники и поныне не запечатлели этот знаменательный исторический эпизод наподобие того, как Репин воспроизвел на своей известной картине мальчика-лицеиста Пушкина, читающего стихи перед Державиным!..

Чайковский был превосходный пианист. Любому, хоть раз слышавшему увертюру к глинкинскому «Руслану», должно быть ясно: чтобы сыграть ее на рояле одному, сыграть хорошо, нужно было обладать недюжинной пианистической техникой.

Чайковский был, однако, не только хорошим пианистом, но и дирижером. Он выступал с исполнением 9-й симфонии Бетховена, симфоний Бородина, Моцарта, оратории Рубинштейна, в театре дирижировал «Фаустом» и «Демоном», собственными операми. В 1888 году, отправляясь в концертную поездку, Петр Ильич совещался с Римским-Корсаковым, Глазуновым и Лядовым о репертуаре для русского симфонического концерта, который намеревался дать в Париже...

Недавно, в канун шестидесятилетия со дня смерти композитора, вышло в свет новое издание музыкальных фельетонов и заметок Чайковского: Петр Ильич ряд лет состоял музыкальным критиком, будучи верным стражем интересов русской музыки. Но Чайковского — педагога и теоретика, Чайковского — пианиста и дирижера, Чайковского — талантливого публициста затмил Чайковский — гениальный композитор. Творчество было для него главным.

Создание отечественной музыкальной культуры было делом всей его жизни, его личным долгом, его страстью.

Характерно, что на самое творчество Петр Ильич смотрел как на труд, музыкальный труд, и требовал, чтобы композитор работал над своей партитурой ежедневно, по многу часов, усидчиво и терпеливо, не дожидаясь вдохновения — редкой гостьи, которая не терпит и избегает ленивых. В этом требовании сказались не только глубокая симпатия Чайковского к людям труда, но и желание окончательно сбить с музыканта спесь, «приземлить» этого «избранника небес», «творящего по наитию», поставить его вровень с человеком труда. И не оттого ли, что Петр Ильич считал и чувствовал себя простым мастером музыкального дела, сам познал горечь и сладость труда, он с таким уважением всегда говорил и писал о простых людях, всегда ценил русских умельцев. С презрением отзывался он о дилетантствующих и праздных барах-аристократах.

Во всем этом Чайковский раскрывается как русский художник-просветитель, музыкант нового типа, взращенный в великую пору шестидесятников. Воздух этой эпохи поддерживал крылья его гения.

Трудно сыскать в мировой музыке другого лирического поэта такой яркости, глубины, искренности и всепоглощающего очарования, обладателя мелодического дара столь неиссякающей щедрости и дивной красоты. «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь — мелодия». К скольким творениям Чайковского эти пушкинские строки — «любовь — мелодия» — могли бы служить эпиграфом!

Но одновременно разве не знает музыка Чайковского бурного веселья народных празднеств, радостного ликования, торжества света, упоения борьбы и победы? Напоминать ли его первый и второй концерты для фортепиано, скрипичный концерт, его «1812 год», «Черевички», «Иоланту», другие сочинения?

Искусство Чайковского — и в этом один из «секретов» его поразительной притягательной силы — несло с собой огромное расширение идейного содержания музыки, все большее и большее сближение с жизнью,— оно вмешивалось в эту жизнь и, пронизанное горячим чувством современности, откликалось на все человеческие боли и радости.

Конфликт между новым и старым, борьба не на жизнь, а на смерть — такова, по существу, ведущая тема всего творчества Чайковского. Тема эта была подсказана композитору атмосферой переломного времени (о которой Л. Толстой писал: «все... переворотилось и только укладывается»), общественным подъемом 60-х годов. Этот центральный конфликт эпохи в симфоническом творчестве Чайковского получил свое «сюжетное» выражение в схватке человека с «роком». Человек сильнее «рока», он побеждает даже тогда, когда победа куплена ценою его жизни! Образ расцветающей личности, образ подымающего голову человека, которому стало тесно, душно, невмоготу жить в условиях старого уклада,— этот образ проходит через целую вереницу оперных произведений Чайковского. Силен еще старый мир, беспощадно и жестоко он карает того, кто нарушает его законы, вступает в борьбу против его власти. Многих жертв требует борьба, и все же финал ее предрешен — новое побеждает. Причем замечательно, что носительницей, провозвестницей нового у Чайковского выступает прежде всего женщина, именно женщина, которая больше всего испытывала на себе тяжесть и гнет старого. Волю к жизни, гордое сознание долга, радость и красоту свободного и искреннего чувства воспевает Чайковский в героинях своих опер — в Татьяне («Евгений Онегин») и Лизе («Пиковая дама»), в Настасье-куме («Чародейка»), в Марии Власьевне («Воевода»), в Наталье («Опричник»).

Самая тема любви у Чайковского является как бы производной от другой, основополагающей и главной — темы нового героя жизни, рвущего тенета старых предрассудков, утверждающего и новую мораль и свое право на счастье. В музыку Чайковского вошел простой русский человек со всем нетронутым богатством своих духовных сил, став ее главным действующим лицом. Никогда еще музыка, кажется, не заглядывала в такие сокровенные тайники человеческого духа, с редчайшей тонкостью и правдивостью живописуя мир человеческой души.

Эта любовь, с которой Чайковский поведал миру правду о русском человеке, о русском народе, красота бессмертных созданий композитора вызвали ответную волну благодарной любви народа к своему гениальному сыну. Любовь эта не иссякает, больше того, никогда еще она не была так велика и всеобъемлюща, никогда еще не была такой подлинно народной, как в наше время.

Некогда Чайковский писал о том, что опера может сделать творчество композитора при благоприятных условиях достоянием всего народа. Быть с народом, служить ему было заветной мечтой Чайковского.

Великая Октябрьская революция создала те благоприятные условия, при которых искусство Чайковского стало достоянием масс. Произошло слияние гениального русского музыканта с его народом — слияние, мечту о котором композитор всегда лелеял в своем сердце. И в этом слиянии — величие Чайковского и его бессмертие.

М. СОКОЛЬСКИЙ

Спектакли Театра имени Моссовета в Болгарии

Группа артистов московского Театра имени Моссовета в Софии.

В связи с месячником болгаро-советской дружбы и советской культуры в Софию прибыл коллектив московского Театра имени Моссовета. Болгарский народ любит и высоко ценит передовую советскую культуру и искусство. И вот 9 октября софийские зрители увидели первый спектакль Театра имени Моссовета — «Шторм» Билль-Белоцерковского. Зрительный зал Софийской народной оперы, где выступал театр, был переполнен. На спектакле присутствовали руководители Коммунистической партии Болгарии во главе с Вылко Червенковым, посол СССР в Болгарии М. Ф. Бодров, члены дипломатического корпуса, видные деятели науки, литературы и искусства, представители общественности и трудящиеся Софии.

С большим успехом театр показал в Софии и другие свои постановки: «Отелло» В. Шекспира, «Рассвет над Москвой» А. Сурова, «Красавец-мужчина» А. Н. Островского, «Забавный случай» Гольдони, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова.

Болгарская печать высоко оценила мастерство и талант театрального коллектива. Кроме выступлений в Софии, коллектив театра дал спектакли в Пловдиве, Сталине, Габрове, Плевене, Бургасе, Толбухине и других городах и крупных промышленных центрах страны.

Н. КОЧЕШКОВ

София.

ГОЛОС НАРОДОВ КОЛОНИЙ

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

В центре Вены, справа от Шварценбергплац, три роскошные витрины бюро путешествий «Космос» приглашают совершить поездку в самые экзотические уголки земного шара. Компания «Пан-америкэн» обещает быстро доставить пассажира на любой из континентов земного шара. На огромной карте, расчерченной черными линиями маршрутов, на десятках ярких многокрасочных проспектов неправдоподобно упитанные туземцы нарисованы рядом со страусами на фоне пальм и кактусов. Загримированные под «красавиц Востока» девицы посылают воздушные поцелуи с балконов мавританских дворцов.

Делегат конгресса профсоюзов из Конго, высокий худой негр, просивший меня не упоминать его имени, показывает на карту Африки, где изображен танцующий со щитом негр.

— Красиво, не правда ли? — спрашивает он иронически, и чувствуется, что ему немало сил стоит сдержать себя.

Он рассказывает о том, что у него на родине строится много новых тюрем. Он вспоминает о своих братьях и сестрах, замученных в неволе.

«Бюро путешествий познакомит вас с бытом, древними обычаями народов Африки!»

Мой собеседник бросает цветастый проспект на землю и брезгливо вытирает руки.

— Вы не найдете здесь ни одной правдивой цифры, ни одного правдивого факта!

В Нигерии на два с половиной миллиона жителей всего две больницы. Если негр работает с утра до вечера, он может заработать шестьдесят — семьдесят франков. А чтобы прожить один день человеку, нужно истратить по крайней мере пятьсот...

Делегат, прибывший в Вену из Иордании, привез с собой фотографии детей, опухших от голода, с огромными, вздувшимися животами. В этой маленькой стране, по официальным данным, 60 тысяч больных туберкулезом. Целые деревни видят мясо в лучшем случае раз в месяц.

Недавно в Иордании проходила массовая демонстрация. Рабочие несли лозунги: «Мы хотим человеческой жизни». Было арестовано 76 человек. Полицейские привязали их к лошадям и возили по городу много часов подряд, в дождь и холод. Некоторые не смогли вынести пытки.

— Так умер наш товарищ Рохи Кабани...

У витрины «Космоса» стоит делегат из Южной Африки. Он смотрит на рекламу и презрительно смеется, сверкая белыми зубами. Его зовут Джек Гринвуд.

— Вы слыхали когда-нибудь о ферме Бетал? Нет?

Гринвуд говорит быстро, энергично рассекая воздух мускулистой рукой.

— Ферма Бетал находится в Трансваале. Там, как известно даже из песен, богатая земля. Но нет ни одного негра, который владел бы хоть клочком этой земли. Вы понимаете, камрад? — спрашивает Гринвуд.— Рабов сейчас в наших краях нет. То есть официально рабов нет,— уточняет он.— Но с неграми делают все, что угодно, как сто и двести лет тому назад. Избивают негров до полусмерти, бросают в погреба...

Гринвуд несколько мгновений молчит. Его темные глаза печальны.

— Если негр живет в городе, он должен иметь множество пропусков. Если хоть одного из них нет, то вас в любой момент могут выслать из города. Поэтому крепко держите пропуска в кармане!

Гринвуд начинает перечислять, какие пропуска требуются негру в Южной Африке:

— Референс-бук — книга-справка о негре. Если ее нет или если вы ее потеряли,— три года тюрьмы. Сервис-контракт — договор о найме. В нем точно должно быть указано, кому ты служишь. Если тебя хозяин выгнал, то дают пропуск, разрешающий искать работу, но он действителен только в течение семидесяти двух часов. Хозяину может потребоваться послать тебя вечером с каким-нибудь поручением; ты должен иметь пропуск, разрешающий выходить на улицу после девяти часов вечера. Ты идешь проведать родных или знакомых — имей пропуск на право хождения в гости, полиция каждый раз ставит на нем печать. Есть еще и такой пропуск — разрешение на ночлег. Но оно недействительно без квитанции об уплате административного налога.

— А если ее нет?

— Тогда все пропуска недействительны. И тогда одна дорога — в локацию, где гниют больные люди и где здоровых отбирают на такие фермы, как ферма Бетал...

На третьем Всемирном конгрессе профсоюзов громко звучал голос колониальных народов. Мир услышал о забастовочных битвах в Конго, Нигерии, Родезии, Британской Гвиане и других далеких порабощенных странах. Массовые, упорные и продолжительные забастовки потрясают основы могущественных колониальных концернов. Пробуждаются веками угнетенные народы; несмотря на террор и пытки, несмотря на усиливающиеся атаки колонизаторов, растет сознание этих народов, крепнет единство действий.

Незадолго до Всемирного конгресса профсоюзов, в первой половине октября, 37 тысяч горняков Северной Родезии объявили забастовку, требуя повысить заработную плату на 2 шиллинга 8 пенсов. В Тунисе горняки провели всеобщую стачку протеста против репрессий и ухудшения жизненных условий трудящихся. В Марокко забастовка была примечательна тем, что она объединила рабочих-марокканцев и европейцев. Они дружно выступили против кровавых расстрелов, поддерживая друг друга. Решительные выступления имели место во Французской Западной Африке, на Цейлоне, в Бирме.

Многие из участников забастовочных боев были делегатами третьего Всемирного конгресса профсоюзов. Каждый второй делегат на конгрессе представлял колониальные и полуколониальные страны.

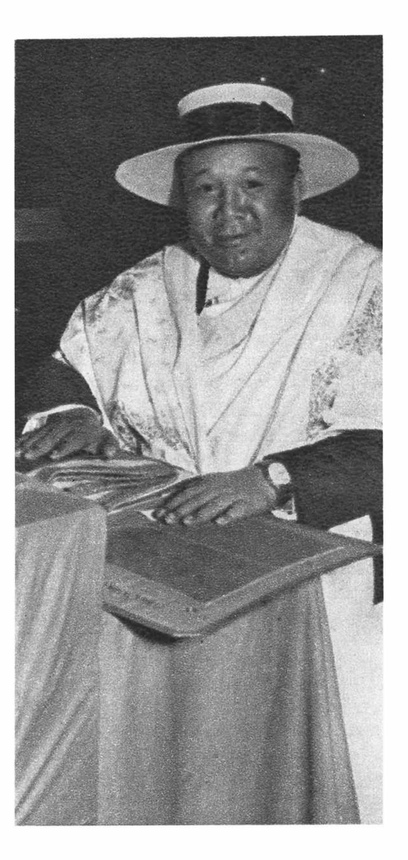
Отметив эту особенность закончившегося конгресса, вновь избранный председатель Всемирной федерации профсоюзов Джузеппе Ди Витторио сказал в своей речи:

— Я выслушал многие ваши выступления, братья из колоний. Эти речи меня глубоко взволновали. В ваших выступлениях мы услышали крик боли, выражение безграничного векового страдания, но мы услышали и надежду на освобождение, призыв к справедливости, к братству.

Делегаты третьего Всемирного конгресса профсоюзов разъехались. В эти дни многие из них прибывают уже на родину. Они расскажут своим народам о решениях конгресса. Миллионы трудящихся и эксплуатируемых на всех континентах, в самых отдаленных уголках мира читают в эти дни Манифест конгресса, зовущий всех людей труда к единству в великой борьбе за хлеб, свободу и мир.

Этот дух освободительной борьбы витает и над лачугами угнетенных колониальных рабов. Они уже научились видеть своего главного врага не в надсмотрщике на плантации, а в колониальных магнатах Уолл-стрита, Сити, Амстердама или Сайгона, в реакционных правительствах, которые служат этим магнатам. Народы колоний научились бороться, и все более широким потоком вливаются их силы в общую великую битву прогрессивного человечества за свободу и мир.

Вена, 24 октября (по телефону).

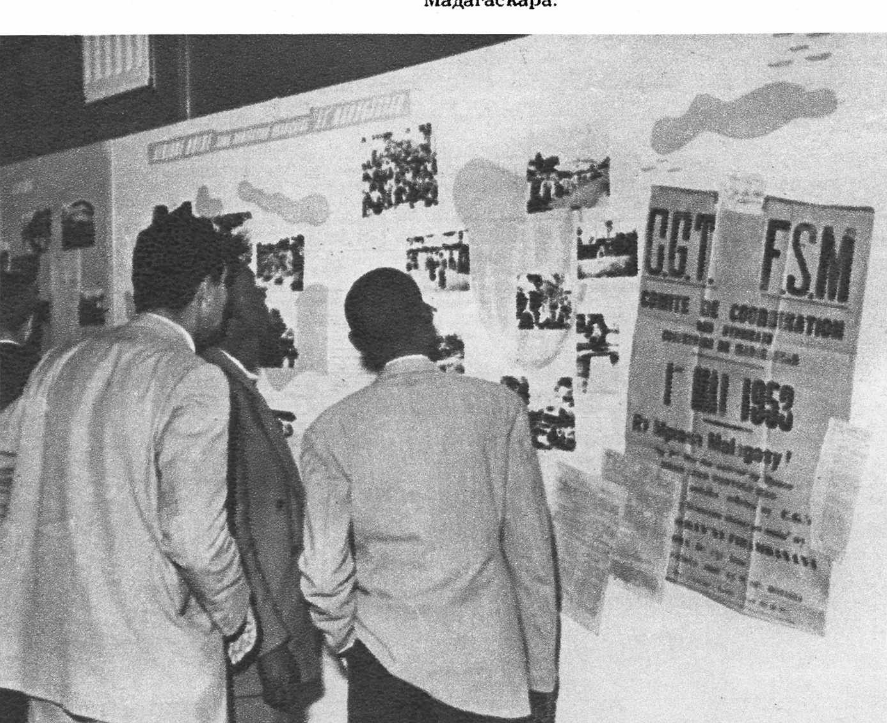

Профсоюзный деятель, делегат Мадагаскара Рандриаманхаз.

Делегаты Африки на конгрессе.

Во время работы конгресса в зале Моцарта была открыта выставка, посвященная борьбе трудящихся за хлеб, свободу и мир. На снимке: стенд Мадагаскара.

Корабли дружбы

Недавно страны народной демократии — Польша, Румыния, Болгария — встречали советские военные корабли, прибывшие туда с визитами дружбы. По старой морской традиции, на рейдах Гдыни, Констанцы, Сталина прогремели приветственные орудийные залпы. Ответом им были салюты береговой артиллерии.

Как дорогих гостей, встречали трудящиеся этих стран советских моряков.

Польша... По всей стране быстро стало известно, что среди гостей капитан III ранга Беломоев, который в 1945 году принимал участие в освобождении Гдыни, капитаны I ранга Ярошевич и Гуманенко, очищавшие польские воды на Балтийском море от гитлеровских пиратов, офицер Иванов, который участвовал в боевых операциях по освобождению побережья. Эти имена стали особенно дорогими польскому народу.

Советские моряки побывали в Варшаве. Гостеприимные хозяева показали им поднявшийся из руин город. Стоило матросам появиться на улице, как их окружали дети, молодежь, рабочие, служащие. Завязывались задушевные беседы.

На снимке справа: варшавские строители и советские моряки.

Румыния... Гранитная пристань древней Констанцы давно уже не видела такого стечения народа, как утром 15 октября, когда на горизонте показались советские корабли. Словно вымпелы, трепетали на ветру бесчисленные красные галстуки пионеров, косынки, платки. Румынские корабли подняли в момент подхода советской эскадры все флаги...

До поздней ночи рука об руку с румынскими друзьями гуляли по городу советские моряки, обменивались автографами, значками, фотографировались. На другой день на сцене летнего театра в парке имени Горького художественный ансамбль советских моряков дал концерт, а на городском стадионе состоялась товарищеская футбольная встреча между гостями и румынскими моряками.

В профсоюзном клубе Констанцы советские матросы долго беседовали с передовыми рабочими города. Токарю Кристе Константину рассказал о методах скоростного резания металла старшина Андрей Максимов.

Газета «Скынтейя» писала по поводу визита советской эскадры, что он превратился в настоящую демонстрацию дружбы, непоколебимого братства между народами Румынии и СССР.

На снимке вверху слева: на центральной площади Констанцы в день прибытия советских моряков.

Болгария... Празднично выглядел город Сталин в день прибытия гостей из великого Советского Союза. Улицы украсились плакатами и лозунгами, приветствующими советско-болгарскую дружбу, Вооруженные Силы СССР, советских военных моряков.

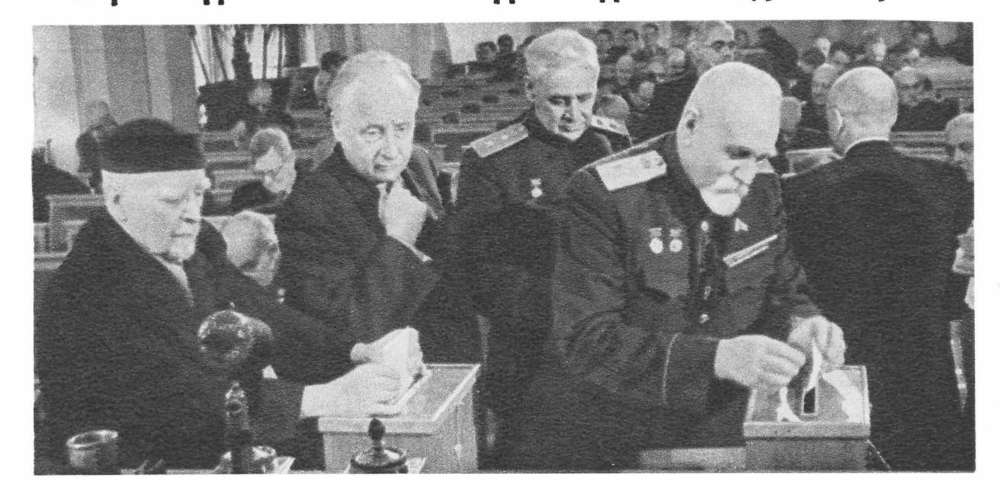
Группа советских офицеров посетила столицу Болгарии Софию. Моряки познакомились с достопримечательностями древнего города, осмотрели ряд музеев, памятники русским воинам-освободителям, возложили венок к подножью мавзолея Георгия Димитрова. В честь советских моряков был дан обед, на котором присутствовали руководители коммунистической партии и правительства Болгарии, генералы, офицеры болгарской Народной армии и флота.

Советские корабли посетили также порт Бургас.

На снимке вверху справа: советские офицеры беседуют с ученицами 20-й средней школы имени Сталина в Софии.

Выборы академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР

23 октября на общем собрании Академии наук СССР состоялись выборы действительных членов и утверждение членов-корреспондентов Академии наук СССР. Избран 51 академик и 148 членов-корреспондентов. За все свое существование Академия не получала одновременно столь крупного пополнения. Этот факт показывает огромный рост науки и культуры в нашей стране, отражает все возрастающую роль науки в жизни советского народа.

На снимке: академики Г. М. Кржижановский (слева) и Е. Н. Павловский опускают бюллетени в избирательные урны.

Фото В. Шаровского (ТАСС).

XIV пленум правления Союза советских писателей

С 21 по 24 октября в Москве состоялся XIV пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный состоянию современной советской драматургии. После доклада К. М. Симонова, сосредоточившего внимание на некоторых важнейших для дальнейшего развития нашей драматургии вопросах, и содоклада Б. А. Лавренева развернулись оживленные прения, в которых приняло участие 38 человек — драматурги, режиссеры, артисты, критики.

С большим интересом выслушали участники пленума выступление министра культуры СССР тов. П. К. Пономаренко.

На заключительном заседании пленум вынес решение о состоянии и задачах современной советской драматургии, а также обсудил организационные вопросы. Осенью 1954 года решено созвать второй Всесоюзный съезд советских писателей; в начале следующего года соберется очередной пленум правления Союза советских писателей, посвященный подготовке к съезду.

Избраны руководящие органы правления ССП СССР. Председателем правления избран А. А. Фадеев. Избран президиум правления в составе 35 человек и секретариат, в который вошли А. А. Сурков (первый секретарь), К. М. Симонов, Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Н. М. Грибачев, Б. Н. Полевой.

Инженер приехал в МТС

Пришло время прощаться с коллективом: Я. Л. Затуренский, инженер Минского мотовелозавода, решил поехать на село. Ему предложили работу главного инженера Большевистской МТС, Минской области.

Я. Л. Затуренский (справа) и главный агроном МТС Н. Я. Петров.

Проводы на заводе прошли очень тепло. Рабочие окружили начальника цеха, говорили ему хорошие, простые слова. А потом кто-то протянул Затуренскому подарки от всего коллектива — портсигар, часы и автоматическую ручку.

— Не забывайте нашего завода!

Растроганный Затуренский благодарил товарищей, обещал свой заводской опыт применить в МТС.

...Неделю спустя мы встретились с Затуренским в МТС.

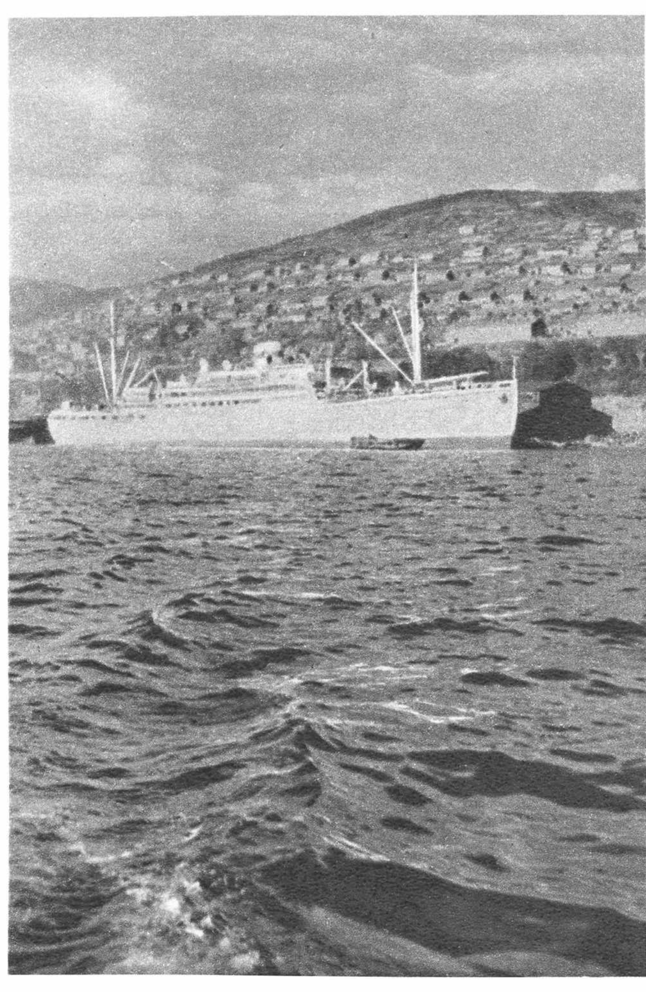
— Тут, конечно, многое нужно делать по-новому,— сказал он.— Предстоит большое строительство, но это впереди. А сейчас главное — ремонт тракторов, комбайнов и других машин. Расширим мастерские, создадим испытательный участок, временную площадку для хранения сельскохозяйственных орудий. К счастью, здесь очень толковый народ, особенно среди трактористов.

И закончил беседу шуткой:

— Работать будем по часам, вот по этим, подаренным!

В. ПОНОМАРЕВ

Курс—Камчатка

«Русь» у пирса Петропавловского порта.

Фото Л. Данилова.

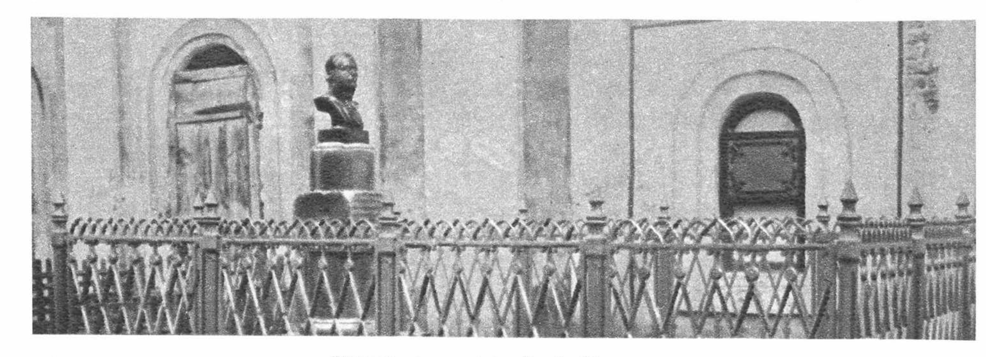
Десятки океанских экспрессов ходят по голубым дорогам Дальнего Востока. Курильские острова и Камчатку, Чукотку, Сахалин и Охотское побережье — самые далекие гавани соединяют они с Большой Землей.

Недавно на линии Владивосток — Петропавловск-Камчатский стал курсировать мощный теплоход «Русь». На судне сотни удобных кают, рестораны, кинозалы, спортивные площадки. Радио соединяет пассажиров с Москвой, Хабаровском, Владивостоком.

Свой самый большой рейс «Русь» проходит за трое суток.

На могиле великого флотоводца

Могила адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Фото В. Перункова.

В трех километрах от города Темникова, Мордовской АССР, в бывшем Санаксарском монастыре — архитектурном памятнике XVIII века,— находится могила знаменитого русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Недавно здесь закончено обновление надмогильных сооружений памятника, поставленного еще в 20-х годах XIX века племянником адмирала, капитан-лейтенантом Ф. И. Ушаковым.

Многочисленные экскурсии посещают могилу, отдавая дань уважения памяти знаменитого русского флотоводца.

А. ЧЕРНУХИН,
директор Темниковского краеведческого музея.

Выдающийся немецкий художник-классик

Исполнилось 400 лет со дня смерти немецкого художника Лукаса Кранаха Старшего. Этому событию было посвящено торжественное заседание, созванное Академией художеств СССР и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. На заседании присутствовали художники, искусствоведы, научные работники, представители общественности Москвы, а также сотрудники посольства Германской Демократической Республики.

Произведения Лукаса Кранаха (1472—1553) наряду с творениями его современников — мастеров немецкого Возрождения Альбрехта Дюрера и Ганса Гольбейна Младшего — занимают почетное место в сокровищнице мирового искусства.

Лукас Кранах принадлежит к числу художников, творчество которых ознаменовало в живописи и графике переход от мистических средневековых форм к реализму. Даже картины на обычные для того времени религиозные сюжеты Кранах насыщает удивительно живыми деталями, взятыми из реальной действительности.

Большое место в творчестве Кранаха занимают портреты его современников. Острые характеристики, глубокое проникновение в психологию — таковы эти интереснейшие образы далекого прошлого.

Работы Лукаса Кранаха имеются в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

О. ГЕОРГИЕВ

Альбрехт Дюрер. Портрет Лукаса Кранаха.

Последние футбольные встречи

Момент игры «Торпедо» (Москва) — сборная Финляндии.

Фото А. Бочинина.

В прошлом номере журнала мы уже сообщали о выступлении в Москве команды клуба имени Дожа из Будапешта.

Венгерские футболисты после этого посетили Грузию. Они в Тбилиси встретились с местной командой «Динамо». Острая, напряженная борьба закончилась победой спортсменов клуба имени Дожа с результатом 3 : 2.

В минувший понедельник москвичи вновь увидели венгерских футболистов. На сей раз против них выступали обладатели «Кубка СССР» — московские динамовцы.

Интересное состязание закончилось со счетом 1 : 1.

22 октября в Москве состоялся матч между сборной командой Финляндии и столичным коллективом общества «Торпедо». Финские футболисты показали дружную игру. Встречу выиграли торпедовцы (3 : 1).

25 октября команда Финляндии провела состязание в Ленинграде с футболистами общества «Зенит». И этот матч закончился со счетом 3 : 1 в пользу советских футболистов.

РАСТУЩЕЕ МАСТЕРСТВО

Всесоюзные соревнования сельских легкоатлетов

Каждую осень, управившись с уборкой большого колхозного урожая, съезжаются в один из городов страны лучшие сельские спортсмены. Для них Всесоюзные соревнования — это тоже своего рода страда: подводятся итоги годовой работы на спортивных площадках, собирается «урожай» новых рекордов, выявляются имена новых передовиков колхозного спорта. В этом году флаг очередных Всесоюзных соревнований сельских физкультурников по легкой атлетике был поднят на ереванском стадионе «Динамо».

Заслуженный мастер спорта Н. Думбадзе демонстрирует колхозным спортсменам свою технику метания диска.

Н. Дерганова (УССР) — победительница в пятиборье.

Кто же они, 360 сильнейших колхозных легкоатлетов страны, съехавшихся в Армению? Мы увидели среди них полеводов колхозов Российской Федерации, хлопкоробов Узбекистана, охотников из далекой Баргузинской тайги, украинских свекловодов, виноградарей Молдавии, эстонских рыбаков. Встречая делегацию РСФСР, армянские спортсмены поднесли ей огромный венок, в который искусно были вплетены гроздья светлозеленого и нежнорозового винограда, пушистые персики. Гостеприимно приняли колхозные спортсмены Армении своих друзей из 139 областей и краев Советской страны.

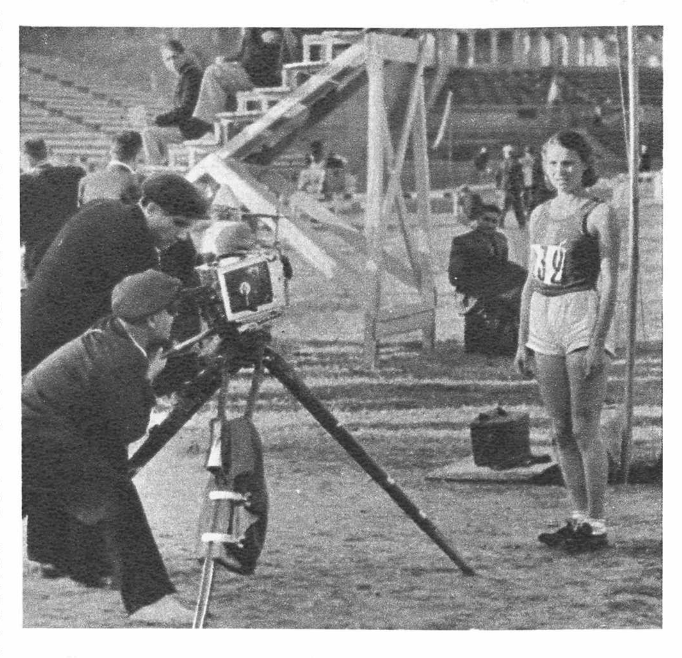
Вместе с сельскими физкультурниками приехала в Ереван и группа известных легкоатлетов СССР. Тесным кольцом обступили участники соревнований высокую темноволосую спортсменку. Привычным движением она берет в руки диск и начинает стремительное вращение. Но снаряд не вылетает в воздух. Снова и снова повторяет заслуженный мастер спорта Нина Думбадзе всю цепь движений. «Торопливость никогда не даст нужной метателю быстроты»,— говорит Думбадзе и подробно, «по слогам» разбирает движения дискобола. Да, ереванский стадион стал в эти дни не только ареной напряженной спортивной борьбы, но и учебным классом. Вслед за рекордсменкой мира Ниной Думбадзе демонстрировали свое мастерство барьеристки Мария Голубничая и Елена Гокиели, известный марафонец Феодосий Ванин, чемпион СССР в беге на 400 метров Ардальон Игнатьев. Колхозные спортсмены, внимательно, с большим интересом изучая искусство сильнейших легкоатлетов, тут же показали, что и они кое-чего сумели добиться за последний год.

Бег на 800 метров... В группе рослых, длинноногих спортсменов Рассых Бикчурин казался чуть ли не подростком. Как этого и ожидали многие, бег повел выступавший вне конкурса спартаковец из города Горького Б. Алексюк. На первенстве страны нынешнего года он занял второе место на этой труднейшей дистанции. За Алексюком вплотную следовали сильнейший колхозный бегун Эстонии Лепикульт и латыш Ренга. Но когда был пройден первый круг, вперед неожиданно вырвался никому не известный спортсмен из Татарии Бикчурин. С каждым шагом наращивает он скорость и первым пересекает линию финиша. Секундомеры показали, что двадцатилетний колхозник прошел дистанцию за 1 минуту 56,4 секунды. Призер первенства СССР Б. Алексюк должен был довольствоваться вторым местом. Как же удалось Бикчурину пробежать 800 метров в такое время? Ответ прост. У молодого колхозника два учителя: не только колхозный бригадир Арфы Ишмуратов, но и заслуженный мастер спорта Алексей Лаушкин. Именно он помог молодому колхознику добиться больших успехов.

Не менее интересная борьба развернулась и в беге на 10 тысяч метров, который впервые включен в программу соревнований колхозных спортсменов. Сельский легкоатлет Николай Новиков сумел обогнать выступавшего вне конкурса бегуна А. Иванова.

С каждым годом колхозная деревня выдвигает все новых и новых одаренных спортсменов. Всего лишь два года назад мы впервые увидели на беговой дорожке стройного молодого бегуна из Чувашии, а теперь имя Ардальона Игнатьева знают на стадионах многих стран. Паренек из села Ново-Тойдереково стал быстрейшим бегуном Европы. Только в минувшем сезоне семьдесят раз стартовал Игнатьев на больших соревнованиях в Советском Союзе и за рубежом — в Венгрии, Швеции, Норвегии,— и неизменно его бег завершался победой.

Большого успеха добилась бурятка Чимитсо Сыжипова. Она выросла в одном из сел Баргузинской тайги. Нынешней весной после учебы Сыжипова вернулась домой с дипломом учительницы родного языка и литературы. Девушка из тайги завоевала первенство в барьерном беге на 80 метров, а в состязаниях по пятиборью в соревновании с более опытной украинской спортсменкой Надеждой Дергановой заняла второе место.

Кинооператор спешит запечатлеть на пленку победительницу в беге на 200 метров Н. Анчилевич.

Впервые обратил на себя внимание Александр Малявин, метнувший диск на 48 метров 9 сантиметров. Это — новое достижение колхозных метателей.

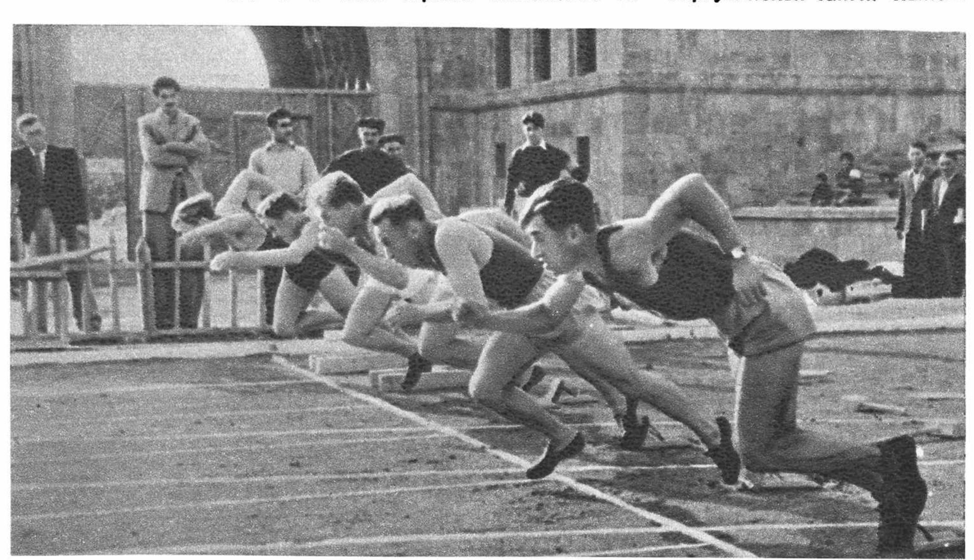
Команды союзных республик боролись за первенство. Победу одержал дружный коллектив сельских спортсменов РСФСР. Второе место закрепили за собой спортсмены Украины, а третье призовое место заняли колхозные легкоатлеты Эстонии.

По нашей просьбе судья всесоюзной категории В. А. Степанов сопоставил результаты колхозных первенств 1950 и 1953 годов. Оказалось, что победитель в беге на 1 500 метров первенства 1950 года финишировал бы сейчас только пятым, что лучшая метательница диска могла бы рассчитывать в Ереване лишь на восьмое место, а прежнему чемпиону по прыжкам в длину пришлось бы довольствоваться теперь семнадцатым местом.

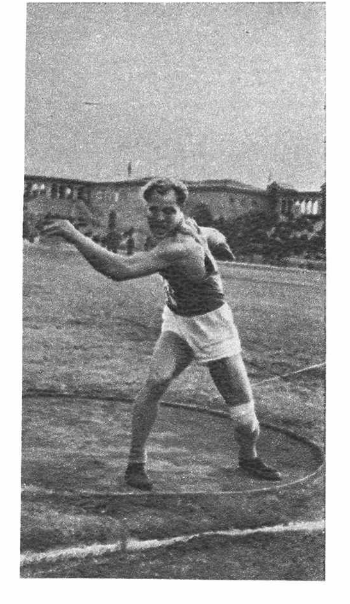
Евг. СИМОНОВ

Ереван.

Фото Н. Волкова.

Старт финального забега на 100 метров.

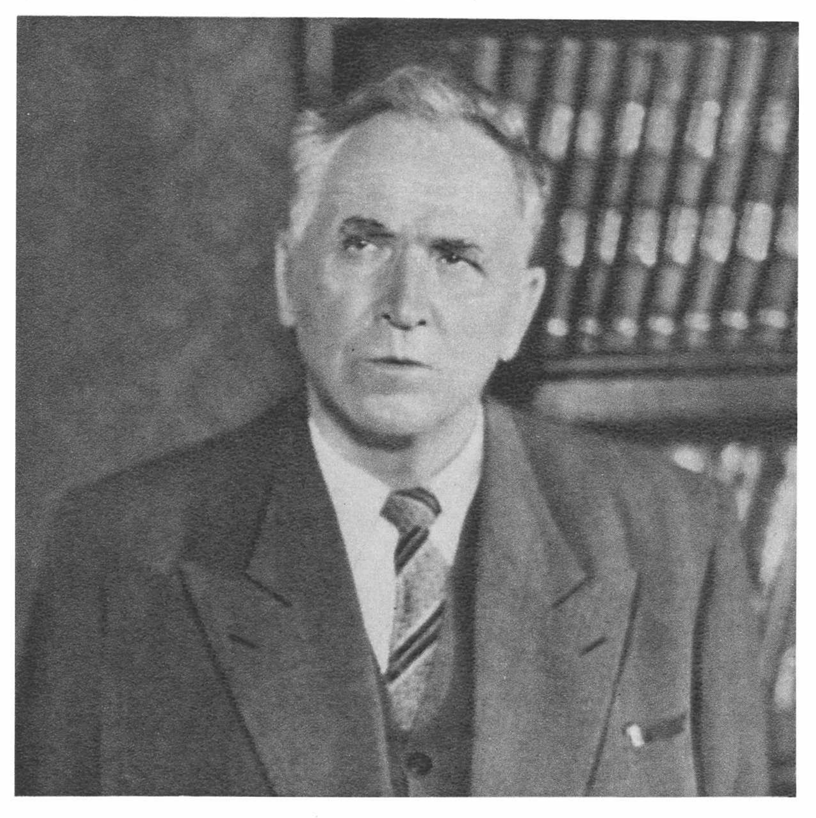

Колхозный спортсмен Российской Федерации А. Малявин, занявший первое место по метанию диска.

Иван Павлович БАРДИН

К семидесятилетию со дня рождения

И. П. Бардин.

Фото Е. Мичуриной.

Бескрайнее снежное поле открывалось перед глазами, и только с юго-запада оно было ограничено склонами Соколиных и Старцевых гор, ослепительно белевшими под зимним солнечным светом.

Лошадь легко тащила розвальни по узенькой дороге. Возница, стряхивая сосульки с бороды, указал седоку вдаль и произнес:

— Вон, видите, это деревня Бессоново, а там, направо, где клубится голубой дымок, — Араличево!

«Да, здесь будет город, город металла! — думал уже немолодой, с гладко выбритым лицом человек, закутанный в сибирскую шубу. — Над этими снежными просторами поднимутся сорокаметровые дымящиеся громады домен, высокие цилиндры воздухонагревателей, под крышами мартеновских цехов заискрится металл, и железнодорожные пути перепояшут все это пространство».

Это было в 1929 году. Ивана Павловича Бардина назначили главным инженером будущего Кузнецкого металлургического комбината, твердыни отечественной металлургии на Востоке.

Площадка, выбранная строителями, понравилась Бардину.

— Какие просторы, какая широта! — заметил он, когда возница, повернув сани, двинулся в обратный путь.

Бардин вспомнил свою жизнь, безрадостные годы юности и пору странствий. После окончания Киевского политехнического института он не мог устроиться на работу. Металлургия Юга в царской России находилась в руках иностранцев.

— Нам нужны иностранные специалисты, — говорили Бардину.

У крестьянского сына Ивана Бардина не было связей в промышленных кругах, и он в поисках счастья уехал в Америку.

Спустя несколько десятков лет академик Иван Павлович Бардин писал об этой поездке: «Еще на корабле, до того, как вы сходите на берег, вас встречает величественный памятник Свободы с вздымающимся высоко в небо ярким факелом. Не заблуждайтесь! Освободитесь от ваших иллюзий! Как только вы вступили на американскую землю, ваша свобода стоит ровно столько, сколько стоит двадцатидолларовая ассигнация в вашем кармане».

Обетованная страна «свободы» оказалась страной нечеловеческой эксплуатации. Русский инженер попадает на завод «Дир компани» в Молине и становится там простым рабочим под номером 603. Попытки Бардина найти работу инженера и позже не увенчались успехом. Он переходит на большой металлургический завод «Гери» и снова, теперь уже под номером 13331, работает рабочим в прокатном цехе металлургического гиганта, работает до изнеможения, пока не заболевает.

Иван Павлович возвращается в Россию, работает на металлургических заводах Юга: в Юзовке и Енакиеве.

После Великой Октябрьской революции под техническим руководством Бардина восстанавливались Енакиевский, Макеевский и Днепродзержинский заводы. Возрождая разрушенное, он много потрудился над тем, чтобы заводы стали еще более совершенными, чем раньше. Стремление во всем найти новое — стиль работы Бардина.

Страна вступила в первую пятилетку. Партия решила строить на Востоке один из крупнейших в Советском Союзе Кузнецкий металлургический комбинат.

Все свои силы, все свои знания отдавал Бардин сооружению комбината. Первенец металлургии создавался не без труда. Приходилось спорить с иностранными консультантами, стремившимися дискредитировать и задержать строительство.

Бардин строил комбинат на новых, прогрессивных началах.

Прошло три года. Домны Кузнецка дали стране металл. Маленькую плитку первого чугуна послали в Москву, в Кремль. В этой плитке была заложена энергия тысяч людей — рабочих, инженеров, техников. И среди них — энергия инженера и ученого И. П. Бардина.

Весенним днем того же 1932 года научная общественность выдвинула главного инженера Кузнецкого металлургического комбината Ивана Павловича Бардина в действительные члены Академии наук СССР.

Инженер-ученый, формировавший свои знания не за дубовыми дверьми кабинетов, а в цехах заводов, у мартеновских и доменных печей, получил всеобщее признание.

Академик Бардин становится командиром советской металлургии. В 1937 году он главный инженер Главного управления металлургической промышленности Наркомтяжпрома. В 1939 году — заместитель наркома черной металлургии.

Когда началась Великая Отечественная война, когда гитлеровцы временно оккупировали важные центры промышленности, перед специалистами встала ответственная задача — выявить и освоить на Востоке новые сырьевые ресурсы для черной металлургии.

В трудные военные годы Иван Павлович занимался развитием и совершенствованием металлургической промышленности.

Этот напряженный труд Бардина был высоко оценен партией и правительством. Ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Кончилась война. Перед учеными нашей страны открылись новые горизонты. Был принят новый, так называемый комплексный метод изучения производительных сил целых районов страны. В Казахстан, на Северо-Запад, Дальний Восток, Якутию и в другие районы СССР выезжали экспедиции Академии наук, состоящие из представителей самых различных областей знаний. Горячим энтузиастом этих работ был Иван Павлович Бардин, вице-президент Академии наук СССР. Вместе с сотрудниками им написан научный труд «Проблемы северо-западной металлургии». Большая комплексная экспедиция по изучению Ленинградской области и Мурманского края дала возможность решить один из сложнейших, казавшийся некогда почти не разрешимым вопрос о создании металлургической базы Ленинграда.

Параллельно с изучением производительных сил страны академик Бардин занимается новыми проблемами нашей металлургии. Он стоит во главе двух ведущих научно-исследовательских институтов — Института металлургии Академии наук СССР и Центрального научно-исследовательского института черной металлургии. Еще в 1944 году он писал: «Перспективы применения кислорода в металлургии — не воздушные замки, а крепости науки, которые надо взять. Но мы знаем, что нет таких препятствий, которые бы не взяла техника, вооруженная передовой наукой».

В результате сложных, длительных исследований и расчетов в 1948 году мартеновские печи московского завода «Серп и молот» начали работать на воздухе, обогащенном кислородом. Это было огромное достижение отечественной техники. Кислород, подававшийся вместе с воздухом и мазутом, повышал температуру в печи, повышал и интенсивность ее работы.

Вслед за «Серпом и молотом» кислород начали применять и на других предприятиях.

Советские ученые и инженеры при непосредственном участии и под руководством Ивана Павловича осваивают новую ступень металлургии: внедряют кислородное дутье и в доменный процесс.

Наш разговор происходит в кабинете Института металлургии имени А. А. Байкова, который возглавляет академик Бардин. Подвижной и энергичный, несмотря на свои семьдесят лет, он горячо говорит о будущем металлургии:

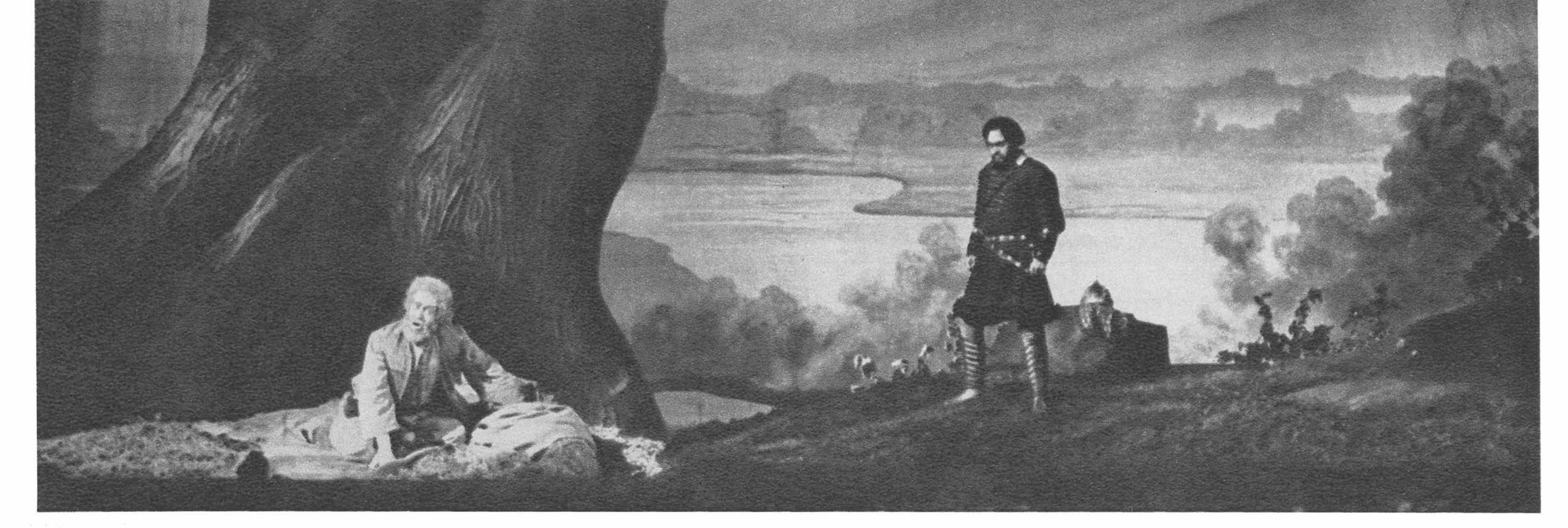
— Вы спрашиваете, каковы перспективы нашей науки о металле? О, об этом можно многое сказать! Одна из интереснейших проблем — непрерывное литье. Разрабатывается технология непрерывного производства металла — от руды до проката. Она строится примерно так: руда — домна на кислородном дутье — чугун — обработка его кислородом — раскисление — добавление легирующих присадок и, наконец, прокат: рельсы, балки, листы...

Советская наука разрабатывает также процессы бездоменного производства железа, при котором оно получается сразу из руды. Руда дробится и поступает в специальные вращающиеся барабанные печи и здесь восстанавливается газами. Частички металла отсортировываются магнитными сепараторами и сразу же направляются в мартеновские печи для переплавки в сталь. Специальные добавки редких металлов облагораживают ее, придают ей нужные, требуемые производством качества.

Перед советской металлургией стоят вопросы еще более широкого использования электрической энергии: создание электродомен, электронагрев стальных слитков при прокате, применение автоматики и телемеханики в управлении сложнейшими металлургическими предприятиями.

Бардин говорит о будущем почти как о настоящем. Завтрашний день для него — прямое, логическое продолжение замечательного сегодня нашей металлургии. И во имя этого завтрашнего дня продолжает упорно трудиться академик И. П. Бардин.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Сцена из спектакля «Момчил». Слева — Сыбо, побратим Момчила — Георги Генов, справа — Момчил — артист Димитр Узунов.

Дорогие гости

А. ГОНЧАРОВ

Фото Е. Умнова.

На улицах Москвы в октябре появились афиши Болгарского государственного театра оперы и балета. Рядом с «Иваном Сусаниным» и «Борисом Годуновым» на афишах значились никогда не ставившиеся на советской сцене произведения современных болгарских композиторов—опера «Момчил» Любомира Пипкова и балет «Хайдутская песня» Александра Райчева. Мне, как и другим работникам советского искусства, побывавшим в Болгарии, эти названия говорили о многом.

Момчил — артист Димитр Узунов.

Я вспомнил нашу поездку в Софию и другие города Народной Республики Болгарии, состоявшуюся прошлым летом, когда мы получили счастливую возможность всесторонне познакомиться с театральным искусством этой страны — с ее драмой, оперой и балетом. Надо сказать, что театр в Болгарии любят совершенно особенной, горячей, требовательной любовью. Никого не удивляет, если начало воскресного спектакля назначено на 9 часов... утра! Зрители соберутся, даже если объявить, что спектакль начнется еще раньше. Залы театров неизменно полны; и как взволнованно, как увлеченно следят зрители за сценическим действием, как щедро награждают они аплодисментами своих актеров, певцов, солистов балета! Количество театров в стране растет из года в год. Уже сейчас нет ни одного большого или малого города, где не было бы драматического, а то и оперного театра или по меньшей мере нескольких любительских драматических кружков, регулярно дающих спектакли.

Такие дружные всходы болгарское сценическое искусство стало давать только после установления в стране народной власти, когда созидательные силы народа вырвались на простор.

Болгарское музыкальное искусство, новое, но обладающее прочными традициями, молодое, но располагающее зрелыми дарованиями, сразу же получило поддержку и помощь искусства братской Советской страны. За короткий сравнительно срок болгарский театр, болгарская музыка, болгарская живопись, кинематография, хореография сделали большой шаг вперед.

И вот гостеприимная Москва принимает дорогих друзей — коллектив Болгарского государственного театра оперы и балета. Успех этого коллектива определился в первые же дни его приезда.

Наибольшей популярностью у москвичей пользовался балет «Хайдутская песня» — своеобразное и яркое произведение болгарского хореографического искусства. Авторы — композитор Александр Райчев и либреттист Александр Хаджихристов — задались трудной целью: показать в балетном спектакле страницы героической и самоотверженной борьбы болгарского народа против многовекового турецкого ига. Следовательно, по замыслу композитора и либреттиста, это должен быть героический балетный спектакль. Стоит вспомнить, как мало было удач в этой области, чтобы оценить всю сложность такой творческой задачи, а также редкую целеустремленность, проявленную создателями «Хайдутской песни».

На протяжении всего стремительного, полного динамики представления наше внимание ни разу не уходит в сторону от главной мысли, от главной патриотической темы балета. Сильная, полная вдохновенного драматизма музыка Александра Райчева, богато насыщенная болгарскими народными мелодиями, приобретает особую выразительность, когда в ней звучат гневные, страстные мотивы освободительной борьбы. И, что заметно даже не специалисту, при всей своей глубокой эмоциональности музыка Райчева неизменно танцевальна. Это позволило балетмейстерам Анастасу Петрову и Нине Кираджиевой, а также постановщику Н. Холфину построить весь спектакль так, чтобы ничто не отвлекало зрителей от развития сюжета. В спектакле нет ничего, напоминающего обычный балетный дивертисмент. Это героическая народная драма, рассказанная простым и страстным языком танца и пантомимы.

Главную роль — Чавдара, молодого пастуха, который становится народным вожаком в борьбе против турок, исполняет Асен Гаврилов — талантливый танцовщик, обладающий ярким драматическим дарованием и уверенной, хотя и недостаточно разнообразной

«Борис Годунов» М. Мусоргского. Сцена из 1-го действия. В центре — народный артист Христо Брымбаров в роли Бориса Годунова.

Фото В. Соболева (ТАСС).

техникой. Отличная пластика, прекрасная мимика и темперамент Асена Гаврилова придают образу Чавдара большое обаяние, привлекают к нему живую симпатию зрителей. Подстать Чавдару его подруга, мужественная Румяна, гордая патриотка, на долю которой, по ходу спектакля, выпадают тяжелые испытания турецкого плена. В партии Румяны даровитая Люба Колчакова сумела создать трогательный и выразительный образ достойной дочери болгарского народа. Очень естественны и свободны у Колчаковой переходы от лирических эпизодов к бурно драматическим. Танец ее динамичен, изящен по рисунку, богат оттенками, но, нам кажется, артистке следует еще развивать свою технику, в частности, совершенствовать прыжок, избегать однообразия движений рук.

Среди других исполнителей особенно выделяются Нина Кираджиева, темпераментно, с подлинным огнем передавшая в танце мучительные переживания матери Чавдара, чей дом уничтожен озверевшими башибузуками, а также Константин Кюркчиев — исполнитель роли старого, испытанного вождя повстанцев (хайдутов), отца Чавдара. Отлично проводит Стефан Йорданов роль кулака Симо, пресмыкающегося перед турками. Это образ, исполненный гневной и меткой сатиры.

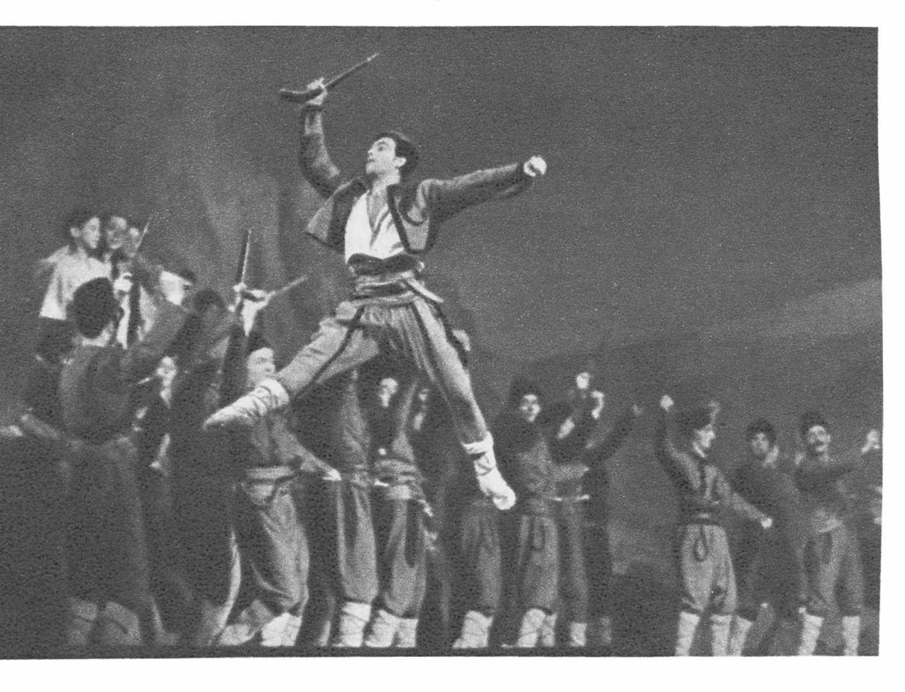
Но, быть может, самое большое достижение постановщиков «Хайдутской песни» — это массовые народные сцены и народные пляски, которые органично входят в ткань балета.

Выразителен эпилог спектакля — освобождение Болгарии от турецкого гнета в 1878 году доблестными русскими войсками. Память об этом событии поныне жива и в сердцах болгар и в сердцах русских — и в Софии и в Москве эпилог «Хайдутской песни» встречал восторженные аплодисменты зрительного зала.

Много свежих впечатлений принесли болгарские оперные спектакли. Естественно, наибольший интерес вызвал «Момчил» — оригинальное, своеобразное произведение современного болгарского композитора Любомира Пипкова, написанное им в содружестве с поэтом Христо Радевским в черные дни гитлеровской оккупации Болгарии. Гневное возмущение народа против захватчиков сказалось в том драматизме, с которым авторы трактовали исторический сюжет своего произведения. Действие оперы уносит нас в далекие годы XIV века, когда под водительством отважного народного героя Момчила крестьяне Болгарии выступили против феодального гнета и опасности порабощения страны иноземцами. В опере много народных сцен, написанных композитором под очевидным и благотворным влиянием гения русской музыки Модеста Мусоргского. Центральные партии оперы позволили солистам Болгарского театра создать ряд интересных в вокальном и в драматическом отношении образов.

«Хайдутская песня». Румяна, невеста Чавдара,— Люба Колчакова. Чавдар — Асен Гаврилов.

«Хайдутская песня» Александра Райчева. Вверху: танец Чавдара (Асен Гаврилов). Внизу: эпилог спектакля. Встреча русской армии-освободительницы.

Прежде всего это относится к образу самого Момчила (Димитр Узунов). Обладая сильным и красивым, свободно льющимся голосом, Димитр Узунов кроме того одарен, несомненно, и драматическим талантом. Фигура Момчила предстает как олицетворение гнева народного, свободолюбия и патриотизма. Вообще тенор Узунова произвел на московских зрителей очень сильное впечатление. Возможности этого молодого артиста поистине редки и обещают ему большое будущее.

Достойной партнершей Узунова явилась Катя Георгиева — исполнительница партии Елены. Уверенно владея своим чистым теплым сопрано и средствами актерской выразительности, солистка создает поэтичный, обаятельный образ Елены. В партии Сыбо, побратима Момчила, отлично звучал мягкий баритон Георги Генова, в партии сестры Момчила Ефросины — звонкое и сильное меццо Тани Цоковой. Хор (хормейстер Димитр Гончаров) и оркестр под управлением Константина Илиева доставили истинное наслаждение самым требовательным ценителям музыкального искусства.

Кроме того, как и в «Хайдутской песне», блестяще были исполнены в «Момчиле» замечательные народные пляски Болгарии.

Но следует все же сказать, что если балетное либретто «Хайдутской песни» радует своей стройностью, последовательностью развития сюжета, то в опере «Момчил» либретто не отличается ни простотой, ни динамизмом. Одним образам либреттист уделяет большое, даже чрезмерное внимание, другие остаются почти не вовлеченными в действие и поэтому не раскрытыми в спектакле.

Показывая московским зрителям такие свои постановки, как «Иван Сусанин» и «Борис Годунов», наши друзья вполне закономерно хотели продемонстрировать свои успехи в освоении русского классического наследия. Надо сказать, что эти успехи велики. Такая сложнейшая опера, как «Борис Годунов» Мусоргского, получила на сцене Болгарского театра вполне достойное воплощение. В партии Бориса с успехом выступали Христо Брымбаров и Михаил Попов, знакомые москвичам по прежним их концертным гастролям в столице. Еще раз порадовал публику голос Димитра Узунова, исполнявшего партию Самозванца. Отлично провели свои партии Юродивого артист Васил Михайлов и Пимена Борис Христов. Главный дирижер Болгарского театра оперы и балета Асен Найденов уверенно и темпераментно управлял оркестром.

И в «Борисе Годунове» и в «Иване Сусанине» режиссура театра — Илия Иванов и Петр Райчев — добилась динамичности и достоверности массовых сцен. Постановки обеих опер порадовали тщательностью выполнения, продуманностью мельчайших деталей, той серьезностью и ответственностью творческого решения, без которой невозможно подлинное искусство.

Сердечный прием, оказанный Москвой талантливому коллективу Болгарского театра, свидетельствует о великой дружбе советского и болгарского народов.

Конь из Кабарды

С. ФРИДЛЯНД

Издавна славится кабардинский конь. Веками горный народ создавал и совершенствовал ценные качества чистой породы: выносливость и неприхотливость, резвость и красоту формы.

Вот конь легко взбежал на скалистый выступ и замер, повернув сухую горбоносую голову. Внизу спокойно и беспечно пасется на зеленом лугу косяк лошадей...

Далеко видно отсюда, с высоты более двух тысяч метров над уровнем моря. На северо-востоке, прикрывая долины Пятигорья, стелются сползающие с гор туманы. Над этой ровной, неотличимой от морских просторов синеватой пеленой, как острова, поднимаются многоглавая вершина Бештау, гладкие купола Машука и горы Железной. В другую сторону, рукой подать, венчая Главный Кавказский хребет, сверкает ледовой шапкой величественный Эльбрус.

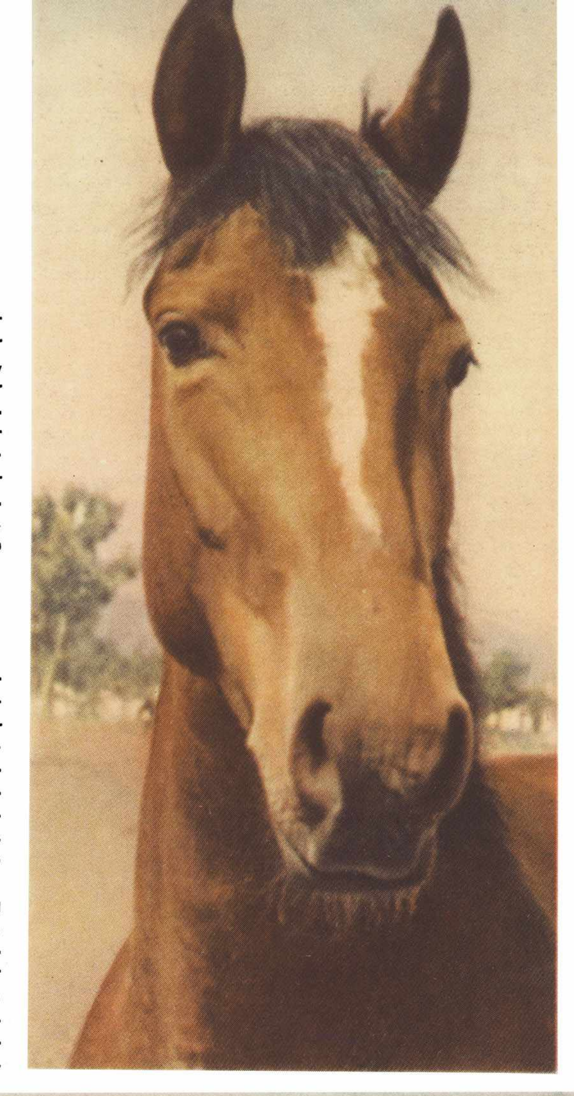
Солнце уже высоко. Внизу в этот час изнурительный зной. Но здесь, вблизи кромки вечных снегов, прохлада и чистейший, пропитанный запахами горной растительности воздух. Яркая и свежая зелень лугов. И только узенькой ленточкой чернеет взрытая тысячами копыт скотопрогонная дорога. То взбегая на крутые склоны, то скатываясь и исчезая в глубоких ущельях, сдавленных теснинами гор, тропа все же неуклонно стремится вверх, ближе к солнцу, на обильные нагорные пастбища.

К началу лета сотни тысяч голов скота — бесчисленные табуны, овечьи отары и стада — начинают передвигаться к взнесенному на гранитные массивы благодатному луговому раздолью. Скрипят, взбираясь на горные высоты, колхозные арбы с разборными домиками, палатками, продовольствием и библиотечками. В центре обширных пастбищ, в урочище Кетмес, располагается центральный республиканский штаб со своим радиоузлом, врачебным и ветеринарными пунктами, магазином. В эти же дни, оживая после зимней спячки, пышно расцветают травы под нежарким, но ласковым солнцем.

* * *

— Гляньте вокруг, чем не курорт для наших табунов! — сказал нам зоотехник Кабардинского госплемрассадника Н. Г. Дронь.— Целительный климат во многом схож с морским. Высокое напряжение солнечной радиации. Сухой, разреженный воздух, отлично вентилируемый горно-долинными ветрами. Сочные и питательные травы и даже многочисленные нарзанные источники; лошади охотно пьют этот крепкий, бодрящий напиток.

У табунщиков на летних выпасах нелегкая и беспокойная жизнь. Может неожиданно налететь ураган; стоит одной испугавшейся лошади увлечь за собой косяк, и весь он погибнет в пропасти. В такие часы табунщик мчится во весь опор по обрывистым скалам, уводя лошадей в безопасное укрытие. Ночами и в особенности на заре подкрадываются волки, на-

Начальник республиканского штаба нагорных пастбищ Х. Ш. Фокичев сообщает по радио в Нальчик о движении табунов в горы. Слева — радист В. В. Золотарев.

В свободные часы табунщики читают свежую газету.

падая на молодняк. Всю ночь напролет неустанно оберегают табунщики дремлющих лошадей.

Присмотритесь к движению табунов в течение дня. Оно строго рассчитано: с утра до полудня табунщик ведет лошадей с востока на запад, а затем в обратном направлении. Это делается для того, чтобы горное солнце не било лошадям в глаза.

* * *

Кабардинская порода лошадей сейчас распространяется в 11 республиках и областях страны. Одинаково пригодную и под седло, и под вьюк, и в упряжке кабардинскую лошадь

На ветеринарном пункте.

охотно покупают племенные фермы Грузии, Дагестана, Азербайджана, Молдавии...

Перед тем как покинуть родные края, кабардинский конь живет в табуне. Круглый год на свежем воздухе, путешествуя по горам и долинам, он закаляется. «Экзамен на зрелость» конь сдает на ипподроме в Нальчике. Еще полудикий, он попадает в опытные руки колхозных и государственных тренеров. Здесь в самых разнообразных испытаниях как бы раскрываются и еще больше развиваются все качества чистопородной лошади.

С прошлого года коневоды ввели дополнительные испытания в длительных походах. В первом же пробеге кабардинские кони не посрамили своих воспитателей. По трудному, горному маршруту всадники с тяжелыми вьюками прошли 500 километров за 7 дней. Почти не потеряв в весе, кони пришли к финишу бодрыми и здоровыми. После короткого двухчасового, отдыха пробег завершился стремительной двухкилометровой скачкой. Первое место занял конь из колхоза имени Сталина, Нагорного района, пройдя эту дистанцию за 2 минуты 30 секунд.

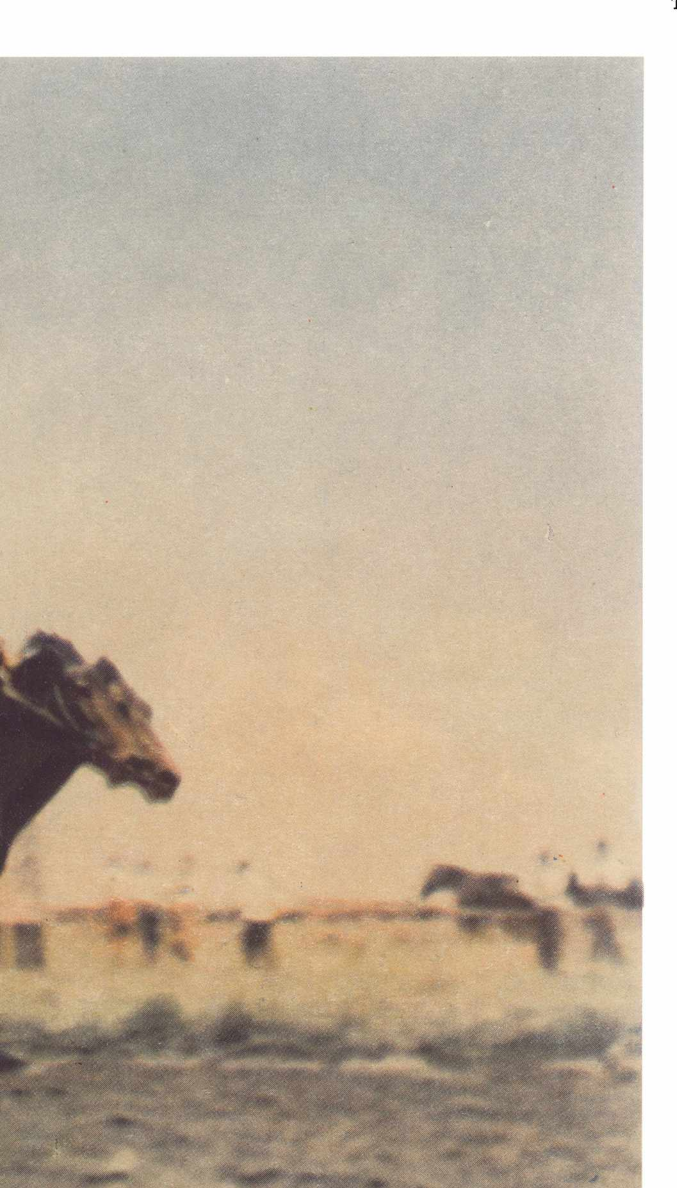
* * *

...На итоговых осенних скачках трибуны Нальчикского ипподрома до отказа заполняются зрителями. Среди них — табунщики, вырастившие быстроногих скакунов; заведующие конефермами, председатели колхозов, пославшие сюда, на скачки, самых лучших и самых резвых из тысяч своих коней; зоотехники и селекционеры, годами работающие над улучшением кабардинской породы; работники конзаводов и коневоды из других краев и республик, подбирающие коней для своих племенных ферм...

Все с напряжением следят за мчащимися во весь опор всадниками. И как всегда на соревнованиях, у одних радости, у других временные огорчения. Но и тех и других объединяет одно желание: чтобы во всех близких и далеких краях нашей страны, куда бы ни попали кабардинские кони, помянули хорошим словом коневодов Кабарды.

Табуны колхоза имени Сталина, Нагорного района, спускаются с гор на зимние выпасы.

На Нальчикском ипподроме.

Знатный табунщик Кабарды Герой Социалистического Труда Хажмурат Калмыков.

КЕЙПТАУНСКИЕ КОНТРАСТЫ

Алексей СОЛЯНИК,
капитан-директор китобойной флотилии «Слава»

Рисунки участника экспедиции художника Л. Постнова.

Весной 1953 года мы покинули зону Антарктики. Через четверо суток пути нам после полудня открылся Африканский материк. В сумерки мы увидели огонь маяка на мысе Доброй Надежды. Флотилия приближалась к Кейптауну, самому большому портовому городу Южно-Африканского Союза.

Как раз в тот час председатель профсоюзного комитета флотилии Василий Викторов читал для моряков доклад об этом английском доминионе. Докладчик говорил об истории многострадального негритянского народа банту, о бурах (иначе — африкандерах), потомках голландцев, поселившихся здесь три столетия назад, о британских империалистах, захвативших затем страну и окончательно утвердившихся в ней после англо-бурской войны в начале нынешнего века. В докладе было много фактов и цифр; они говорили о сегодняшнем дне Южно-Африканского Союза, о жестоком владычестве двух с половиной миллионов европейцев над коренным населением — восемью миллионами негров, миллионом мулатов, тремястами шестьюдесятью тысячами индийцев.

Доклад воскресил в памяти многое из того, что нам, советским морякам, довелось видеть и слышать самим в Кейптауне, куда флотилия наша заходит каждый раз, совершая свой рейс в Антарктику.

Фестиваль в Кейптауне

Наиболее богатым впечатлениями было прошлогоднее посещение этого города (мы простояли в порту одиннадцать дней).

Флотилия подошла в тот раз к материку ранним солнечным утром. На горизонте четко вырисовывались контуры Чертова пика, Столовой горы и Львиной Головы. От порта к подножьям этих гор тянулись городские улицы. В бинокль можно было легко различить пестрые вагончики канатной дороги, сооруженной на Столовой горе.

У внешнего рейда мы приняли на борт лоцмана и стали входить в гавань. Тут я заметил, что на всех пришвартованных к причалам судах были подняты флаги расцвечивания, а навстречу нам шла под парусами странная каравелла, какие теперь можно увидеть лишь на старинных рисунках или среди музейных макетов.

— Что за представление? — спросил я.

— У буров праздник, — криво усмехнулся лоцман, англичанин.— Исполнилось ровно триста лет с тех пор, как здесь высадился их первый поселенец, ван Риебик... Хотите полюбоваться? Присмотритесь...

Каравелла приближалась. Я вскинул к глазам бинокль и увидел, что вся ее команда одета по-старинному, а на мостике рядом с капитаном важно стоят мужчина, женщина и ребенок в одеждах XVII века.

— Каравелла построена в одну треть натуральной величины, зато ван Риебик, его жена и сын даны в полном объеме,— снова усмехнулся чему-то лоцман.— Роли первых поселенцев исполняют здешние актеры, а матросов изображают переодетые студенты...

Мы попали, что называется, с корабля на бал. Празднество было в разгаре. На огромной площади, примыкающей к порту, шли танцы. Оживленно было и на соседних площадях, где в сотнях палаток разместились приезжие участники фестиваля и гости, преимущественно буры. Но много было и англичан и других европейцев. В шикарных автомобилях разъезжали члены правительства, прибывшие из Претории, официальной столицы доминиона. На фестиваль пожаловал даже, как нам сказали, наместник английского короля — генерал-губернатор Южной Африки Джансен.

Поначалу могло казаться, что фестиваль стал праздником единения всех европейцев, обосновавшихся в этой стране. Но стоило присмотреться поближе — и от первого впечатления не оставалось и следа.

Вырядившись в национальные костюмы, танцуя и распевая старинные песни колонистов, многие из буров развлекались явно нехотя. Чувствовалось, они лишь рады случаю подчеркнуть, что именно буры, а не англичане являются «законными» хозяевами Южной Африки.

Нетрудно было заметить и то, что англичане держались обособленно. Одни молча прохаживались, презрительно поджав губы, другие откровенно посмеивались, глядя на резвящихся молодых буров. Я понял, почему лоцман криво усмехнулся, сообщая, что «у буров праздник».

Наконец, бросалось в глаза, что африканцы, коренные жители страны, в празднике не участвуют. Да это и не удивительно: три века европейской колонизации принесли им только рабство, голод, постепенное вымирание. Впрочем, нельзя сказать, что устроители фестиваля полностью позабыли о «туземцах». На площадях и улицах в праздничной толпе нам встретилось десятка два рикш; это были негры, запряженные в тележки, на которых восседали европейцы. На головы рикш надели рога буйвола. Эта издевательская деталь фестиваля не была случайной. Даже в праздник колонизаторы напоминали неграм, что их не считают людьми.

Фестиваль был как бы слепком с южноафриканской действительности. Шли дни. Мы с товарищами осматривали город, знакомились с окрестностями и на каждом шагу убеждались в том, что, ненавидя друг друга, английские и бурские богатеи, тем не менее, едины во всем, что касается выжимания последних соков из африканцев.

В те дни все в городе говорили, конечно, о фестивале. Зашла об этом речь и в случайной нашей беседе с одним английским промышленником. Он сразу побагровел:

— Идиотская затея! Не понимаю, зачем с ними нянчатся, с этими бурами... Ведь они хуже негров!..

— Чем же?

— О, если бы вы знали историю этих мест! — воскликнул наш собеседник с несвойственной англичанам горячностью.— Все вызвали здесь к жизни мы, англичане. Без нас никто бы даже не узнал об алмазах и золоте, не создал бы ни фабрик, ни заводов... Они ведь ни на что не способны, эти буры, только копаются в земле... Мужланы!.. Вы только посмотрите на их ногти, на белки их глаз! Они перемешались с черными, наплодили почти миллион явных мулатов, а сколько есть тайных! Вы понимаете, какая это угроза для белых!..

Нам оставалось только перевести разговор на другую тему.

А на другой день мы познакомились с буром, который оказался «по духу» весьма похожим на этого англичанина.

На ферме бура

Отправившись в загородную поездку, мы остановились возле большой фермы. Стояла жара. Я обратился к человеку, сидевшему в саду, и попросил воды, но он даже не повернул головы в нашу сторону. Полагая, что он меня не понял, я повторил просьбу, четко выговаривая английские слова.

— Нет воды, — проворчал он и снова отвернулся, не обращая на нас никакого внимания.

Наш переводчик, местный житель, рассмеялся и что-то произнес на африкаанс — языке буров. Фермер выпрямился, смущенно заулыбался и извинился через переводчика:

— Я вас не разглядел, я думал, что вы англичане...

Он что-то прокричал. Негритянка тут же принесла из глуби-

В кают-компании «Славы».

ны сада кувшин воды со льдом и несколько кружек. Осмотрев нас с ног до головы и окончательно убедившись, очевидно, по нашей форменной одежде, что мы не англичане, фермер и вовсе подобрел. Он пригласил нас в беседку, где на столе появились вино, яблоки, холодное молоко.

— Почему вы так ненавидите англичан? — спросил я.

— Еще дед и отец завещали мне не пускать их даже на порог, — помрачнел фермер. — Никогда и ни за что мы их не признаем, пусть убираются на свои острова...

— Как же так? — попробовал я возразить. — Ведь фестиваль устроили все европейцы, сообща...

— Сообща! — перебил меня фермер. — Праздник был устроен для маленьких детей и больших дураков, а их среди нас, буров, немало! Настоящим праздником для буров будет день, когда мы с божьей помощью выгоним отсюда всех англичан...

Из беседки было видно огромное поле, принадлежащее, как мы узнали, этому богатому фермеру. Над невысокой пшеницей мелькали головы негров, мужчин и женщин... Меня заинтересовало, как относится хозяин к своим батракам, и я спросил:

— А банту вы тоже ненавидите?

— Зачем их ненавидеть? — был неожиданный ответ. — Их можно только презирать. Это ленивые скоты... Если бы не мы, фермеры, они бы подохли с голоду!

Фермер разговорился. Он снова ополчился против англичан, обвиняя их в том, что они... балуют негров.

— Балуют? — удивился кто-то из нас.

— Конечно! — отрезал фермер. — Неграм нельзя давать деньги в руки! Сам господь бог их так создал, что они должны работать за корм! И притом им надо сидеть на одном месте, у одного хозяина, а не шататься по стране!..

— Позвольте, но ведь для негров, говорят, заведено здесь семнадцать видов пропусков, контролирующих каждый их шаг...

— Мало! Надо бы сто семнадцать пропусков! А то что же получается? Орды безработных негров шатаются по городу, а ночью воруют овощи и фрукты. Приходится охотиться за ними, как за дикими утками!.. У меня в спальне над кроватью висят три заряженных ружья... — Фермер вдруг расхохотался.— Однажды я услышал ночью шорох, выбежал в сад. Между деревьями, вижу, ползет что-то черное... Выстрелил — и визг поднялся такой, что я сам испугался. Оказалось, я ухлопал павиана, их тут много бродит... Черт его знает, ведь в темноте негра не отличишь от обезьяны...

Мы промолчали. Фермер, вероятно, понял, что этот эпизод вовсе не рассмешил нас. Он насупился. Мы поднялись из-за стола. Фермер распрощался с нами так же холодно, как встретил нас...

В лачугах отверженных

На обратном пути мы посетили небольшую локацию. Локациями здесь называются поселки, в которых живут рабочие-негры: селиться в черте города им запрещено. Отсюда они каждый день вынуждены ездить за сорок — шестьдесят километров в город, на завод или фабрику, что отнимает у них почти четверть и без того жалкого заработка.

Лачуги, сбитые из жердей, крытые соломой или ржавыми кусочками жести, точнее, расправленными консервными банками, жались друг к другу на выжженной солнцем земле. На окраине нам встретилась вереница женщин с высокими глиняными кувшинами на голове. Они несли воду из колодца, находящегося за пять километров от локации.

Мы вошли в небольшую лачугу. На соломенных цыновках спали вповалку трое мужчин; они работали, как нам потом сказали, в ночной смене на вагоноремонтном заводе в Кейптауне. Никто из них даже не шевельнулся, когда мы вошли, так тяжел был их сон. На других цыновках, рядом, лежало и сидело шестеро ребят в возрасте от трех до десяти лет. Глиняные кувшины, в которых здесь обычно хранят маис и сорго, были совершенно пусты.

— Все, что мой муж и братья привозят, мы тут же съедаем, — сказала женщина, мать лежавших на полу детей.

Самой младшей девочке я протянул плитку шоколада. Я ожидал, что ребенок тут же съест шоколад, что остальные дети попытаются отобрать у нее лакомство. Но все дети только испуганно смотрели то на плитку, то на меня и моих товарищей.

— Не удивляйтесь, — рассеял наше недоумение переводчик. — Откуда им знать, что такое шоколад?

Мы побывали и в других лачугах. Тяжело ворошить в памяти все, с чем мы там столкнулись. Все мы видавшие виды моряки, но у каждого сердце сжималось от жалости. Если меня когда-нибудь спросят, что такое Южная Африка, я расскажу только об одной негритянке, которую мы видели в хижине, подобной собачьей конуре. Эта молодая, одетая в лохмотья женщина лежала на земляном полу и, плача, прижимала к груди ребенка, только что умершего от голода. Когда мы вошли, она подняла на нас глаза, полные слез, и вскрикнула гортанно, резко, громко. В ее голосе слышалось не только горе, но и гнев, ненависть. Мы поспешили удалиться. Переводчик догнал нас спустя несколько минут:

— Она приняла вас за английских чиновников...

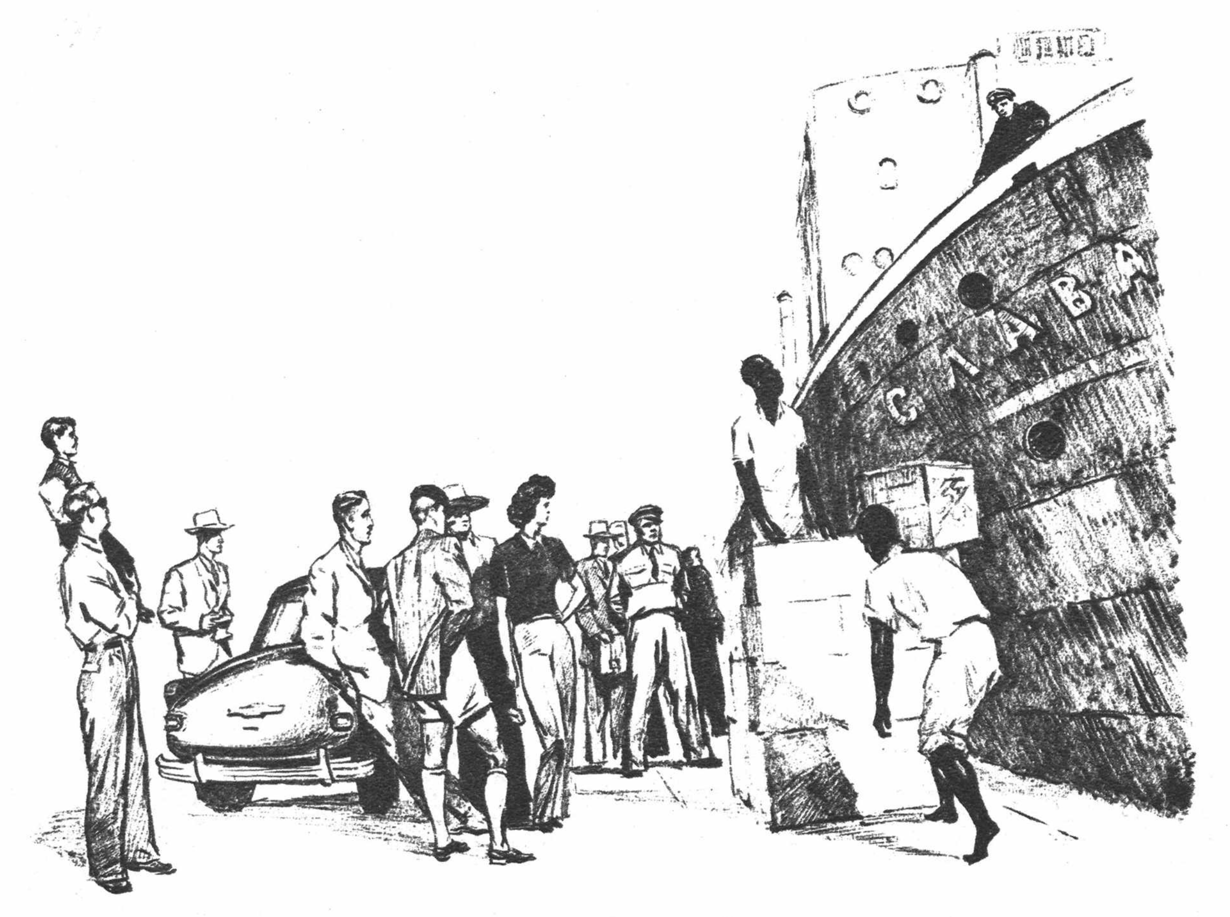
Встречались мы в те дни и с европейцами, которые тоже знают лишь одну нужду. На флагман нашей флотилии приходило много безработных, особенно моряков. Одни просили накормить их, другие — подать им мелкую монету, чтобы они могли принести домой, детям, праздничную булочку:

— Идет пасха, а у меня, друг, нет ни пенни, моряк моряка поймет.

Но и те из тружеников-европейцев, которые имеют работу, не всегда знают подлинную радость в жизни. Мне запомнилась встреча с пожилым моряком. Разговор зашел о кинофильме «Советские китобои», который он недавно видел. Моряк сказал мне дословно следующее:

— Я плаваю с пятнадцатилетнего возраста... Еще в молодости нужда заставила меня покинуть Шотландию, где я родился. Сорок лет я ходил на кораблях под различными флагами, был капитаном и на парусниках, и на грузовых судах, и на больших пассажирских лайнерах... На склоне лет меня забросило сюда, но тут я смог найти только работу конторщика, ведь на пенсию мне рассчитывать нечего... Я невольно сравнивал свою жизнь с тем, что увидел на экране. Я, взрослый человек, заплакал, и я не стыжусь своих слез. Как был бы я счастлив, если бы после долгих лет скитаний по морям меня хоть встретили в Шотландии так, как встречают каждый год в Одессе вас, русских моряков!.. Но такого счастья мне, видно, не дождаться...

Все это вспомнилось мне в тот час, когда я слушал вместе с матросами доклад о Южно-Африканском Союзе и когда в вечерней мгле впереди засветились первые огни Кейптауна.

В порту Кейптауна.

Русские монеты в музее

Суда наши ошвартовались, как обычно, в Дункан-доке. Там уже собралась толпа, приветствуя нас на разных языках. Едва только с флагмана спустили парадный трап, как густой вереницей потянулись наверх десятки людей. Здесь были и самые желанные гости — наши консульские работники, — и клерки обслуживающей нас фирмы, и инженеры с судоремонтных заводов, и спешащие получить солидный заказ поставщики продовольствия, и вездесущие репортеры. Тут же привезли

тюки с почтой из Советского Союза, и моряки набросились на газеты не только с пометкой «апрель», но и трех — четырехмесячной давности.

Прошло некоторое время, и на судне воцарился будничный порядок. Приступили к делу ремонтные бригады, по шлангам на суда флотилии подавали с берега мазут и воду, прибыли грузовики с овощами, фруктами нового урожая, мясом. А поодаль, у собственных машин и такси, уже топтались владельцы и служащие универмагов, поджидая наших моряков.

Свободные от вахты моряки съезжали на берег. Одни, оправдывая надежды торговцев, возвращались на суда со свертками, полными подарков для родных и друзей. Другие предпочитали просто гулять по городу, радуясь тому, что можно походить твердым шагом по земле — ведь мы провели на воде ровно сто шестьдесят дней. А третьи, особенно новички, спешили попасть в краеведческий музей — они еще в плавании прослышали о нем.

Музей интересен: он дает наглядное представление о природных богатствах страны, об ее истории и быте населения. Но наших моряков там больше всего привлекал небольшой стенд, где под стеклом экспонируется несколько старых русских монет.

Как они попали сюда?

Это интересная страница из истории русского флота.

В начале прошлого века известный русский мореплаватель капитан-лейтенант (впоследствии вице-адмирал) Василий Головнин совершал на шлюпе «Диана» кругосветное плавание из Кронштадта на Камчатку. В Тихом океане разразился жесточайший двухнедельный шторм. Дождаться улучшения погоды не удалось. Головнин решил изменить курс и, чтобы дать отдохнуть людям, измотанным штормом, направился к мысу Доброй Надежды. Весной 1808 года «Диана» вошла в Саймонскую бухту, близ Кейптауна.

На судне не знали и не могли знать, что незадолго до того между Англией и Россией была объявлена война. Стоявшая в бухте британская эскадра под командованием адмирала Берти захватила шлюп. Экспедиция преследовала мирные научные цели, и Головнин имел специальное разрешение на плавание от английского правительства. Тем не менее Берти запретил «Диане» уходить из бухты, считая судно своим «призом».

«Диана» стала пленницей англичан. Протесты Головнина ни к чему не привели. И хотя долгие месяцы вынужденной стоянки для моряков шлюпа не пропадали даром — Головнин не прекращал научной деятельности,— он не захотел оставаться в плену.

Вырваться из вражеского окружения было почти немыслимо. «Диана» стояла в глубине залива, близ флагманского корабля эскадры «Ризонэбл», среди множества других военных транспортов. Все же Головнин стал готовить шлюп к побегу.

16 (28) мая 1809 года подул благоприятный северо-западный ветер. С наступлением сумерек на «Диане» поставили штормовые паруса и обрубили якорные канаты. На ближайшем судне заметили, что шлюп внезапно отвалил от причала, и рупором сообщили об этом на флагман эскадры. Но Головнин действовал так искусно и дерзко, что растерявшиеся англичане не успели даже открыть огонь с кораблей или из батарей береговой крепости. «Диана» вырвалась в океан.

Южная Африка пробуждается

Пять дней нашей стоянки в Кейптауне пролетели быстро. Гостей мы к себе на этот раз не приглашали. Многочисленным же организациям, желавшим посетить флотилию, приходилось, как правило, отвечать отказом, чтобы не осложнять наших отношений с властями. Лишь по просьбе советского консула власти разрешили придти к нам группе местных жителей, в том числе студентам. Мы показали им кинокартину «Незабываемый 1919-й».

Из газет, наблюдений и случайных бесед было легко заключить, что за последний год в стране произошли заметные перемены. Реакция все более активизируется, появляются все новые законы, закрепляющие бесправие африканцев, идет преследование передовых людей вне зависимости от цвета кожи. В то же время заметно, что политику правительства все чаще осуждают даже среди средних слоев. Как-то мы разговорились с состоятельным англичанином. Трудно определить, хотел ли он уколоть бурских националистов, стоящих у власти в Южной Африке, или обрисовать действительное положение, но он сказал:

— Раньше у нас полицейские репрессии, в том числе аресты, возрастали по кривой, подобной пологим скатам Львиной Головы. Теперь эту кривую скорее отражают крутые обрывы Чертова пика...

Но как ни усиливаются репрессии против демократических элементов в Южно-Африканском Союзе, чувствуется, что реакционерам не повернуть вспять ход истории. Всюду говорили о том, что в городах, локациях и краалях (деревнях) сейчас популярны, как никогда, песни и легенды о негритянских вождях, восставших против колонизаторов,— о Чаке и Дингаане, Мошеше и Каме, Леванике и Лобенгуле. Все чаще, как пишут кейптаунские газеты, случается, что негры, не страшась наказания, заходят в кинотеатры и рестораны, автобусы и железнодорожные вагоны, демонстративно игнорируя таблички «Только для белых». Идет сближение негров, мулатов и индийцев, хотя их всячески натравливают друг на друга. Не требуется большой наблюдательности, чтобы уловить и то, что африканцы от стихийных протестов против расового гнета все увереннней переходят к организованной борьбе за свои социальные права, за демократию и мир. Даже буржуазная печать признает, что число сторонников прогрессивных организаций, в том числе кейптаунского Комитета мира, растет с каждым днем.

Южная Африка, как и другие страны африканского континента, пробуждается.

Выстрел в горах

Рассказ

Юлия ШЕСТАКОВА

Рисунки П. Караченцова.

В сентябре в долине у тихой протоки Иван Толмачев караулил изюбра. Зверь пришел из-за сопок. Гулкий выстрел оборвал его трубный голос, прежде чем этот голос тронул сердце подруги. Не успел лесной трубач поднять от воды к облакам свою песню, дрогнула под копытами земля, закружилась и полетела в синюю бездну...

Длинное, узкое зеркало протоки сверкало перед глазами охотника. Изюбр упал на той стороне. Надо было пройти метров двести по берегу, там, над сонной водой, лежала большая лесина.

«Вот он, мостик-то»,— смекнул Толмачев и живо пошел туда, раздвигая густые заросли.

Тропы здесь не было. Да и по всей-то долине ни дорог, ни тропинок. Вся она изрезана ключами, опоясана сопками, где лесистыми, где безлесными. Звериный след теряется в каменных осыпях, в буреломе, в мелких струях речной воды. Глушь. Безлюдье. И хоть гулко в горах прогремел охотничий выстрел, но раскаты смолкли, и опять над тайгой сомкнулась тишина.

Толмачев ступил на лесину. В протоке, колыхавшей зеленоватые тени деревьев, горелые пни и коряги, замелькало его отражение, изломанное колебанием воды. Осторожно шагая по валежине, он перешел на ту сторону протоки и остановился, пораженный внезапным шумом.

Из-за сопки, откуда недавно выбежал изюбр, кто-то ломился сквозь чащу, с треском подминая валежник. Раздумывать было некогда. Охотник отступил назад, притаился за широким тополем, росшим у самого берега, ждал, когда появится зверь. Шаги становились все резче и явственнее, наконец, шевельнулись ближние кусты...

— Куда вы целитесь? Так ведь и убить можно,— услышал он чей-то насмешливый голос. Человек с котомкой за плечами взмахнул рукой, словно защищаясь от удара.

— Ух, ты, язви тя!..— выругался Толмачев, плюнул с досады, опуская карабин, шагнул навстречу незнакомцу.— Ей богу, думал, зверь какой ошалелый прибег. Откуда вы? Чего тут бродите?

— Я, кажется, напугал вас, папаша... Вы здесь охотитесь, да?

— Вот и главное, что охотимся и шатающих людей совсем даже никак не ожидаем. Кого ищете? — спросил Толмачев, настораживаясь.

— Да вот вас хотя бы... Если вы стреляли, значит, вас,— простодушно заявил молодой человек, не подозревая того, что смутил старика не только своим внезапным появлением, но и этим при-

знанием, смысл которого Толмачев уловил не сразу.

— А чего вам меня-то искать?— удивился охотник; он хотел было отступить на шаг, но раздумал.— Ежели придется, сам найду кого хошь. Меня искать нечего. Я весь тут.

— Ну, вот и прекрасно!

— Пре-е-красно... — рассерженно проговорил Толмачев, уже догадываясь, с кем он имеет дело:— А вот кабы я стрельнул в человека, было бы прекрасно или как? Надо же хоть голос подавать, когда идете. Свистели бы хоть, что ли. Чего смеетесь?

Иван Васильевич, так звали Толмачева, оглядел молодого человека с головы до ног и сам не выдержал — засмеялся. «Ишь ты, собой невидный, а какой петушистый, шуму сколько наделал, беда...» Тот стоял перед ним в полинявшей стеганке, в простых штанах, неровно засученных до колен, так что одна штанина, по-видимому, мокрая, была ниже другой. Он топтался на месте, пытаясь освободиться от своей ноши на ремнях, и было слышно, как у него в ботинках пищала и хлюпала вода.

— Не удивляйтесь, папаша,— спокойно сказал он и оглянулся,— вон там, за сопкой, пришлось переходить ключ, но я неудачно прыгнул и провалился. Как назло, спички у меня отсырели. Ваш выстрел просто обрадовал, честное слово! Ужасно противно, когда в ботинках вода.

— Что же вы в ботиночках путешествуете? — участливо спросил Толмачев, подходя к нему вплотную.— В нашем таежном деле это не годится. Эх, молодежь...— сказал он отечески.— Давай, помогу котомку-то скинуть. Небось, камнями набита?

— Ничего, спасибо, я сам. Вы не ошиблись, камнями, действительно. Мы ведь тоже охотники своего рода, только у нас другое оружие,— скороговоркой объяснил молодой человек.— Вот видите? — и бросил под ноги молоток с длинной рукояткой.

— Вижу,— понимающе кивнул Толмачев; он с любопытством рассматривал молодое, симпатичное лицо геолога, пока тот снимал рюкзак и выбирал поудобнее место, где бы присесть.

— Ты, парень, напрасно тут располагаешься. Идем со мной. Костер запалим. Я стану быка обделывать. А ты... Небось, штаны-то подсушить надо...

— Ну, что же, идемте. Это близко?

— Эвон, за елками камень большущий видишь? Сейчас мигом там будем. Не снимай ботинки. Тут шипишки до черта. Наколешься...

— Пожалуй, верно,— согласился геолог и уже на ходу, окидывая взглядом широкую спину охотника, его кряжистую, основательную фигуру, спросил:

— Вы что, сохатого убили?

— Изюбра...— не оборачиваясь, ответил Толмачев.

Через несколько минут синеватый дымок от костра пополз сквозь щетинистый ельник, заклубился над тихой протокой. Веселый огонь сразу сделал уютным небольшое чистое полукружье, свободное от деревьев. Геолог стоял у костра в одних трусах, обтесывал топориком колья, чтобы подвесить на них ботинки. Он уже успел натаскать хворосту, сбегал на ключ за водой. В небольшом котелке, закопченном до блеска, вскипал густой чай.

Пока Толмачев свежевал тушу зверя, геолог хозяйничал у костра. С юношеской живостью хлопотал он над огнем, насвистывал какую-то песню, подбрасывал хворост.

— Чай готов, папаша! Имейте в виду, у меня уже все готово,—

крикнул он охотнику, сидевшему неподалеку от него, у самой воды.

— Эк ты, брат, ловкий какой,— засмеялся Толмачев,— тебе всего и делов-то — чай сварить...

Меж тем геолог опустошил рюкзак, стал разглядывать камни, уложенные в бумажные конверты под номерами, и после того, как привел в порядок свои записи, подошел к охотнику.

— Давно охотитесь? Вы, наверно, здешний житель? — заговорил он, наблюдая, как ловко Толмачев снимал шкуру с убитого зверя.

Изюбр был молодой. Семь отростков на рогах говорили о том, что он дожил до седьмой своей осени, и она оказалась последней. Меткая пуля пробила его длинную шею. Кровь растеклась по траве, брызнула на камни...

— Да, с юных лет, можно сказать, охотимся. Дело это такое, брат, чистая зараза. Как повадишься на охоту ходить да как повезет, ну и все... Только вот...— Он посмотрел на геолога виновато.— Старость, видно, пришла, если человека с медведем спутал. Давеча-то чуть ведь не стрельнул, ей богу! Ты уж не сердись, брат.

— Ну, что вы! Разве можно сердиться?— воскликнул геолог.— Вот если бы вы убили меня, тогда, конечно, я бы рассердился.

— Шутка шуткой, а ты, небось, думаешь про меня: вот, мол, старик тихое место нашел, ходит по тайге да из ружьишка постреливает. Может, еще за браконьера посчитал? А?

— Нет, почему же? Я об этом совсем не думал. У вас ведь, надо полагать, есть разрешение,— отозвался геолог, продолжая наблюдать, как тот уверенно орудовал ножом.

— Вот и главное, что есть. Нынче без разрешения нельзя. Потому как зверь этот на учете состоит.— Толмачев поднялся на одно колено, чтобы занять удобное положение.— Мне вот задание дали, я и выполняю. А кабы так-то, по самовольству, без закона, развелось бы тут баловство. Зверя много. И сколько другой наш брат на своем веку перебил его, сам того не стоит. Ей богу! Давай-ка печенку сварим. Бери вот это.

— Я, видите ли, мало смыслю в таких вещах,— отступая, сказал геолог,— как солить, сколько минут варить, не знаю. Обычно печенку жарят...

— Ну, это кто как. Мы сварим. Это тоже неплохо. Держи-ка, парень, как тебя зовут, не знаю. И еще прошу тебя, вон там, в мешке, у меня котелок есть. Достань, будь добрый.

И вот спустя полчаса они сидели вдвоем у костра, не зная, кто из них гость, кто хозяин. Ели из одного котла, угощали друг друга. К чаю геолог достал конфеты в баночке, положил на бумагу городское печенье. За разговором время шло незаметно. Между тем поднимался ветер, он уже шумел по верхам, раскачивал деревья. С березки слетел желтый лист, упал прямо в котелок на горячую воду и зашевелился.

— Вкуснее будет, — кивнул, усмехаясь, старик.

Но геолог смотрел на небо, на быстро бегущие темные облака.

— Неужели гроза начнется?— Он выплеснул недопитый чай.— Эх, погода-изменница!..

— Так куда же ты путь держишь? — спросил у него Толмачев.

Ему хотелось продолжать беседу. Он налил себе чаю в железную кружку, но пить не стал, видя, что собеседник его потянулся за одеждой.

— Ходим мы по маршрутам. Сегодня вот надо на речку в низине успеть. Знаете такую речку? Слышали?

— Как же! Я даже прямой путь на эту речку проведал. Если хочешь, покажу. Через перевал тут вот прямехонький ход есть. Ты бы хоть чаю вдоволь напился. Эх, и чаек!

— Я чаев не любитель. Пью по необходимости, так сказать, чтобы к холодной воде не тянуло.

— А я люблю...— Толмачев отхлебнул чай из кружки, обжигаясь, крякнул:— Хочу спросить тебя об одном деле.

Загорелое, обветренное докрасна лицо его, без бороды, с седыми, подстриженными усами, привлекало выражением какой-то особенной уверенности в себе, нередко свойственной старикам, неразлучным с природой. В голубых и ясных глазах Толмачева таилось столько живой, нерастраченной силы, что геолог невольно загляделся на него, когда тот подсел к нему поближе со словами:

— Хочу тебя спросить, верно ли, что у нас олово нашли? Я слыхал, будто разработки большие начнутся. Даже, говорят, чуть ли не город тут строить будут?

— Верно. А что в этом удивительного? Места богатые.

— Так ведь в этих горах и в двадцать восьмом году была экспедиция, и, я помню, перед войной приходили сюда геологи. Тут, пожалуй, каждая сопка молоточками вашими обстукана. И вот, видишь, говорят, какой-то Ильин напал на жилу.

— Как вы сказали? Напал на жилу?

— Да. Или как это у вас называется...— Толмачев не заметил улыбки своего собеседника и продолжал: — Выходит, дивное дело, парень. Никто ничего. А как пришел этот Ильин с экспедицией, так уж сразу и дознался. Чего же другие-то смотрели? Куда смотрели? Вот ты мне что растолкуй.

— Вы так говорите, как будто Ильин вам здорово насолил. Впрочем, охотники не любят, когда рядом с ними ходит кто-то другой.

— Ну, нет. Я Ильина не видел и не знаю,— решительно возразил Толмачев,— говорят, он с невестой тут был, и она из геологов. Но это дело не наше. Я о другом.

Возвращаясь к прежней мысли, Толмачев заговорил так тихо, как будто боялся, что его могут подслушать.

— Вот ты мне скажи: какой такой секрет есть в вашем деле?

— Секрет? — улыбнулся геолог, снимая с кольев высохшие ботинки.— Секретов много. Чтобы ответить на ваш вопрос, нужно целую лекцию прочитать, да и не одну. Но я вам вот что могу сказать. Есть такое изречение: «Скажи мне, кто твой друг, и я узнаю, кто ты». Люди часто подбирают друзей по себе. Замечали? Бывают, конечно, исключения. Так вот в природе мы тоже наблюдаем нечто похожее. Вот вы охотник. И для того, чтобы убить изюбра, вы пришли именно сюда, потому что знаете, где его найти. Белку вы не станете искать в березовом лесу. Вы пойдете в кедровник, в еловый лес. Так ведь? Белка там, где орешки.

— Ну да,— подтвердил Толмачев и подумал: «Ишь, как он ловко обводит...»

— Вот так и в геологии. У каждого полезного ископаемого есть свои спутники, свои друзья. Вы думаете, что рудные месторождения рассеяны в земной коре как попало? Нет. Существуют определенные закономерности. Чтобы сказать, есть ли золото в такой-то долине, может ли быть железо в таких-то горах, надо знать строение Земли. Это немножко сложнее, чем охотоведу определить, живет ли здесь соболь, и даже подсчитать, сколько его. Надеюсь, вы меня понимаете? Геолог должен видеть не только то, что лежит на поверхности, но и там, под землей. А под землей... — он вытряхнул из ботинка мелкие камешки и договорил со значением, — под землей, папаша, огромное хозяйство. Так вот я вернусь к своей прежней мысли: «Скажи мне, кто твой друг»... Это в нашем деле не всегда подходит...

— Ага, значит, бывает так, что дружба дружбой, а дороги-то врозь?

— Вот именно,— подхватил геолог и опять посмотрел на Толмачева, любознательность которого показалась ему вполне оправданной: кого не занимала мысль о рудных богатствах Земли? — Бывает так, что двое, трое, пятеро пройдут мимо находки, а шестой ее поднимет. В чем дело? Фарт? Ничего подобного. Дело в том, что мы часто ищем не там, где надо. Клад лежал под ногами, но его просто не сумели оценить. Природа хитрит с нашим братом. Есть такая горная порода — базальт. Обычно о ней говорили, как о породе пустой. Понимаете? Вот эти сопки тоже сложены из ба-

зальтов. Угрюмые, невеселые сопки. Правда? Ну, вот, проходили мимо геологи, видели здесь базальты и, я вам скажу, олово находили, но отнеслись к нему так: «Ах, это в базальтах». Значит, нечего тут задерживаться: это просто случайные россыпи. А Ильин? Что же? Ильин решил проверить: так ли это? И вышло, что в базальтовых сопках лежит этот самый клад. Друзья-то оказались не те. Вот в чем разгадка.

— Так, так...— задумался охотник.— Жаль, что торопишься. Порасспросить бы тебя. Черт ее знает, мудреная штука какая! И что за нужда бродить в экую непогодь? Оставайся, заночуем вместе. У меня шалаш за протокой есть.

Но геолог ответил, что ни дождь, ни гроза не помеха людям, когда все время у них рассчитано и надо торопиться. Что такое гроза? Пусть себе гремит. Дождь помочит — не беда. Камни от этого не испортятся.

— А все же посиди еще маленько. Значит, Ильин этот — мужик с головой.— Толмачев выразительным жестом дополнил свое восхищение, но не успокоился:— Я-то слыхал, что его будто бы, как это сказать, в лауреаты наметили, что ли?

— Вот этого я не знаю,— ответил геолог, застегивая на все пуговицы свою порыжевшую от солнца куртку. Он уже поднялся и снова присел.

— Не знаешь...— разочарованно вздохнул старик.— А я, видишь ли, вот к чему веду. Говорят, что Ильину вашему один охотник помог. Охотник этот раньше в Забайкалье на оловянных рудниках старался. Ну, и самоуком дошел до этой вашей геологии. Так что, если бы мне, к примеру, сказать, раньше это в голову стукнуло, я бы, черт ее знает, тоже землю наскрозь глазами буравил бы, ей богу! А незнающий человек и мимо золота пройдет. Верно?

— Да, конечно.

— Так вот «конечно»... Ты мне записку бы такую составил: где, чего и как лежит в земле этой. Я вот слыхал про молибден, а в натуре видеть не приходилось. Может, я мимо него тыщу раз проходил. Но я же слепой человек без науки. Пробовал книжку читать, трудновато показалось. Бросил. Мне бы вот простое пояснение...— Он нетерпеливо стукнул кулаком о ладонь и опять пожалел, что геолог торопится.

— Запиской, папаша, тут не отделаешься,— уклончиво заметил геолог.— Вы знаете, в детстве я мечтал о велосипеде. Своего велосипеда у меня не было. И вот мы с товарищем достали спицы, настоящие спицы. Но ведь на одних спицах не поедешь, а нам тогда казалось, что мы уже владеем чуть ли не всем велосипедом. Вы понимаете, что геология держится не на отрывочных сведениях, а все берет в совокупности, как бы это сказать, во взаимных связях. Нужна система знаний.

Он помолчал, потянулся за палочкой, лежавшей поблизости, и стал подталкивать в самое пекло костра дымящиеся головешки.

— И почему вы заговорили именно о молибдене? Нам нужно искать и железо, и олово, и очень многие другие полезные вещи... Мне вообще нравится, что вы такой любознательный, папаша.— Он поднял быстрый взгляд на охотника:— Вы где живете, на разъезде или дальше?

— Мы дальше живем,— не сразу ответил охотник.

Ему стало ясно, что у геологов могут быть свои, особые соображения, которые не позволяют им говорить обо всем так, как хотелось бы Толмачеву. Он это понял и как-то по-новому взглянул на геолога:

— Если будешь поблизости, заходи. Я живу на самом краю, за ключом, под сопкой. Дом с белыми ставнями. Крыша зеленая. Он один там такой. Найдешь.

— На обратном пути, может быть, и смогу зайти к вам. Вот тогда покажу вам небольшую коллекцию минералов. Разные камни покажу, если хотите...

— Ну да,— оживился Толмачев,— только ведь... Эх, молодежь! Ты опять будешь издалека примеряться: «Скажи мне, кто твой друг...» Я знаю, кто мой друг.— Старик не смог усидеть на месте и поднялся.— Мне бы встретить такого геолога, как Ильин. Я бы от него так просто не отступился. Не-е-т... Он бы мне рассказал все по порядку.

Геолог уже собрался уходить. Подтянул потуже ремни рюкзака, надетого на спину поверх ватной куртки, и в этой одежде стал будто еще ниже ростом. Толмачев погасил костер.

— Ну, что же,— сказал старик, набрасывая на плечи тужурку перед тем, как ее надеть,— придется показать тебе, где лучше идти, а то будешь петлять, как заяц.

— Вы что, хотите со мной идти до сопки? Не надо,— решительно запротестовал геолог, — я сам найду этот ход.

— Да ты не гордись, парень. Тут постарше тебя есть люди, они тайгу эту наскрозь знают, и то бывает так, что с курса собьешься. А тебе свою науку от нашего брата-охотника отрывать никак не положено. Настоящие люди, ученые, всегда с народом. Понял?

Толмачев посмотрел на геолога не то с укором, не то с сожалением. Тот был без фуражки. В светлорусых волосах незаметно пряталась седина. Но когда он смеялся, показывая свои белые зубы со щербинкой в верхнем ряду, худощавое, покрытое крепким загаром лицо его казалось совсем юным.

— Вы опять смотрите на мои ботинки? — заметил геолог.— Из всех видов обуви в тайге я предпочитаю летом ботинки. В них удобно и легко. Привычка к тому же.— Он улыбнулся.— Что вы так жалобно смотрите?

— Гляжу я на тебя и, знаешь, о чем думаю? Видал я геологов, вашего брата. Это все народ отменный. Плечища — во! Сами ребята здоровущие. По тайге ходить не шуточное дело. А ты... как-то чудно, ей богу! — И, не зная, как завершить свою мысль, он беспомощно развел руками:— Ну где, ну где твоя фуражка? Ты видишь, гроза надвигается?

В ответ на эти слова геолог громко расхохотался. Они пошли рядом. Потом Толмачев опередил его, с беспокойством поглядывая, как под порывами ветра гнулись сучковатые, разлапистые деревья. Идти в гору было трудно. То и дело на пути попадались крупные глыбы камня, валежник, колючие кустарники. Огибая горелый выворотень, геолог взял курс левее, где-то скрылся в зарослях и на вершину горы пришел первым.

Едва Толмачев подошел к нему, оправившись от легкой одышки, тот встретил его шуткой:

— Так, говорите, видали геологов вот таких, да? Огромного роста? А я видал охотников маленьких, да ловких. По-моему, комплекция тут не при чем. Как думаете, папаша?

— Да кто его знает,— махнул рукой Толмачев,— может, и не при чем. Староват я стал, вот оно что. Ты теперь ступай в низину и по ключу, по ключу до самой Каменки. Только влево не кидайся. Там будет топко...

— Я знаю.

— Неужели бывал там? — удивился Толмачев.— Ишь ты!

— Бывал.

Геолог стал с ним прощаться. Толмачев крепко сжал его руку в своей широкой ладони. Его представление о геологах, как о людях необычайной физической силы, так странно нарушил этот маленький, беспокойный человек, проникший в такую глушь, где проще столкнуться с медведем, чем услышать живую речь.

— Спички-то возьми, как тебя зовут, не знаю. Так и не сказались мы друг дружке,— заговорил Толмачев, доставая из кармана коробку спичек.— Меня-то зовут Иваном Васильевичем. Толмачев я. Может, слыхал? А тебя?

— А меня зовут Леонидом Николаевичем. Спички я, пожалуй, возьму, хотя они вряд ли понадобятся теперь. На Каменке у меня друг есть. А я тут в разведке по старой памяти. Спасибо.

— Леонид Николаевич, значит...— повторил Толмачев, посматривая на вершину багряного клена, взлохмаченного ветром.— Ну, а фамилия? — он понизил голос и продолжал уже тише:— Может, когда случай выпадет встретиться. Дело такое.

Геолог мягко прищурился и, смеясь, полушепотом сказал:

— А фамилия... Ильин.

Не ожидавший такого ответа, охотник смутился:

— Так это, значит, ты... извиняюсь, вы и есть тот самый Ильин, про которого я тут...— и стараясь припомнить, не сказал ли он за все это время чего-нибудь обидного, покачал головой: — Вот как я просчитался!

— Да полно вам, папаша... Что тут особенного? Все очень хорошо получилось. Это даже как-то интересно, честное слово! Встретились два человека в тайге и так славно поговорили. До свиданья!

Толмачев стоял на ветру без шапки и все еще не мог успокоиться. Как дорого дал бы он за то, чтобы вся эта встреча от первой минуты и до последней произошла по-другому!

— Эх, язви тя, какого человека чуть я не грохнул!

Он долго смотрел геологу вслед. Ильин шел, не оглядываясь, шел с непокрытой головой, прыгая по валежнику, через бурелом и камни. А над лесом катилась гроза, и Толмачеву хотелось, чтобы она прошла стороной.

В ВАГОНЕ

Рассказ

Иржи МАРЕК

Рисунки О. Верейского.

Сегодня бригады добровольцев впервые отправились на строительный участок. И поскольку это было все-таки торжество, хотя и не столь значительное, в голове колонны развевался флаг, синий, как небо. При каждом порыве ветра кончик флага касался лба Елены. Все смеялись и пели, не обращая внимания на пыль под ногами и неприглядную местность: глубокие колеи, оставленные тяжелыми грузовиками, обломки камня и кирпичей, торчащие детали конструкций, повсюду наваленных грудами. Впереди, у линии горизонта, грохотала стройка. Еще вчера строители не были знакомы друг с другом. Вчера они еще только съезжались сюда со всех концов страны, а сегодня они уже сто двадцатая рабочая рота, и над входом в деревянный барак, в котором они впервые ночевали на неудобных тюфяках, висит большой портрет Фучика. Ранним утром ребята обошли бараки, решая, как получше украсить свой новый дом. Рядом с синим флагом ЧСМ[1] они укрепят красный флаг ударников. Об этом утром тоже шел разговор, перед тем как новички натянули покоробившиеся грязные ботинки и почувствовали, как они натирают и жмут пальцы.

Услышав донесшуюся из лагеря песню другой роты, колонна ускорила движение.

«Шире шаг! Надо придти на место первыми!»

Елена растерянно оглянулась. Нет, теперь все равно не улизнешь... Впрочем, она оглянулась кстати. Эмиль перехватил ее взгляд, громко засмеялся и даже помахал ей рукой.

«Ой, разве можно, когда идешь в строю!» — испугалась она и в то же время обрадовалась где-то в глубине души. В этом весь Эмиль — такого не втиснешь в рамки предписаний. Вот этим-то он и нравится людям.

Елене захотелось оглянуться еще раз. Но она тут же раздумала: ведь рядом с Эмилем идет Пепек. Когда она оглянулась в первый раз, Пепек случайно смотрел в другую сторону, а теперь ее взгляд он непременно примет на свой счет. А есть вещи, с которыми следует обращаться осторожно, особенно когда человеку семнадцать лет. Одна улыбка раскрывает целый мир, и одно движение руки решает судьбу. По крайней мере, так кажется...

Елена подхватила песню, но вскоре просто шевелились одни губы. Язык ее онемел, и мысли витали далеко... унеслись к тем двум, что шагали позади. Нелегкая, видно, будет эта поездка с бригадой добровольцев. Дома она надеялась, что все разрешится просто, стоит ей только уехать, но эти двое показали, что отъезд ровно ничего не решит. Они отправились вслед за ней.

Дома подшучивали над ней: Елена и два ее рыцаря. В самом деле, стоит появиться возле нее одному, как немедленно, словно из-под земли, вырастает другой. Ей, разумеется, это вовсе не было неприятно, было даже очень весело держать их обоих на одной веревочке. Но разве Елена — какая-нибудь кокетка, чтобы до бесконечности забавляться подобной игрой? Разве в семнадцать лет не стремится человек к тому или иному твердому решению? И не думайте, что оно будет какое-нибудь взбалмошное, неожиданное,— это должно быть серьезное, глубоко продуманное решение, о котором говорят: оно принято по зрелом размышлении.

Елена не в силах удержаться от улыбки. «О, мое зрелое размышление! На первый взгляд может показаться, будто на носу у тебя очки, а ведь лицо у тебя точно такое же, как и у меня, тебе тоже семнадцать лет, и решаешь ты утром так, а днем иначе. И единственная мудрость, проявленная тобой,— это решение уехать с бригадой. А что из этого вышло? Они оба здесь, со мной».

Рота запела новую песню, и Елена услышала: позади кто-то фальшивит. Она раздраженно обернулась: «Ну, конечно, это Пепек надсаживается, поет так фальшиво, что просто уши вянут!» Она смерила его взглядом, а он добродушно улыбнулся и загорланил еще громче и фальшивей.

«Он невозможен,— сказала себе Елена.— Не-воз-мо-жен»,— повторила она в такт маршу. Пожалуй, надо еще разок обернуться, но на этот раз взглянуть лишь на одного Эмиля. Не только из-за того, что он хорошо поет, а для того, чтобы он видел, что зрелое размышление решает в его пользу.

В первом трудовом дне всегда есть что-то таинственное. Человек весь преображается. Ты только взгляни на себя. Где шелковая блузочка, куда девалась юбка, с которой ты заботливо смахивала каждую пылинку, где туфельки с пряжками? Ты натягиваешь старую синюю спецовку, подвертываешь длиннющие потрепанные штаны и мужественно стараешься размять заскорузлые бутсы. В первый момент ты чувствуешь себя непривычно во всем этом. Тебе даже немного страшно. А потом оказывается, что в одну минуту переменилась вся твоя жизнь, а не только одежда. И испытываешь ли ты грусть или радостное удовлетворение, ясно одно: ты стала совершенно другим человеком. И ты имеешь право зажить совершенно по-новому. (Кстати, эта синяя куртка тебе даже к лицу!)

И Елена решила начать жизнь заново: она попросит зачислить ее в одну бригаду с Эмилем, и тогда — прощайте два моих рыцаря! Останется только один, а Пепек должен будет понять... Только поймет ли? Уж сколько раз так было, да он решительно ничего не понимал. И сердиться на него нельзя: его неуклюжесть, недогадливость даже милы. Эмиль, правда, более галантен, ловок, но с ним никогда не чувствуешь уверенности. Он меняется прямо на глазах. А Пепек — это глыба... А иногда и чурбан.

Вот, например, пусть кто-нибудь объяснит, как это можно забыть дома берет, хотя мы договорились, что будем носить одинаковые красные береты. А он без берета и вместо него напялил себе на голову бумажный колпак, какие делают из газет маляры, и хоть бы что! Елена ни за что бы не надела такой. И Эмиль, конечно, не наденет.

Однако послушайте: кто это сзади в конце песни так лихо гикнул? Кто подбросил вверх красный берет и вызвал всеобщий шум и ликование? Кто же, если не Эмиль!

Все побежали вниз по косогору. Ряды перемешались, бригадники спускались вниз, как кому вздумается. Даже знаменосец, который так важно выступал впереди колонны, и тот пустился бегом.

Кто-то схватил Елену за руку и увлек за собой. Ну, конечно, это Эмиль. Она посмотрела на его берет и засмеялась громко и радостно. Сбежав вниз, Елена немного смутилась. Девушки сурово посматривали в ее сторону: «Поглядите только, не успели начать работу, а она уже себе кавалера завела». Эмиль, конечно, остался невозмутим, он даже положил руку ей на плечо.

---

[1] Чехословацкий Союз молодежи.

И, как всегда, рядом, словно из-под земли, вырос Пепек. Он ничего не сказал, но Эмилю пришлось убрать руку. Елена щелкнула Пепека пальцем по бумажной пилотке, так что та съехала ему на ухо.

— Да ты, оказывается, франт! — сказала она вызывающе.

— Ты думаешь? — счастливо улыбнулся он. Эмиль кашлянул.

Командир начал распределять людей по группам. Они будут разгружать вагоны. Сначала на каждый вагон поставят троих. А привыкнем — хватит на вагон и двоих. И так как людям иногда свойственно ошибаться, командир, исполнявший командирские обязанности впервые и не знавший людей, присоединил к Елене двух пареньков, стоявших в ту минуту рядом с ней. Один из них был в берете, другой — в смешном колпаке из газеты.

Все трое переглянулись, и Елена почувствовала, как ее решение, принятое по зрелом размышлении, колеблется и рушится. Она пожала плечами:

— Вот мы опять вместе. Как приятно, не правда ли?

— Очень приятно,— проворчал Эмиль и отвернулся.

Пепек же решил, что все обстоит отлично и было бы хуже, если бы с Еленой остался один Эмиль. Он молча направился к вагону, который с этой минуты принадлежал им.

Пепек помог взобраться Елене, и Эмилю стало досадно, что не он первый влез в вагон. Вагон был нагружен породой из шахты. Ветер сдувал с камней черную пыль. Десятки и сотни поездов подходили к этому участку дороги, и руки добровольцев-рабочих сбрасывали черный камень на насыпь, чтобы поднять ее на несколько метров. Это была утомительная, тяжелая работа.

Вдоль пути, по которому подходил состав, громоздилась насыпь из камня, выгруженного безвестными руками — руками тех, кто побывал здесь раньше. Труд Елены и ее двух товарищей останется также безвестным. Сделанная ими насыпь зарастет в конце концов густой травой, но все же их труд необходим, чтобы связать стройку с внешним миром.

Эмиль раздраженно отшвырнул ногой несколько камней. Они с грохотом вылетели из вагона.

— Какая жалкая, грязная работа!

— Ну, знаешь ли, тут не курорт,— пробурчал Пепек и выбросил первую лопату камня.

Елена нахмурилась:

— Эмиль прав. Могли бы поручить нам что-нибудь другое. А я-то думала, что буду здесь строить!

Пепек пожал плечами. Ну, конечно, раз это говорит Елена, он готов уступить. Не собираясь отвечать, Пепек занялся работой.

Елена пыталась поддеть лопатой несколько камней. Лопата с трудом повиновалась ей. Бросать руками, наверно, и то было бы легче. Взять хотя бы те, что побольше... Она начала выбрасывать камни руками, прислушиваясь к их стуку. Не раз уже она утирала лицо и откидывала со лба непослушную прядь. Каждый раз на лице у нее после этого оставалась черная полоса.

Она поглядела, как идет дело у Эмиля, но тот стоял, опираясь о лопату: собирался с силами. Зато Пепек бросал размеренно, спокойно. «Откуда у него такая сила? — удивилась она.— Хоть он и молодой парень, а бросает замечательно, прямо как настоящий рабочий!»

Пепек заметил ее взгляд, хотя она тотчас же отвернулась, и весело окликнул ее:

— Ну, Еленка, поехали!

«Еленка!» — рассердилась она в душе.— Очень мне надо, чтобы ты меня так звал. Меня зовут Еленой. Эмиль это знает и никогда не забывается. А ты ни с того, ни с сего — «Еленка!».

— Упирайся в лопату ногой, вот так! — крикнул ей Пепек.— Больше подденешь и не так устанешь!

— Самое лучшее — подпереть лопатой вагон,— усмехнулся Эмиль, принимаясь, однако, за работу.

В это время мимо пробегал командир, проверяя, все ли на местах. Эмиль перегнулся к нему из вагона:

— Эй, товарищ, что же это такое? Неужели целый месяц мы будем заниматься таким делом?

— Не знаю... Вероятно, нет...— ответил паренек.

— Стал бы я напрашиваться...— И, обернувшись к находящимся в вагоне, добавил: — Сулили нивесть что, а теперь заставляют разгружать какой-то паршивый камень.

— Ведь кому-то надо это сделать,— возразил Пепек.

— Это мы и без тебя знаем. Тоже агитатор! — усмехнулась Елена.

Пепек огорчился и, чтобы переменить разговор, указал на ее лицо:

— А ты знаешь, тебе идет! Ты вся стала полосатая, черная с белым!

Но Елена обиделась. Нет, вы только поглядите на этого Пепека. Сам не бог весть какой красавец, а над другими насмехается. Ясное дело, когда человек выгружает камень, это красоты ему не прибавляет.

— А я и не собираюсь тебе понравиться,— отрезала она.

Эмиль злорадно засмеялся, у него даже появилось желание трудиться, а Пепек постарался забыть о своем поражении. Все трое стали работать необыкновенно старательно. Но это длилось недолго. Эмиль отшвырнул лопату и снова выглянул из вагона.

— Есть же где-нибудь вода или чай? — сказал он, как бы оправдываясь, когда Елена и Пепек, заметив, что он стоит без дела, поглядели на него.— Елена, тебе не хочется пить?

— Хочется,— призналась она.

Эмиль мигом соскочил вниз и побежал по насыпи вдоль вагонов.

— Мог бы подождать до перерыва! — крикнул ему вдогонку Пепек, но Елена только головой тряхнула:

— А если мне сейчас хочется пить,— тебе все равно, да?

Пепек почувствовал, что опять проигрывает:

— Если бы ты мне сказала...

— О таких вещах не говорят,— отрезала она.

Пепек снова налег на лопату, но вместо того, чтобы выбрасывать камень, он стал расчищать место у дверей вагона.

— Чтобы тебе было свободнее,— только и сказал он.

Она поблагодарила его кивком головы. Минуту спустя она в полной мере оценила его внимание. Теперь лопата скользила прямо по настилу, и Елене легче было брать камень.

Елена то и дело одним глазком поглядывала, не идет ли Эмиль. По правде говоря, ее вовсе не так уж мучила жажда, и если она с нетерпением ожидала Эмиля, то прежде всего потому, что в вагоне не хватало еще одной пары рук.

Мимо вагона прошел прораб:

— Как дела? А где третий?

— Сейчас придет. Пошел за чаем,— отозвался Пепек.

Елена добавила:

— Если увидишь его, поторопи. А то он что-то очень задержался.

Она заметила, что соседний вагон уже опустел, а их выгружен едва-едва наполовину. Работа шла медленно, конечно. А Эмиль где-то шатается, как будто он свое дело сделал...

— Утром, кажется, говорили о Красном знамени? — обратилась она к Пепеку, не отрываясь от работы.

— Главное — спокойствие, знамя будет наше,— ответил он уверенно.

— Если Эмиль не придет, мы останемся последними!

Пепек кивнул и тоже выглянул из вагона. Настроение у него испортилось. Но не потому, что Эмиля не было до сих пор,— это его нисколько не беспокоило,— а потому, что Елена так нетерпеливо высматривает Эмиля. Пепек бы с превеликой радостью остался с ней в вагоне вдвоем. Даже и за флаг можно бы еще потягаться.

Наконец примчался Эмиль. В руках у него был чайник.

— Долго, да? А очередища какая! Пока дождешься,— целая вечность!

Елена приложилась к чайнику и стала пить. Чай ручейками стекал на синюю куртку.

— Еленка соскучилась даже,— произнес Пепек, рассчитывая поддеть Эмиля, да и Елена, думал он, выразит свое недовольство. Но она промолчала.

На лице Эмиля появилось самодовольное, счастливое выражение.

«Эх, дернуло меня сказать! — огорченно подумал Пепек.— На его же мельницу воду лью».

— Хочешь? — протянул ему чайник Эмиль.

— Нет! — крикнул он так поспешно, что Елена оглянулась.

— Нам больше останется,— пожал плечами Эмиль, напился сам и полез из вагона.

— Куда же ты? — спросила Елена, и Пепеку показалось, что в голосе ее прозвучал не только вопрос, но и некоторая досада. И минуты без него не обойдется!

— Отдать чайник. Другие ведь тоже хотят пить.

Эмиль снова побежал вдоль вагонов, помахивая чайником, чтобы Елена могла убедиться, что он пошел только отдать его, и исчез.

Елена принялась за работу. Раз, два... Раз, два... Временами ее увлекал правильный, размеренный ритм, в котором работал Пепек, но уже сказывалась усталость. Солнце пекло немилосердно. Пыль от камней стояла над вагонами, словно черный туман. Она поняла, что вагон, собственно, очень вместителен, и вздохнула.

— Эмиль увиливает от работы,— вдруг проговорила она.

В этих словах слышалось сдержанное негодование. Глаза ее блеснули, и она так яростно шаркнула лопатой, что та ударилась о стену.

Пепек закусил губу, чтобы не расхохотаться. «Ишь, как из себя выходит!»

— Чайник надо же отдать,— сказал он с умышленной небрежностью и добавил: — Ну и везет же этому Эмилю, а? Если бы я сбежал, ты даже и не заметила бы.

Елена покраснела. От солнца и от гнева.

— Нечего потешаться. Сам отлично знаешь, почему он ушел! А явится, вот посмотришь, начнет разглагольствовать, что нужно позаботиться о коллективе. А потому он не мог задержать чайник... Знаем мы это... А вот кто за него будет камень выгружать,— неизвестно!

Никто не знает, как тяжело молчать, когда тебя охватывает внезапная радость. А Пепек попытался сохранить это мудрое молчание. В конце концов он все же не утерпел. Словно забрасывая удочку, он осторожно спросил:

— А ты, может, несправедлива к нему?

— Несправедлива! Ты думаешь, это в первый раз? Помнишь, что было на Первое мая? Он сказал тогда, что организует...

Она не договорила, махнув рукой. Ну да, об этом даже на собрании ставили вопрос. Но Елена тогда не придала этому значения. Видимо, чтобы раскусить человека, надо прежде набить на руках мозоли. Пепек решился задать еще один вопрос:

— А если ты знала, так почему?.. — он замялся.

— Что почему? — Но тут Елена прикусила язык, потому что ей вдруг стало стыдно перед Пепеком, и она принялась за работу.

— Оставим-ка Эмилю его долю работы.

— Нет, это не пойдет,— покачал головой Пепек.— Вагон надо поскорее разгрузить, чтобы могли подать следующий состав. Придется поработать вдвоем. Не бойся, мы и без него справимся.

Камни гремели и скрежетали. Пепек вдруг почувствовал такой прилив сил, что ему захотелось смеяться. Елена недовольно подсчитывала выброшенные лопаты. Но вскоре она отстала от Пепека и бросила считать.

«Какой замечательный парень Пепек! — думала она.— Особенный. Хотя чем же он особенный? Он всегда был такой, только я не ценила этого по-настоящему».

Эмиль наконец появился. Он нисколько не спешил. Это Елена отметила особенно придирчиво. Он медленно влез в вагон, вздохнул, плюнул на ладони и взялся за лопату.

— Ничуть не убавляется,— заметил он.

— Не убавляется? Удивительно, да? Ничего не делаешь, а камня не убавляется! — вскипела Елена.

Пепек затаил дыхание. «Эге, в этой старой песенке в самом деле послышалась какая-то новая нота».

Все трое молча выбрасывали камень. Эмиль проглотил еленин упрек. Вдруг он, завопив от боли, присел на корточки и схватился за ногу у щиколотки:

— Оступился! Что за проклятая работа!

Елена только пожала плечами, а Пепек растерянно нагнулся к Эмилю. Конечно, больше бы подходило, если бы ему оказала первую помощь она и пожалела его. Эмиль, вероятно, представляется, чтобы разжалобить ее. Но Елена, кажется, и не собирается к нему подходить. Поэтому Пепеку ничего другого не остается, как самому...

— Оставь меня, иди работай! — оттолкнул его Эмиль, потирая лодыжку.

Пепек отлично понимал, почему Эмиль не нуждается в его заботах, и взялся за лопату. А Елена злорадно усмехнулась:

— Правильно, Пепек, иди работай, а Эмиль отдохнет за тебя. Мы вдвоем выгрузим весь вагон и сэкономим драгоценную рабочую силу.

В этих словах было столько настоящей злости, столько яда, что Пепек глаза вытаращил. В эту минуту ему даже стало немного жаль Эмиля: может, он и вправду зашиб ногу. А у Елены подчас нет сердца.

Но вы только поглядите на Эмиля! Он весь побагровел, вместо того чтобы успокоиться.

— Что же, я должен лезть вон из кожи из-за того, что тебе так хочется? Да плевал я на это, понимаешь, плевал!

Елена отвернулась от Эмиля, а у Пепека мелькнуло в голове: «Подумать только, что делает камень! Он принес из земных недр с собой какие-то чары гнева».

Пепек с головой ушел в работу. Он был рад тому, что разгрузка вагона дает ему возможность отмалчиваться. Елена тоже трудилась теперь с новой силой, вкладывая в работу все свое возмущение. Пепеку даже пришлось одернуть ее:

— Не так быстро, Елена... И не сжимай в руке лопату, а то набьешь мозоли.

— Уже набила,— ответила она так, точно Эмиля тут и не было.— Смотри.

Пепек посмотрел и кивнул. При этом он покосился на Эмиля. Тот, прихрамывая, подошел к лопате и тоже принялся за работу. Вагон наконец разгрузили. Они оказались самыми последними. Когда все трое соскочили на насыпь, чтобы на минутку прилечь на редкую траву под откосом, поезд протяжно свистнул, и вагоны тронулись. Передышка, пока не подойдет следующий состав.

Эмиль хранил оскорбленный вид. Пепек расположился рядом с Еленой и ждал, что, как всегда, с другой стороны подсядет Эмиль. Но тот остался в стороне и демонстративно перетягивал лодыжку платком.

Елена разглядывала свои руки. Один волдырь был сорван, и на ладони появилось кровавое пятнышко. Она протянула руку Пепеку:

— Видишь?

Он кивнул:

— Я тебе говорил...

И затем взял еленину руку в свою — осторожно, как бы опасаясь повредить этой хрупкой ручке. Сердце у него при этом заколотилось быстрее. «Вот я держу ее,— твердил он себе,— пока еще держу, но она вот-вот опомнится и вырвет свою руку. А может, еще и рассердится вдобавок...» На душе у него было и грустно и отрадно, он не знал, какое из этих чувств было сильнее. Но оба были ему чем-то приятны. Глаза Елены были полуприкрыты. Он поднес ее руку к своим губам, чувствуя в эту минуту, что сердце того и гляди выскочит у него из груди. Рука совсем близко... Вот он уже может коснуться ее губами! Но тут он смутился и спросил:

— Подуть тебе на ранку, а?

А про себя подумал: «Какой огромный подарок, девушка, ты делаешь мне, что я осмеливаюсь держать твою руку и быть так близко от тебя!»

Она не ответила, но оставила свою руку в его руке, и он стал дуть на мозоль, стараясь при этом выглядеть добрым дядюшкой, утешающим маленькую девочку. Это была игра, и она нравилась им обоим. Елена глядела на вытянутые губы Пепека, и какое-то особенное чувство охватывало ее. Она говорила себе: «Зрелое мое размышление, вот ты и опять изменилось! Может, само собой, а может, люди тебя так меняют. Ведь погляди только на Пепека! Кто бы подумал, что в нем столько нежности... И силы!»

— Хватит,— сказала она вдруг и отдернула руку.— Ложись и смотри на облака. Это так красиво!

Он послушался и стал глядеть. Никогда до этого он не глядел на небо. Он был немного толстокож. Но сейчас он был убежден, что проплывающие над его головой облака невообразимо красивы. Он слегка повернул голову для того, чтобы, кроме небесного великолепия, увидеть и ее лицо, несколько скрытое от него редкими стебельками травы. И в самой глубине сердца он чувствовал, какое это счастье.

Они молчали. С грохотом и свистом к насыпи подходил новый состав с камнем. Заскрипели тормоза — и поезд остановился.

Люди, лежавшие под откосом, начали медленно подниматься. Елена привстала, опираясь о локоть. И тут же заметила взгляд Пепека. Немного смутясь, она провела рукой по своему лицу. «Именно сейчас нужно ему на меня смотреть, именно сейчас, когда я растрепанная, вспотевшая и грязная!» Но, взглянув в его глаза, она прочитала в них, что кажется ему прекрасной, и улыбнулась ему глазами, губами и сердцем. И обрадовалась, что он смотрел не только на облака.

— Опять вагоны... Не могли подождать?

Она даже не осознала, что раздраженный голос, произнесший это, принадлежит Эмилю. Она думала совсем о другом: о своем зрелом размышлении, которое сейчас тоже весело улыбалось, и о том, что все чудесно, хотя у тебя и горят ладони.

— Пошли! — сказала Елена Пепеку и протянула ему руку, чтобы он помог встать. Она не рассердилась, когда он ее не сразу отпустил.

Он втащил Елену за собой на крутую насыпь. Остальные, увидев их, потянулись за ними.

Раздался клич, ясный, как небо:

— Ура!

Он ширился и креп. Над вагонами, как над взятой крепостью, снова заколыхался синий флаг.

Перевел с чешского
Е. БРАЙНИН.

Озимь

Николай РЫЛЕНКОВ

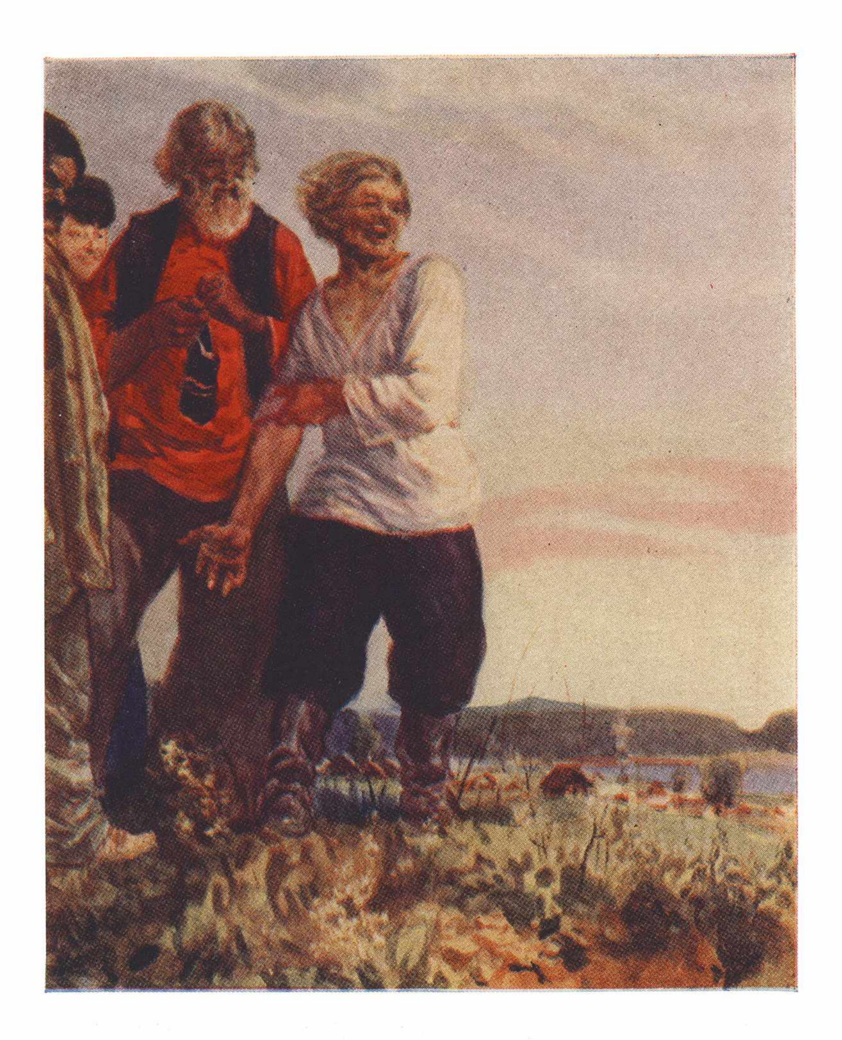
Дни листопада, но видно с пригорка березам,
Как прорастает и сил набирается озимь,
Как по утрам, не пугаясь ненастной погоды,
Все зеленей, все нарядней становятся всходы.

Пусть же скорей осыпаются желтые листья.
В зелени озими зелень весны шевелится.
Все она выдержит: вьюги зимы и морозы...
Видят с пригорка далеко-далеко березы!

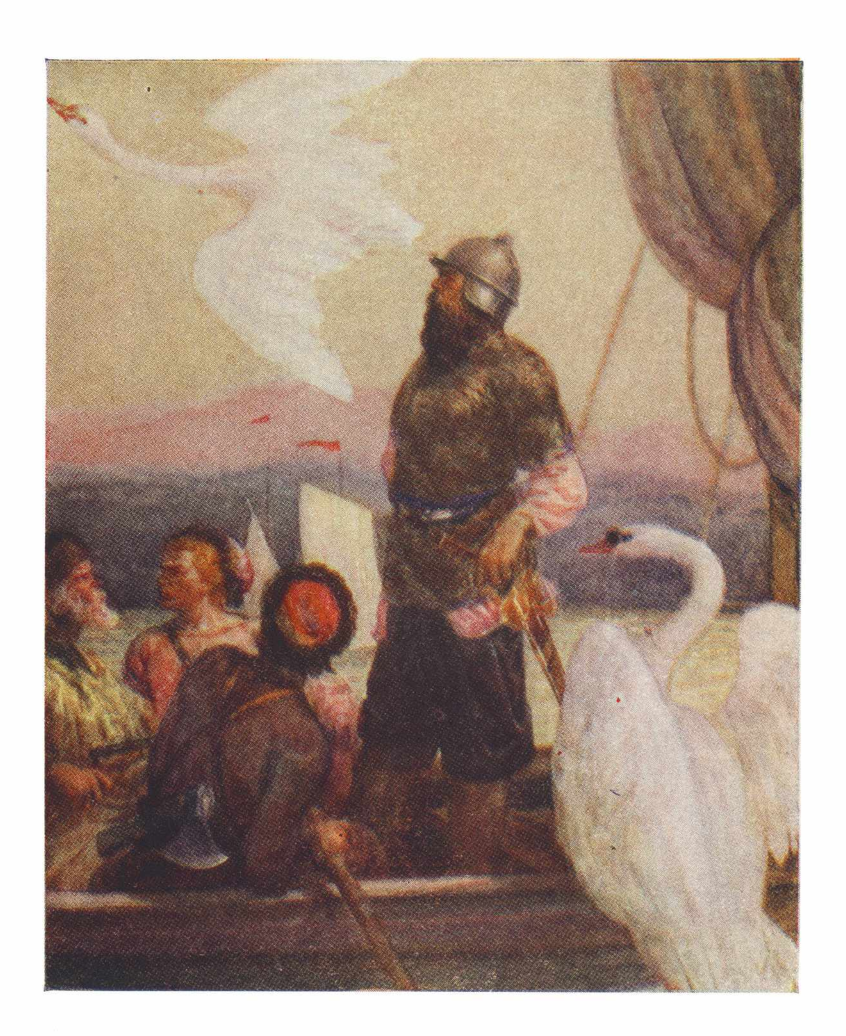

О. Д. Коровин. ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К УРАЛЬСКИМ СКАЗАМ П. БАЖОВА.

ВО ДВОРЦЕ. Сказ «Малахитовая шкатулка».
Всесоюзная художественная выставка 1952 года.

ВОТ ВЫШЛИ БОЙЦЫ. Сказ «Широкое плечо».

ЕРМАК. Сказ «Ермаковы лебеди».

ЗАГРАНИЧНЫЙ МАСТЕР У ЕВЛАХИ. Сказ «Железковы покрышки».

Иллюстрации к сказам П. Бажова

Произведения Павла Петровича Бажова, одного из самых любимых народом советских писателей,— неисчерпаемая тема для художников-иллюстраторов. Самобытно-поэтическая форма его сказов, богатство характеров, яркие драматические положения — все привлекает художника запечатлеть образ его героев — талантливых русских людей, сохранявших высокое человеческое достоинство и в самых тяжелых общественных условиях.

Свердловский график О. Коровин создал интересные акварели на темы Бажова. Едва ли не лучшая из них навеяна «Малахитовой шкатулкой». Автору удался обаятельный облик гордой и красивой Та́нюшки, с презрением отворачивающейся от дворцовых льстецов. В сатирической манере изображен Турчанинов — «полоумный косой заяц», как называла навязчивого барина Та́нюшка. Акварель удачно скомпонована, красива по цвету.

Сказ Бажова «Ермаковы лебеди» посвящен Ермаку, покорителю Сибири,— теме, издавна бытующей в народных сказаниях и песнях. Акварель Коровина выполнена в суриковских традициях эпичности и монументальности. Однако хотелось бы большей психологической глубины в изображении Ермака. «Высок да статен, в плечах широк, бровь густая» — это у художника получилось, а вот характер — «глаз веселый да пронзительный» — не схвачен в акварели, интересной по композиции, с хорошо написанным пейзажем.

Тема сказа «Широкое плечо» — действовать всем заодно, плечо к плечу, коллективом. Автор увлеченно передает молодецкую удаль Федюни, небольшого ростом, но крепкого парня. Хорош старый мастеровой рядом с Федюней. Это один из удачнейших образов Коровина в его серии.

О замечательном русском мастере — народном умельце — повествует сказ «Железковы покрышки». «...Уважает человек свое мастерство,— характеризует Бажов Евлаху.— Дороже денег его ставит». Неподкупному Евлахе, тому, как посрамил он незадачливого иностранца, посвящена акварель «Заграничный мастер у Евлахи».

Серия акварелей О. Коровина — серьезный и вдумчивый труд художника.

Е. Николаева

Писатели и книги

Книга писателя-борца

Пятого октября этого года в Берлине на шестьдесят пятом году жизни скончался Фридрих Вольф — видный немецкий писатель, дважды лауреат Национальной премии. Вольф умер утром, за письменным столом; в эти дни он работал над киносценарием о Томасе Мюнцере — народном вожде, герое Крестьянской войны XVI века в Германии.

Фридрих Вольф был одним из тех деятелей нашей эпохи, чья жизнь и судьба были накрепко связаны с судьбой его народа. Еще в двадцатые годы он вступил в Коммунистическую партию Германии. Фридрих Вольф был убежденным противником фашизма и войн, и борьбе с ними была посвящена его кипучая общественная и политическая деятельность. Этой же борьбе служило и перо писателя.

«Искусство — оружие», — сказано было в одной из его ранних статей. Он в полной мере обладал драгоценным для художника качеством: умением подмечать в жизни новое, смело ставить острейшие вопросы современности. Это обеспечило его книгам заслуженную известность и успех. Его пьеса «Бургомистр Анна» была одним из самых первых и наиболее значительных произведений о возрождении Германии после разгрома гитлеризма. Антифашистский кинофильм «Совет богов», созданный по сценарию Вольфа, несколько лет назад обошел экраны всего мира, так же как в тридцатые годы его «Профессор Мамлок». Недавно советские читатели познакомились с новым произведением Фридриха Вольфа, законченным в 1952 году,— романом «Летающие блюдца».

Действие книги происходит в США летом и осенью 1951 года. С первой страницы романа читатель попадает в какой-то безумный мир. Это не то гигантская тюрьма, не то сумасшедший дом, точнее, и то и другое одновременно. Вольф показывает страну, где гоняются за мифическими «летающими блюдцами» и ждут конца света, где школьников заставляют носить «бирки смерти», шпики ловят честных людей на улице, а преступники «стоят на страже закона».

Используя документальные данные, в большинстве своем известные из газет, Вольф только подчеркнул, сатирически заострил извращенную, уродливую сущность современного американского строя. Вполне реальна отвратительная фигура промышленника Сесила Кларка. Его фирма производит броневые плиты и стальные двери. Стремясь «итти в ногу со временем», Кларк переходит на выпуск особых огнеупорных «семейных» бомбоубежищ. «Жить — значит не думать о смерти,— гласит реклама его новой продукции.— Положил ли ты уже в карман ключ от бомбоубежища фирмы СКК?». Он «усовершенствовал» игральные автоматы, которые обычно устанавливают в американских ресторанах, кафе, клубах; каждый желающий, опустив в автомат десятицентовую монету, может теперь увидеть на экране — вместо Ниагарского водопада или бейзбольного матча,— как страшен взрыв атомной бомбы посреди Нью-Йорка, и одновременно воочию убедиться, сколь надежны бомбоубежища Сесила Кларка.

В конце книги Сесил Кларк гибнет — сходит с ума от им же распространяемого страха. Он только шакал в мире таких крупных хищников, как его компаньон Лорд — прежде просто гангстер, а теперь гангстер-миллионер, имеющий свою тайную полицию, своих шпионов и убийц, — верно схваченная характерная фигура одного из хозяев сегодняшней Америки.

Любое преступление, любая гнусность и дикость здесь вполне закономерны. Молодая девушка Бэсс гибнет по вине сына Кларка, майора американской армии; коммуниста Эрнеста Ли убивают по приказу Лорда,— все эти и многие другие чудовищные преступления кажутся обыденными в жизни США.

Другими красками, с симпатией, описывает Вольф трудовую и миролюбивую Америку — тех, кто может стать жертвой военных авантюр, разжигаемых Лордами и К°, и кто не желает мириться с этим. Друзья рабочего Эрнеста Ли — «дядюшки Эрнеста» — это люди, которые умеют искренне любить, которые знают, что такое верность интересам народа.

«Сегодня тем, кто сражается за мир, нужно больше мужества, чем идущим на войну», — говорит один из героев книги, американец. Но происходит то, на что никак не рассчитывают убийцы, — террор рождает не страх, а ненависть. Следя за стремительно развивающимся действием книги Вольфа, читатель видит, как совершается размежевание двух лагерей, как в лагерь борцов за мир приходят новые и новые силы.

Фридрих Вольф ставит в центр повествования этот процесс и больше всего внимания уделяет тем, кто, по определению Говарда Фаста, «поворачивается лицом к действительности». Центральные персонажи его книги — Ада и Джин. Ада задумана автором как человек прямого и решительного характера, человек действия. Ей надо было многое понять, отбросить много ложных представлений; но как только Аде становится ясным смысл событий, девушка решительно порывает с домом Кларков, где она выросла.

Сложнее путь Джина, ее друга (а потом — мужа), которого Ада любит требовательной, большой любовью. Человек несомненной личной храбрости и выдержки, он сейчас, в мирное время, не может найти свое место в жизни. Джину не дает покоя вопрос: «Стоит ли игра свеч?» — стоит ли жить, работать, заводить семью, если все равно война, все равно гибель? Постепенно столкновения на митингах с провокаторами, письма американских солдат из Кореи, споры с Адой,— словом, сама жизнь, борьба заставляют его найти единственно возможный для него ответ: да, — и война не неизбежна, и жизнь не напрасна, и любовь — счастье, если бороться за свои права, за права своего народа, за справедливость. Это уже новый, точнее, нашедший себя Джин. Только таким его любит Ада.

На страницах романа отображен неизбежно идущий в Америке, как и в других странах лагеря капитализма, процесс пробуждения простых людей к борьбе, ведущий ко все большей изоляции поджигателей войны. Тот, кто честен, кто любит свою родину, не может не стремиться к обузданию поджигателей войны, и место его в рядах борцов за мир. Эту благородную мысль утверждает роман Фридриха Вольфа — последний роман писателя, отдавшего свою жизнь борьбе за мир и социальную справедливость.

П. ТОПЕР

Фридрих Вольф. Летающие блюдца. Авторизованный перевод с немецкого. «Знамя». №№ 3, 4, 5, 6, 7. 1953.

Победа Василия Смыслова

20 ОКТЯБРЯ

Смыслов без напряжения сыграл вничью с Таймановым. Видимо, лидер уже начинает экономить силы для матча с Ботвинником. Американский гроссмейстер мечтает удержать хотя бы второе место. Он уже дважды предлагал Бронштейну ничью. Советский гроссмейстер отклоняет предложение и смело жертвует пешку. В сильнейшем обоюдном цейтноте «счастье» на стороне Бронштейна. После контрольного, 40-го хода позиция Решевского безнадежна. Что делать? Остается попытка использовать старый прием: предложить ничью. Бронштейн в третий раз отклоняет это предложение. Американскому гроссмейстеру стало неловко. Надо сказать, что неоднократные предложения ничьей, иногда в тяжелой для Решевского позиции, не способствовали популярности американского гроссмейстера в Цюрихе. При доигрывании Решевскому пришлось сдаться, но он заявил, что Бронштейну просто повезло. Но «везет» обычно смелому и сильному. Уместно также вспомнить слова одного из чемпионов мира, Ласкера, что «везение заключается в том, что человек рождается с определенными способностями».

Найдорф опять со свойственным ему оптимизмом объявил в кулуарах, что его противник — Геллер — скоро сдастся. Но вскоре аргентинский гроссмейстер стал скромнее и предложил ничью. Геллер не пошел навстречу Найдорфу, и аргентинцу не осталось другого выхода, как сдаться в день доигрывания.

Керес тонко переиграл Глигорича и поставил его короля в безвыходное положение.

21 ОКТЯБРЯ

Предпоследний тур. Лидер турнира «зашел на часок», чтобы на 11-м ходу согласиться на ничью с Найдорфом.

Теперь всех интересует вопрос: кто займет второе место? У Бронштейна, Кереса и Решевского равные шансы. Впрочем, этот вопрос, видимо, не волнует американских болельщиков. Они были подготовлены американской прессой к победе Решевского. Но раз Решевский не первый, то и писать больше нечего. Американский мастер и шахматный обозреватель Колтановский, который был здесь во время турнира, уже вылетел в Нью-Йорк.

23 ОКТЯБРЯ

Наконец-то кончается турнир! Смыслов легко делает ничью с Петросяном, и после этого у него начинается «трудная жизнь». Здесь очень распространен обычай собирать автографы известных людей. Смыслов с трудом отражает атаки коллекционеров. Беспрерывно поступают поздравительные телеграммы из разных городов Советского Союза.

Претенденты на второе место Бронштейн, Керес и Решевский не рисковали играть на выигрыш и поделили второе, третье и четвертое места.

Пятое место завоевал самый молодой гроссмейстер — Петросян.

24 ОКТЯБРЯ

Торжественное закрытие шахматного турнира.

Бурные аплодисменты Смыслову, Котову и другим советским шахматистам подчеркивают, насколько популярны они в Швейцарии. Лавровый венок победителя увенчивает Смыслова. Работы у фоторепортеров и кинооператоров хватает. Естественно, что не обходится без речей. Все отмечают, что турнир прошел хорошо, шли горячие бои, но все разъезжаются друзьями.

Победа советских шахматистов особенно приятна и убедительна потому, что на этом турнире были представлены лучшие силы мира.

— Все кончилось так, как можно было ожидать,— говорит главный арбитр Опоченский.— Советские шахматисты опять восторжествовали над зарубежной шахматной школой. Что касается молодежи, то, по-моему, если она еще кое-чему научится у своих старших коллег, то многие из молодых уже в недалеком будущем будут иметь шансы на встречу с чемпионом мира. Но пока что победили самые опытные.

— Два месяца подряд играть в шахматы — несколько многовато,— заявил нам победитель турнира Василий Васильевич Смыслов.— Но все обошлось благополучно. Русская поговорка гласит: «В гостях хорошо, а дома лучше». Особенно приятно возвращаться домой победителем.

Сало ФЛОР

Цюрих (по телефону).

В. Смыслов.

„Декабристы"

Б. ЯРУСТОВСКИЙ

Фото Е. УМНОВА.

Большой театр Союза ССР показал свою новую постановку — оперу Ю. Шапорина «Декабристы».

Уже не первый раз на крупнейшей в мире оперной сцене оживают овеянные славой образы героев декабрьского восстания. К столетию этой исторической даты — в 1925 году — Большой театр поставил оперу под тем же названием советского композитора Золотарева. Несмотря на известный успех первых спектаклей, опера недолго удержалась в репертуаре.

«Декабристы» Ю. Шапорина. Свидание Щепина-Ростовского (В. Ивановский) и Елены (Н. Покровская).

В том же 1925 году Ю. Шапорин в содружестве с писателем Ал. Толстым также обратился к теме о первых смельчаках, поднявших оружие на царя-деспота. Немало труда вложил композитор в свою работу, не сразу были им найдены новые контуры произведения. Много лет он вынашивал замысел, подолгу обдумывались сцены. Плодотворную роль сыграло в этом отношении длительное общение композитора с коллективом Большого театра. Вместе с поэтом-либреттистом Вс. Рождественским Шапорин окончательно завершил свое произведение.

Опера Ю. Шапорина посвящена деятельности Северного общества декабристов, вооруженному выступлению 14 декабря 1825 года; Южное общество представлено в ней лишь фигурой Пестеля.

Искра, зажженная в карре восставших солдат на Сенатской площади, разгорелась позднее в бурное пламя русского революционного движения. Пушки Сенатской площади разбудили целое поколение, проницательно говорил Герцен. При всей исторически обусловленной дворянской ограниченности движения декабристов «их дело не пропало» (Ленин). Их горячий призыв к новой жизни нашел могучий отклик в сердцах современников, особенно молодого поколения России. В глухую историческую пору во имя светлого будущего своего народа декабристы, как истые «воины-сподвижники» (Герцен), бросили дерзкий вызов самодержавию, осветив ярким заревом вооруженного восстания исторические пути России...

Светлые образы героев декабрьского восстания представляют исключительно благодарную тему для передового художника. К таким именно высоким темам, как известно, всегда стремились, ими «пламенели» сердца великих деятелей мирового и прежде всего русского классического искусства.

Ю. Шапорин был прав, следуя этой замечательной традиции, тем более, что, опираясь на данные советской науки, он смог раскрыть эти славные страницы русской истории более полно и правдиво.

Слушая новую оперу, поставленную Большим театром, при всех ее отдельных недостатках, еще и еще раз ощущаешь, как велика, могуча сила правдивой музыки, вдохновленной высокой и благородной темой! Сколько светлых чувств высекает она из нашего сердца, с какой рельефностью и убеждением рисует, воссоздает она жизненные образы!

Удача оперы прежде всего в яркой, запоминающейся характеристике основной группы декабристов-вожаков Северного общества — Рылеева, Каховского, Бестужева. И драматургически и музыкально они резко выделены в конфликтном развитии оперы. 2, 4 и 6-я картины — сцены в трактире, на почтовом тракте, в квартире у Рылеева — раскрывают перед нами постепенное созревание идеи вооруженного выступления. Не сразу определяется общее мнение: декабристы узнают о предательстве участника группы Ростовцева, сомнения вселяет Трубецкой, а в самое утро восстания он и прямо изменяет делу. Но вдохновенные речи Рылеева, страстные призывы Бестужева и Каховского объединяют членов общества в едином твердом решении — идти на восстание.

Сцена в каземате. Слева направо: Пестель (народный артист РСФСР А. Кривченя) и Рылеев (народный артист СССР Ал. Иванов).

Главный музыкальный лейтмотив оперы — гимн декабристов — впервые возникает во 2-й картине в устах Каховского. Страстные, проникновенные пушкинские слова из послания к Чаадаеву «Товарищ, верь: взойдет она...» положены композитором на фанфарно-гимнический музыкальный мотив. Устремленная ввысь мелодия необычайно рельефно передает в образной форме благородный порыв декабристов, их «дум высокое стремленье». Музыка гимна возникает и в финале 4-й картины — у Рылеева, — она мелькает в репликах декабристов на Сенатской площади, ею заканчивается опера (уже на слова Одоевского «Наш скорбный труд не пропадет...»). Мы слышим те же гимнические интонации в боевой песне Бестужева (2-я картина), в центральной арии Рылеева, в фанфарном мотиве восстания, звучащем многократно в процессе развития оперы.

Основному музыкальному образу декабристов противопоставлены (также постоянные) мрачные оркестровые мотивы, определяющие противоположный лагерь — характеристика царя, помещицы-«салтычихи» Ольги Мироновны и т. д.

Такой музыкально-драматический замысел позволил композитору рельефно воплотить типические образы прогрессивных и

Сцена на Сенатской площади. На переднем плане (слева направо): Щепин-Ростовский (В. Ивановский) и Бестужев (заслуженный артист РСФСР И. Петров).

консервативных сил русского общества первой половины XIX века, столкнуть их, утверждая основную идею произведения, его этическое начало. Яркие, запоминающиеся контрастные музыкальные темы служат действенным средством развития драматического конфликта; последовательно проведенные через всю оперу, они придают ей необходимое драматургическое единство — качество, которого, к сожалению, так часто не хватает в наших современных операх...

Широко и эффективно используется в опере жанр народной песни. Мы слышим и подлинную народную песню и искусно созданные самим композитором напевы в духе народном. Протяжная песня народного горя «Ах, талан ли мой, талан» возникает не один раз в опере. В первой картине ее поют крепостные девушки, оплакивающие свою горькую долю. Ее скорбный напев мы слышим в момент поражения декабристов на Сенатской площади и в конце оперы. Интересен сам прием введения песни в картине восстания — горестный хоровой плач доносится из-за сцены. Точно расступились дома, окаймляющие площадь, и мы видим простой народ России, скорбящий о трагическом исходе восстания.

Тем самым композитор подчеркивает идею произведения: пусть декабристы в своих действиях далеки от народа (это и было основной причиной их гибели!), но дело их, благородные помыслы и чувства были близки миллионам простых русских людей. Эту мысль автор акцентирует и тем, что насыщает вокальные партии декабристов распевностью народной песни. Как, например, эстетически возвышает, «утепляет» образ Бестужева лирическая, истинно народная песня «Ой вы, версты!»! Скромный, но удивительно задушевный напев попутной песни, сопровождающий ее звон бубенцов дорожной тройки — все это исконно русское, кровно связанное с природой, народом и бытом России XIX века. Хороши, колоритны в этом же отношении и речитативная ария-дума Рылеева в 4-й картине оперы «О, Русь моя!», песня Сергеича «Ой погодушка, погодка» или песня сторожа «Колотушка моя».

Композитор умело развивает свои музыкальные темы в зависимости от сценического действия. Так, например, иное, лирическое звучание приобретает героический гимн декабристов в момент, когда Бестужев вспоминает о погибших вожаках восстания. «Какие люди!.. Какие имена!» — восклицает он, слушая печальный рассказ Сергеича о казни Рылеева, Пестеля, Каховского и других. И в оркестре, в тихом, нежном звучании, как бы сквозь дымку, рождается та же тема гимна декабристов. В этом новом своем обличии она как бы символизирует светлую память народную о смелых буревестниках, разбившихся в своем дерзком полете о страшную императорскую твердыню.

Не все равноценно в опере, есть в ней, разумеется, и слабые стороны. Она несколько статична; страстные споры, драматичные события, возникающие в канун восстания, требовали бо́льшего темперамента, бо́льшей активности в сценическом и музыкальном развитии. Образы самих декабристов могли быть гораздо сильнее индивидуализированы. При всей общности чувств, что объединяли и направляли помыслы и действия декабристов, они все же были разными людьми: неистовый Каховский, как известно, не был похож на поэта-мыслителя Рылеева, и характер Пестеля был глубоко индивидуален. В опере же эта конкретно-индивидуальная сторона характеров не всегда рельефно раскрыта. Спорна характеристика царя Николая I: этот мрачный, зловещий образ заслуживал более острых красок, более страстного обличения.

И, тем не менее, в опере при всех ее отдельных недостатках так много хорошего, благородного, что театр, несомненно, оказался правым, обратившись к ее постановке.

Над постановкой оперы работали выдающиеся мастера советского театра: Н. Охлопков (режиссер-постановщик), А. Мелик-Пашаев (дирижер), художники А. Петрицкий и Т. Старженецкая, балетмейстер Л. Лавровский, главный хормейстер М. Шорин.

Н. П. Охлопков — большой художник со своим, индивидуальным творческим почерком — понимал, что в опере, в отличие от драматического спектакля, многое и в смысле сценического воплощения определено, подсказано самим композитором. В работе режиссера больше всего и привлекает его стремление возможно полнее раскрыть музыку, патриотический замысел оперы. Сценическими средствами он во многом обогатил, усилил главный музыкальный образ оперы — тему единства, благородного содружества декабристов.

Надолго запоминаются в спектакле почти скульптурные группы декабристов, выражающие их сплоченность, дружбу, боевое товарищество. Такова, например, сцена клятвы на шпагах во второй картине оперы. Не менее выразительна мужественная группа декабристов, заключающая драматическую картину у Рылеева. Характерно, что этот прием режиссера — своеобразный «сценический лейтмотив» спектакля — возникает каждый раз, когда звучит гимн декабристов: «Товарищ, верь...»

Близкий к этому режиссерский прием мы видим и в финале картины «Сенатская площадь». Восставшие войска отходят. Разгромленные, разбитые воины поддерживают раненых товарищей. Выразительные группы отступающих в глубине сцены солдат, так сильно напоминающие образы верещагинской батальной живописи, служат выразительным фоном для песни старого тяжело раненного солдата, оплакивающего трагическую гибель восстания. Та же мысль подчеркивается в картине и нарочито резким сценическим контрастом: шум боя, динамический образ наступающих «волнами» революционных войск сменяется в финале полной тишиной. Площадь пуста, бьют куранты Петропавловской крепости, и только трупы расстрелянных сол-

Финал оперы. По дороге в ссылку.

дат напоминают о совершившейся здесь трагедии...

К числу режиссерских находок можно отнести введение кукольного театра в сцене на ярмарке; хлесткая песня о незадачливом барине, разыгранная куклами («Пров пива наварил... всю деревню пригласил, не позвал он одного — барина своего») в образной форме передает антикрепостнические настроения народа.

В спектакле заняты лучшие силы театра. Партию Рылеева поют Ал. Иванов и П. Лисициан, В исполнении Иванова Рылеев — живой, темпераментный, полный оптимизма. Рылеев-Лисициан более собран, сосредоточен, вдумчив. Но, несмотря на некоторое различие трактовок, в исполнении обоих артистов поэт-революционер воспринимается как душа восстания. С ним может соперничать лишь Пестель — образ, введенный автором уже в последнюю редакцию оперы. Появление его в спектакле, хотя и предельно лаконичное (и, может, не вполне мотивированное), намного усилило идейно-этическое звучание оперы. Успеху спектакля в значительной степени содействует исполнение партии Пестеля А. Пироговым, создавшим образ могучего темперамента и большой этической силы. Мы ощущаем это уже в первой его арии «О, родина, мать! Тебе ли не встать...» Сколько подлинного, захватывающего чувства вкладывает талантливый исполнитель в страстный призыв Пестеля! Той же страстностью насыщена и заключительная сцена прощания двух вожаков декабристов, Пестеля и Рылеева, в каземате. Всего лишь несколько десятков минут отделяют их от казни, но менее всего их помыслы связаны с преждевременным уходом из жизни. Нет, все их мысли и чувства устремлены вперед, к светлому будущему народа. Они более всего озабочены тем, чтоб дело их не пропало даром, чтобы пришла наконец желанная пора освобождения.

Один из лучших образов в спектакле — образ Бестужева. Артист И. Петров подчеркивает в нем глубокую преданность делу декабристов, восторженность его натуры. Красивый, насыщенный голос певца сочетается с большим артистическим мастерством. И трудно отдать предпочтение в его исполнении — то ли порывистой боевой арии-песне «Бьет, бьет барабан...», то ли подернутой легкой дымкой грусти попутной песне о дорожных верстах...

Высоким артистизмом отмечено исполнение роли Каховского Г. Нэлеппом.

Лирические образы — дочь разорившейся помещицы Елена и молодой офицер-декабрист Щепин — связаны в музыке оперы, по существу, лишь одной проникновенной темой любви. В этом их положительная и отрицательная сторона. Лирическая музыка легко запоминается, тонко и правдиво она рисует светлое чувство молодых людей, подчинивших свое личное счастье высоким общественным устремлениям. Однако встречи Елены и Дмитрия, которые видит на сцене зритель, весьма различны: первая из них относится к зарождению чувств героев, вторая встреча происходит уже совсем в иной обстановке — в суровой тайге, на сибирском тракте. Почти точное повторение в обеих сценах одной и той же музыки вряд ли можно считать правильным авторским решением.

Обе исполнительницы роли Елены — Н. Покровская и Н. Соколова — хорошо справляются со своей партией, к сожалению, слишком скромной, не обогащенной ни одним сольным номером.

Раскрытие образа Дмитрия Щепина связано с трудной задачей воплощения двух контрастных сторон образа: волевого офицера-декабриста и нежно влюбленного. Разумеется, не так легко проводить с одинаковой силой и творческой убедительностью такие различные сцены, как эпизод любовного свидания на ярмарке и батальную сцену на Сенатской площади! Пока еще решение этой задачи нельзя признать полноценным ни у Г. Большакова, ни у В. Ивановского. Надо полагать, что со временем необходимые краски будут ими найдены.

Кстати, это красноречиво доказывает исполнение артистом А. Огнивцевым партии Николая I: от одного спектакля к другому вокальная и сценическая стороны исполнения становятся все лучше, убедительнее и острее. Если на первых порах артист увлекался внешней стороной образа, то в последних спектаклях проступает, обнажается гораздо более важное — социальная сущность образа.

Разнообразно, сочно звучит хор (главный хормейстер — М. Шорин). Это в равной степени относится и к задорной солдатской песне Московского полка, и к драматическому хору-плачу «Ах, талан», и к живой народной сцене на Сенатской площади. Хочется особенно отметить в этой сцене выразительность и значение таких, например, хоровых реплик, как «Царь! Неужто царь?». Неожиданный переход хора (на этих словах) с пения на говор-полушепот необычайно рельефно подчеркивает испуг, удивление народа при появлении царя с пушками.

Трудно переоценить в такой сложной постановке роль дирижера — музыкального руководителя. Народный артист СССР А. Ш. Мелик-Пашаев сумел объединить творческие усилия всего гигантского театрального коллектива. Спектакль отличает высокая музыкальная культура исполнения, которая отчетливо ощущается в стройном звучании вокальных ансамблей, занимающих такое большое место в опере, в исключительно высоком уровне оркестрового исполнения, в живом ритме всего спектакля.

С постановкой «Декабристов» репертуар основной сцены Большого театра пополнился новым произведением советской оперной музыки. Значение этого события можно полностью оценить, если вспомнить, что со времени постановки оперы «Тихий Дон» И. Дзержинского в 1936 году все попытки театра поставить новую советскую оперу заканчивались неудачно. В этом большая вина театра, порой не умеющего правильно оценить новое произведение, а главное, хорошо, плодотворно поработать с его автором. Опыт совместной работы театра с композитором Шапориным полезен и поучителен.

Театр вышел, как нам кажется, на верную дорогу. Пожелаем же ему счастливого творческого пути!

«Болельщики» на стадионе. Первый слева — председатель колхоза П. И. Переверзев.

Казаки на стадионе

Павел КРАВЧЕНКО

Фото Л. Агафонова.

I

С самым молодым поколением физкультурников кубанской станицы Динской мне пришлось познакомиться нынешним летом. Повсюду на стадионе мелькали стриженые и лохматые головенки и босые пятки граждан различного возраста — от трех и до двенадцати лет. Двое хлопчиков с устрашающими криками гнали хворостинами со стадиона целое стадо гусей. Гуси шипели, хлопали крыльями и возмущенно гагакали. Когда они были выдворены за ворота, один из мальчишек, белоголовый и курносый, кинул им вслед хворостину и с чувством превосходства сказал:

— От-то ще спортсме-ены мини нашлися! Траву тут щипать. Для вас мы оцей стадион строили!

— Кто это — вы? — спросил я у мальчика.

— Та все ж колхозники!

— И ты строил?

— А то як же! Меня председатель дядя Переверзев даже бригадиром прозвали. Я доски для забора сюда таскав. Вот подивитесь, дядя, як я уже на турнике на одной ножке верчуся!

— Верчуся, верчуся! — передразнил его другой, постарше. Вы, дядя, Ваську не слухайте. Что он понимает в этом деле, пацан! А ну, геть отсюда!.. Ему только по деревьям лазить, Тарзана в чужих садах разыгрывать. Кузнецова кобель ему недавно штаны порвал, чтобы больше груш из сада не таскал.

Васька отошел от нас на почтительное расстояние и прерывающимся от обиды голосом крикнул:

— Ну, обожди, помидор! Потренируюсь, как дядя Шевченко, тогда через год тебя на бокс вызову!

— Кто помидор? — Круглое лицо старшего залилось пунцовым цветом, и он кинулся догонять Ваську. Но догнать того было не легко: с радостным визгом он так припустился бежать, точно и в самом деле сдавал нормы на значок «БГТО».

II

«Дядю Шевченко», о котором упомянул в споре Васька, еще три года назад никто не называл дядей, потому что было ему тогда пятнадцать лет от роду. Он был очень слабосильным мальчиком, но, как говорят его товарищи, «начитался художественной литературы» и после этого справедливо заключил, что человек может стать, кем только сам захочет. Утвердившись в этой мысли, он решил: начать надо с того, чтобы из слабосильного превратиться в силача.

— Дядя Степан,— обратился он к тогдашнему председателю совета физкультуры Антоненко, — можно, я гирями буду заниматься?

— Гирями? Сходи к врачу.

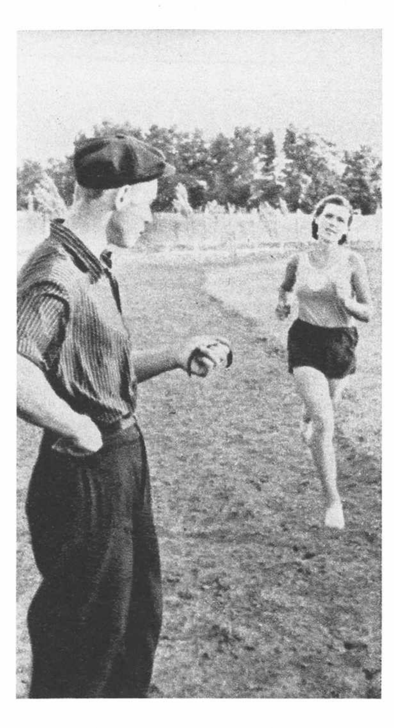
Врач разрешил. И Александр Шевченко с упоением начал заниматься тяжелой атлетикой. С гирь он перешел на штангу. Мускулы у него быстро окрепли. Прошло немного времени — он первым в станице выполнил норматив третьего разряда по штанге, а еще через некоторое время стал чемпионом краевого совета общества «Колхозник». Сейчас Александр Шевченко руководит в колхозе секцией тяжелой атлетики.

— Техники тебе не хватает, техники! — говорит он высокому парню. — У тебя тяжелый вес, а ты роняешь на пол семидесятипятикилограммовую штангу. У меня легчайший вес, а я ее — видишь? — свободно выжимаю двумя руками. Что для этого требуется? — И дальше идет подробный квалифицированный разбор.

Его собеседник крякает и начинает делать жим «по-новому».

III

— Ну, конный спорт или там рыболовно-охотничья секция — это, конечно, ничего, можно, — рассуждали между собой некоторые из пожилых. — Казак должен конем владеть хорошо, конечно, да и рыбка к столу... Против этого, понятно, даже и женщинам возражать не придется. А теннисы всякие, да волейболы с футболами, да «кроль», да «брасс» какой-то — это все выдумки ребячьи. Только работе колхозной мешать да обувь снашивать, не напасешься на них. Мы две войны, коли приходилось, так без «кролей», по-казацки Кубань с оружием переплывали, а потом в атаку сразу

Колхозницу Клавдию Середу тренирует секретарь комсомольской организации колхоза Виктор Сорокин.

шли, — ничего, получалось, как положено...

Комсомольцы выслушивали эти речи отцов, продолжали делать свое дело, и все больше молодежи тянулось к спорту. Шла, например, Азово-Кубано-Черноморская эстафета. Взяли из колхоза 15 пловцов, а Лиду Бондаренко не взяли. Много было упреков и обид: ты, дескать, толстая очень, быстро плыть не сможешь, а то еще и утонешь. «Вы сами толстые, сами утонете». Все-таки не взяли. Сели на машину, поехали в Краснодар...

— Что это под лавкой?

— Не что, а кто. Лида Бондаренко, вот кто!

— Да как же ты забралась сюда?

— Вот и забралась. Значит, не такая уж толстая!

Что ты будешь делать с дивчиной! Не высаживать же из машины.

Смеху и шуток было очень много. Пришлось Лиду включить в команду. Проплыла девушка сто метров и ухитрилась в своем заплыве выиграть первое место...

У кузнеца Дмитрия Кириченко на спортивной почве чуть было семейной драмы не вышло. Пока Дмитрий ядра толкал, гранату бросал,— ничего, жена еще терпела. А тут — спартакиада по плаванию в Краснодаре.

— Никуда ты не поедешь, а поедешь, то и домой не возвращайся...

Кириченко — все-таки упорный казак: поехал. Одно из первых мест завоевал. Вернулся, сообщил об этом жене.

— А иначе я бы тебя и домой не пустила!

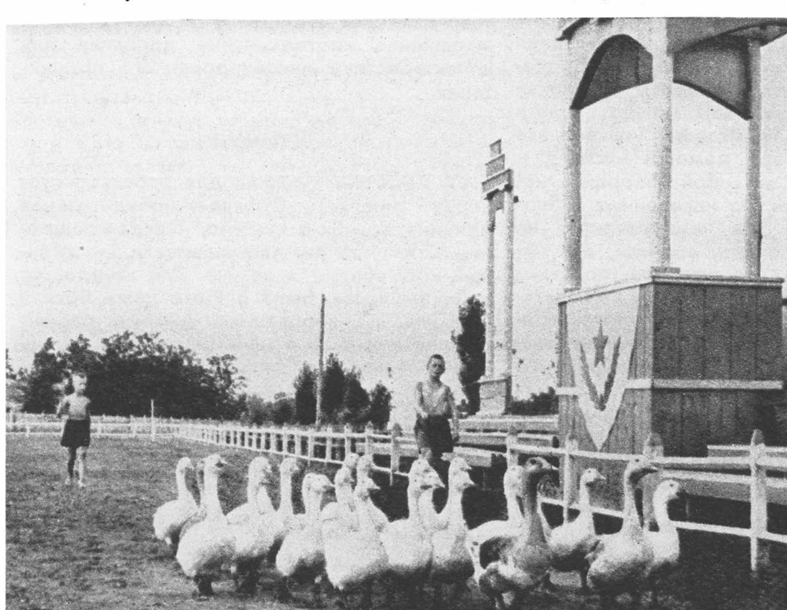
IV

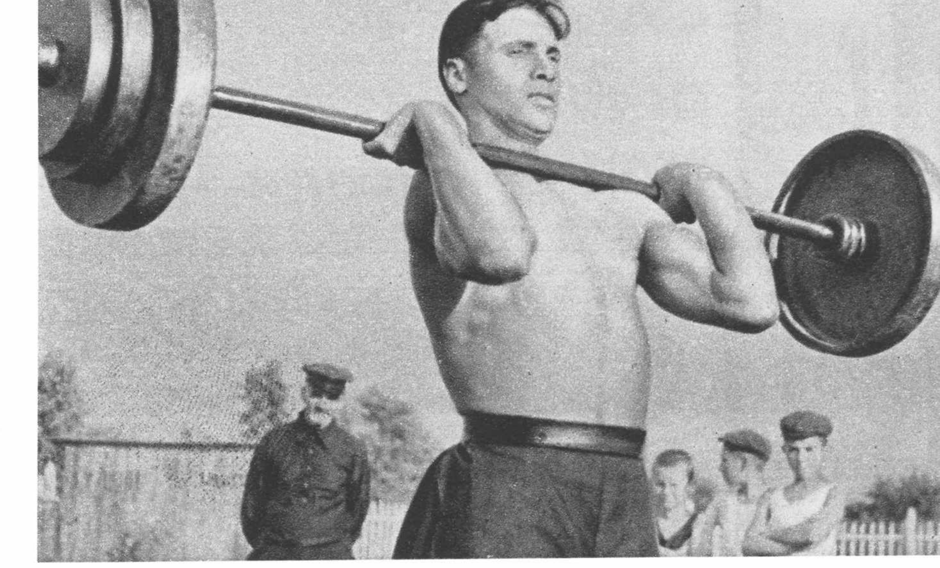
В 1950 году в колхозе имени Молотова было двадцать членов спортивного общества, к весне 1951 — сто двадцать, на следующий год — четыреста двадцать пять, а теперь уже — больше шестисот пятидесяти. Легкая атлетика. Тяжелая атлетика. Футбол. Волейбол. Конный спорт. Теннис. Городки. Стрелковый спорт. Велосипедный. Пловцы. Стадион — один из лучших в крае. Снаряды, оборудование... До того спортом увлеклись, что уже стало казаться: и впрямь оно может помешать колхозным работам. И уже думалось: вот-вот председатель колхоза Петр Иванович Переверзев потребует «прекратить это безобразие». Но Петр Иванович только поглаживал рукой свою бритую голову и посмеивался.

V

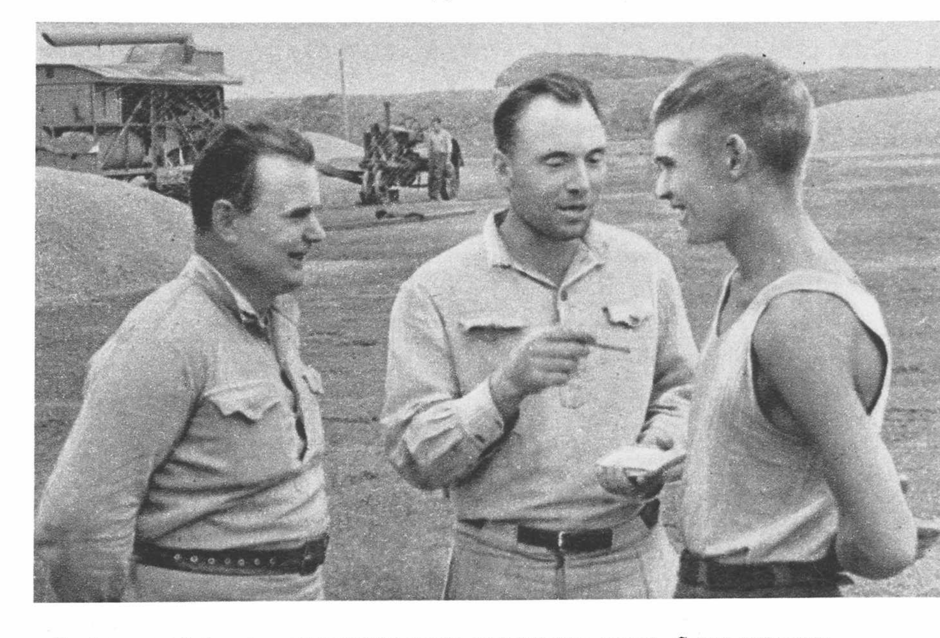
— Скажи, пожалуйста! — повышал голос Иван Лукьянов, учетчик четвертой тракторной. — Выдумали такое — цирк тут устраивать! Свою футбольную команду в бригаде создали. Трактористов на футболистов вздумали переквалифицировать, капитана своего выбрали... Ты, Панчишный, будь хоть капитан, хоть раскапитан, а чтобы этого шарика на полевом

Гусей — с поля!

Александр Шевченко со штангой.

В тракторной бригаде обсуждают итоги вчерашнего матча. Слева направо: бригадир И. Г. Левченко, учетчик И. Ф. Лукьянов, капитан команды М. И. Панчишный.

стане не было... Разложение! И без того тракторы простаивают без прицепщиков, а вы тут с футболом со своим!

Но вышло совсем не так уж плохо, как казалось учетчику Лукьянову. Во-первых, как только подростки узнали, что в четвертой тракторной своя футбольная команда, то добровольцев-прицепщиков сразу оказалось в ней больше, чем это было даже необходимо. А правление, вместо того чтобы поддержать требование учетчика... купило команде 14 пар бутс, столько же маек и трусов.

Колхозный комсорг, он же нынешний председатель совета физкультурного коллектива, легкоатлет Виктор Сорокин часто шушукался о чем-то с капитаном команды Панчишным, и оказалось, что спортивная дисциплина может только подкрепить дисциплину производственную. Очень скоро трактористы и прицепщики четвертой бригады подтянулись, приобрели спортивный вид, неохотно отлучались с полевого стана и по предложению комсомольцев единодушно решили, что честь бригады должна быть защищена дважды: на доске показателей МТС и на зеленом поле колхозного стадиона.

Бригада действительно вышла в число передовых по району. А в свободное время тренировалась в поле. Бригадир Иван Григорьевич Левченко, которого прежде обуревали сомнения, теперь уже сам стоял в воротах и «собственноручно» принимал тяжелые мячи от своих подчиненных. А когда бригадная команда впервые с хорошим счетом выиграла встречу на колхозном стадионе, то учетчик Лукьянов в течение получаса так и не зажег свою самокрутку и с достоинством сказал соседу:

— Видал? Что значит правильное воспитание!

VI

— На мой взгляд, колхоз никак не может пострадать от того, что у наших хлопцев и девчат прибавится силы и ловкости. От этого мы только выиграем, — сказал однажды на правлении председатель. — Раз просят девчата из четвертой МТФ волейбольную сетку и мяч, нужно купить им, да и не только им!

И действительно, волейбол не помешал девчатам из 4-й МТФ завоевать первое место в колхозе. А может быть, даже помог? Ведь спорт развивает не только ловкость и силу, но еще и хорошее чувство локтя.

Поздно вечером расходятся со своего стадиона колхозные спортсмены. Далеко — до самой железной дороги — слышится отсюда густая кубанская песня. Потом и она замолкает, и только сверчки по всей Динской кричат так яростно, что кажется, обсуждают последний футбольный матч.

Японские народные сказки

Справедливый мудрец

Как-то один богач потерял кошелек, в котором было 200 иен. Шел по дороге бедняк, подобрал кошелек и снес его к судье. Несколько дней спустя пришел к судье богач и стал спрашивать свой кошелек.

— Этот? — спросил судья, показывая ему его кошелек.

— Да, да, он самый,— подтвердил богач и потянулся за кошельком.

— Нет, ты подожди забирать свой кошелек,— сказал судья,— сначала ты должен отблагодарить нашедшего.

Богач считал, что бедняк не стоит благодарности. Он решил посмеяться над ним и полез в кошелек проверять деньги.

— Здесь всего 200 иен,— сказал богач, — а в моем кошельке было 220 иен. Этот человек украл у меня 20 иен.

— Нет, это неправда,— сказал бедняк,— там было всего 200 иен. Я не брал чужих денег.

— Он врет,— сказал богач,— я утверждаю, что там было 220 иен.

Так они спорили и не могли придти к соглашению. Тогда судья предложил пойти к мудрецу. Мудрец выслушал всех троих и, обращаясь к богачу, сказал:

— Ты потерял кошелек, в котором было 220 иен?

— Да,— ответил богач.

— Так как в этом кошельке 200 иен, то это не твой кошелек, — сказал мудрец. — Вероятно, его потерял кто-нибудь другой. А так как хозяин не нашелся, отдадим его нашедшему. А ты поищи свой кошелек, в котором 220 иен.

Трава мёга

В деревенскую гостиницу зашел переночевать бродячий торговец. Он положил на пол тюк с товарами и попросил хозяйку приготовить ему ужин.

Немного было товаров у бродячего торговца, всего на несколько грошей, но жадная хозяйка подумала: «Хорошо бы забрать себе его тюк с товарами!»

Пока она на кухне готовила ужин, эта мысль не выходила у нее из головы. Наконец она сказала мужу:

— К нам пришел бродячий торговец. Хорошо было бы забрать себе его тюк с товарами!

— Нет ничего проще,— ответил муж.— Подложи ему за ужином траву мёга. Кто поест травы мёга, всегда что-нибудь да забудет! А что может забыть бродячий торговец, кроме своих товаров?

Хозяйка так и сделала: она нарвала траву мёга и подложила ее в еду гостя. Торговец поужинал, поблагодарил хозяйку и пошел спать в свою комнату.

На следующий день рано утром торговец покинул гостиницу, а хозяйка, проснувшись, прежде всего побежала в его комнату, чтобы посмотреть на тюк с товарами. Но тюка в комнате не оказалось.

— Ах ты, дурак! — принялась она ругать мужа.— Чего только не наговорил ты мне про траву мёга! А торговец и не подумал забыть свой тюк с товарами!

— Ну, если он не забыл свои товары, — значит, он забыл что-нибудь другое! — уверенно ответил ей муж.

— Ничего он не забыл! — набросилась на него хозяйка.

— Не может быть! — рассердился муж.— Вспомни хорошенько!

Хозяйка принялась вспоминать, что же мог забыть торговец. Вдруг она хлопнула себя по голове и закричала:

— Забыл! Забыл!

— Вот видишь,— весело сказал ей муж,— не говорил ли я тебе... Что же он забыл?

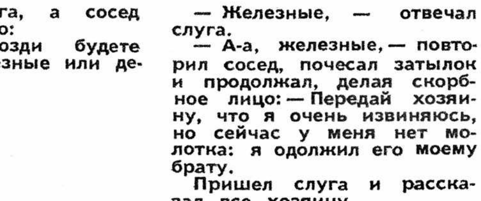
— Заплатить забыл, вот что, старый дурак! — совсем не весело ответила ему жена.

Скупость

Жили-были два скупых соседа. Как-то один послал своего слугу к другому с просьбой одолжить для работы молоток.

Пришел слуга, а сосед спрашивает его:

— Какие гвозди будете забивать: железные или деревянные?

— Железные, — отвечал слуга.

— А-а, железные,— повторил сосед, почесал затылок и продолжал, делая скорбное лицо: — Передай хозяину, что я очень извиняюсь, но сейчас у меня нет молотка: я одолжил его моему брату.

Пришел слуга и рассказал все хозяину.

— Есть же такие жадные люди! — с возмущением воскликнул тот. — Я уверен, что ему просто стало жалко своего молотка. Ничего не поделаешь, придется мне взять свой.

Перевела с японского
А. КОЛОМИЕЦ.

Рисунки Л. Бродаты.

Помещик-яма

Жил-был в одной деревне самодовольный помещик. У него было длинное красивое имя, которым он очень гордился, но народ постоянно давал ему клички и не звал по имени.

В саду у помещика был посажен кустарник эноки, и народ вскоре стал его звать «помещик-эноки».

Помещик узнал об этом и, решив, что народ издевается над ним и его именем, вырубил весь кустарник эноки. Он решил: «Теперь меня не будут называть глупой кличкой».

Но от вырубленного кустарника остались пни, и народ вскоре стал звать его «помещик-пень».

Дошла и эта кличка до помещика; он страшно разозлился и приказал выкопать все пни. Но от выкопанных пней остались углубления, ямы, и народ стал звать его «помещик-яма».

Так и прожил помещик всю жизнь под разными кличками.

Почему мы так говорим

ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

«Встретились в общежитии шоферов, чистом и уютном: стояли аккуратно заправленные койки, на окнах висели марлевые занавески, пол устилали половики. При общежитии была отдельная умывальная и комната для спецодежды... Василий Максимович в душе был очень доволен, однако придирался и ворчал: «Явная «потемкинская деревня»!» (**В. Ажаев** «Далеко от Москвы»).

Откуда же произошло это выражение?

В 1787 году Екатерина II в сопровождении громадной свиты совершила шестимесячное путешествие по югу России. Она была в восторге от картины процветания края под управлением Потемкина. Современник путешествия Ланжерон рассказывает: «Каким волшебством можно создать такие чудеса? Нужно сказать, что все это было достигнуто при помощи насилия и страха и повлекло за собой разорение нескольких провинций. Из населенных губерний Малороссии, где императрица не должна была проезжать, выгнали все население, чтобы разместить его по этим пустыням: тысяча деревень была на известное время лишена жителей, которых перевели вместе с их скотом на различные намеченные станции. Для них на скорую руку построили деревни на холмах вблизи Днепра. Когда императрица проехала, этих несчастных погнали снова на их старые пепелища; многие умерли во время этих перегонов...» «В Инкермане Потемкин спешно выстроил для Екатерины сказочный дворец, и она в течение нескольких часов не могла определить, где она находится. После торжественного обеда поднялся занавес, составлявший одну из стен зала, и перед восхищенными взорами открылся вид на севастопольскую бухту, где такая же импровизированная эскадра салютовала своей артиллерией. Дворец был построен из песчаника и вскоре развалился, эскадра была построена из сырого леса и сгнила еще раньше, но эффект был чрезвычайный». Эта бутафория, стоившая многих жизней и миллионных расходов, дала перешедшее и в другие языки выражение «потемкинские деревни» для характеристики инсценированного процветания.

СТИМУЛ

«У меня нет стимула для работы»,— говорят иногда. Стимул — побудительная причина, толчок к чему-то, иногда поощрение. Стимулом римляне называли заостренный кол, вбитый в землю для защиты от конницы врага. Была в Риме даже богиня Стимула, по верованиям римлян, побуждавшая вакханок к неистовству. Но основное значение этого слова весьма прозаично: это было стрекало — остроконечная палочка, которой кололи и подгоняли медлительных животных.

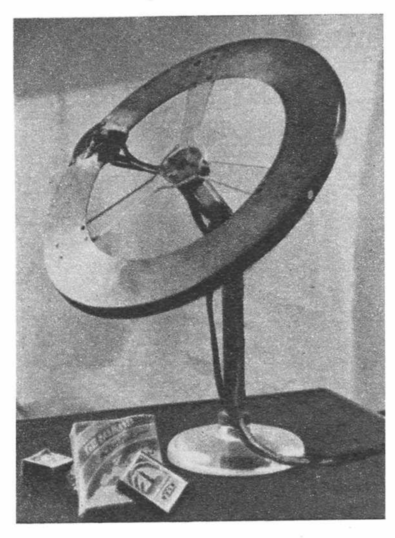
И. УРАЗОВ

Интервью «Огонька»

Завтра
СОВЕТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

М. СОБОЛЕВ,
главный инженер Главного управления Министерства электростанций и электропромышленности СССР

Каждый день тысячи советских людей в Москве, Ленинграде, Киеве смотрят программы телевидения. Из своих квартир, из клубов и красных уголков они как бы переносятся в театры и концертные залы, в лектории и на стадионы.

Модель комнатной антенны для телевизора.

Телевидение прочно входит в наш быт. Быстро увеличивается количество приемников. В нынешнем году промышленность выпустит в два с половиной раза больше телевизоров, чем в прошлом, а в будущем году их число возрастет по сравнению с 1952 годом по крайней мере вшестеро.

По четкости передач советские телецентры превосходят американские.

Наши предприятия разработали и выпускают высокочувствительные трубки, благодаря чему значительно улучшилось качество изображения. Мы получили возможность вести передачи из театров, со стадионов, с улиц и площадей при нормальном свете.

Телевизоры пользуются большим спросом. Как известно, они имеют трубки диаметром 180 и 230 миллиметров. Но это — вчерашний день нашей техники. Существующие конструкции уже не всегда отвечают взыскательным запросам покупателя. Мы приступаем к производству телевизоров новых образцов. Испытаны и готовятся к серийному выпуску телевизоры нескольких типов с трубками диаметром 300 миллиметров.

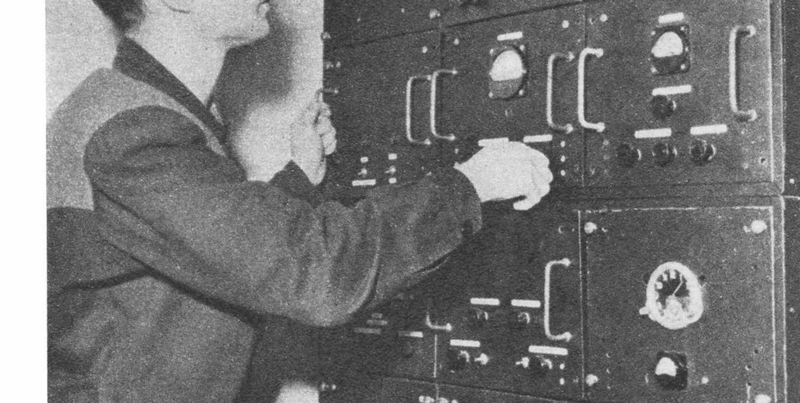
В 1954 году начнется продажа их населению. Новые приемники — «Авангард», «Север» и другие — обладают рядом преимуществ. Не говоря уж о размерах экрана, они имеют меньше ламп и, следовательно, дешевле и проще в эксплуатации.

В нашем распоряжении уже есть образцы индивидуальных телевизоров с трубками диаметром 400 миллиметров. В будущем году потребители получат первые партии этих приемников. Ведется разработка трубок и образцов приемника с экраном 30 на 40 сантиметров — в два с лишним раза большим, чем в нынешнем приемнике «Т-2».

Чем больше экран, тем больше людей могут одновременно смотреть программу. Представьте себе зал, вмещающий 400 человек. Взоры зрителей устремлены на экран размером 3 на 4 метра. На стадионе идет увлекательный футбольный матч, и за напряженной спортивной борьбой наблюдают не только с бетонных трибун «Динамо», но и с кресел кино «Эрмитаж». Здесь производятся работы по оборудованию первого в Москве телевизионного экрана, приближающегося к обычному экрану кинотеатра. Коллективные просмотры программ начнутся через несколько месяцев.

Немалую роль в распространении телевидения сыграют домовые телевизионные трансляционные центры.

Вот рядовой московский жилой дом, расположенный на Ленинградском шоссе, 9-а. Здесь в десятках квартир стоят полированные ящички с экранами — упрощенные телевизоры. По существу, вся трансляционная точка состоит из одной трубки и репродуктора. Программа передается из центрального пункта по кабелям. Речь идет пока об экспериментальной работе. В скором времени мы перенесем опыты и в другие московские дома.

На телевизионном трансляционном узле в доме № 9-а по Ленинградскому шоссе. Старший техник М. Некрасов регулирует трансляцию.

Немало хлопот владельцу телевизора и домоуправлению доставляет установка антенны на крыше многоэтажного здания, к тому же леса антенн малопривлекательны. Антенна телевизора должна быть коллективной, обслуживать целую группу приемников. Наши конструкторы предложили несколько типов коллективных антенн, в том числе на 50—100—200 приемников каждая. Они готовы к серийному производству. К сожалению, до сих пор не решен вопрос, кто и в каком порядке должен их устанавливать. Разработаны образцы портативных комнатных антенн. Некоторые из них «вписываются» в предметы домашнего обихода, например, в ламповые абажуры.

Многие любители телевидения, особенно жители крупных городов, жалуются на электрические помехи, влияющие на чистоту передач. Найден способ борьбы с ними. Советские инженеры сконструировали специальные фильтры — недорогие приспособления, охраняющие телевизор от искажений. Фильтры будут выпущены в продажу в большом количестве.

Перед нами поставлена задача — сделать телевидение достоянием возможно большего количества городов и колхозных сел. В 1954—1955 годах развернется строительство телевизионных центров в ряде городов страны. К телевидению, таким образом, приобщатся еще сотни тысяч советских граждан.

Но массовость телевидения достигается не только этим. Надо добиться, чтобы программа, передающаяся, скажем, из Москвы, могла быть принята на возможно удаленном от нее расстоянии.

Обычно передача телецентра принимается в радиусе 50—70 километров. Подобные трансляционные пункты смогут значительно расширить район действия телецентров. Путем трансляции по проводам или ретрансляции при помощи передатчиков небольшой мощности можно будет «продвинуть» программу вглубь района: в колхозы, совхозы, на машинно-тракторные станции, в избы-читальни.

В ближайшие годы в СССР получит широкое распространение радиовещание на ультракоротких волнах. Некоторые виды новых телевизоров сочетаются с радиоприемником. Владелец «Севера», например, сможет и смотреть программу и слушать радиопередачи на ультракоротких волнах.

На квартире А. Цомартова установлена телевизорная точка. Программа передается из трансляционного узла по кабелю.

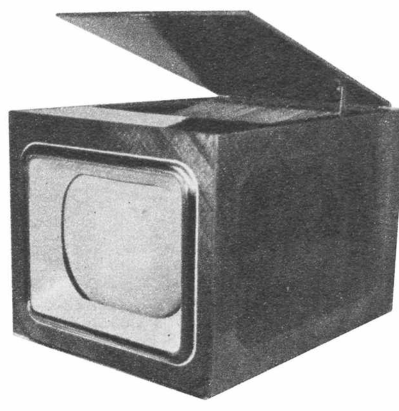
Фото Я. Рюмкина.

Лучшие театры Москвы и Ленинграда будут в течение двух ближайших лет оборудованы телевизионной аппаратурой стационарного типа. Для того, чтобы осуществить передачу из Большого, Малого, Художественного театров, из Колонного зала Дома союзов, не придется снаряжать целые экспедиции с передвижными телевизионными станциями, как это практикуется сейчас.

Телевидение найдет огромное применение в промышленных и учебных процессах. Оно будет способствовать обмену опытом людей разных профессий и специальностей. Лекцию известного профессора, передаваемую по телевидению, иллюстрируемую наглядными пособиями, прослушают и увидят во многих городах и селах. Не исключено, что десятки и сотни молодых врачей смогут следить за тем, как знаменитый московский хирург делает в своей клинике редкую операцию.

И, наконец, о цветном телевидении. В этой области не прекращаются успешные изыскания. В лабораторных условиях сконструирована и освоена предприятиями аппаратура для цветной передачи и приема. На испытаниях она показала хорошие результаты.

Ученые, конструкторы, инженеры, работающие в области передачи изображения на расстояние, неустанно ищут нового, передового, опираясь на замечательную советскую технику, на успехи советской науки.

Телевизор «Авангард».

Что было там, где теперь ГУМ

Старые Верхние ряды перед их закрытием в 1888 году. Фасад по Ильинке.

Внутренний вид старых Верхних рядов. Большой суконный ряд.

Главным местом торговли в Москве исстари была Красная площадь с идущими от нее улицами Китай-города. Торговля производилась в шалашах, палатках, «приносом» на лотках и в лавках. Лавки были расположены без всякой системы. И только в 1676 году Указом велено было «всяким товаром торговать в рядах, в которых коим указано и где кому даны места». Существовали ряды: железный, сундучный, мыльный, сапожный, суконный, хлебный, калашный и т. д. В 1815—1817 годах торговые ряды, сильно пострадавшие от пожара в 1812 году, были перестроены по проекту архитектора О. И. Бове.

Годами не знавшее ремонта здание рядов ветшало. «Старые городские ряды,— писал один из московских купцов, вспоминая 60-е годы, — представляли собой темные руины... Свет в ряды проникал сквозь так называемые «рядские фонари» с грязными стеклами, через которые сыпались на головы проходящих снег и дождь. Солнца совсем не было видно, вследствие этого в рядах всегда ощущалась пронизывающая сырость».

Каждый ряд и линия сохраняли свои старые названия, хотя иные названия уже не соответствовали действительности; например, в ножовой линии торговали преимущественно галантереей. Помещения были тесные, полутемные, а в меховом ряду торговцы умышленно затемняли их занавесками из синего коленкора. Купцы или «сидельцы» — приказчики — стояли в дверях лавок и зазывали проходивших громкими выкриками: «Пожалуйте, у нас есть для вас атлас, канифас и прочие товары... Почтеннейший господин, что покупаете-с? У нас фундаментальные шляпы, солидные браслеты, презентабельные ленты, интересное пике...»

«Робкого, обалдевшего покупателя, — пишет мемуарист,— случалось, приказчики прямо-таки затаскивали к себе силою...» Основным правилом рядской торговли было: «не обманешь — не продашь». Рядские нравы отличались необычайной грубостью. Купцы и приказчики любили зубоскалить над проходящими.

К концу 80-х годов торговые ряды совершенно обветшали и были закрыты. Купцы — владельцы лавок — организовали в 1888 году акционерное общество для постройки новых. Старое здание было снесено, и на его месте в 1890—1894 годах построены Верхние торговые ряды (архитектор — А. Н. Померанцев). Огромное здание с галереями под стеклянной крышей, выходящее главным фасадом на Красную площадь, вместило свыше 1 200 магазинов.

...Рядской быт давно отошел в прошлое. В реконструированном здании Верхних торговых рядов скоро будет открыт ГУМ — крупнейший в Советском Союзе образцовый универсальный магазин.

Н. АШУКИН

Ловля «летучек»

Летучие рыбы, подобно ночным бабочкам, летят на свет. Пользуясь этим, моряки занимались их ловлей в Атлантическом океане. В ночную вахту на нижней палубе судна укреплялась переносная электролампа. На ее свет, выскакивая из океана, устремлялись «летучки» и, с силой ударяясь о стенки палубных сооружений, оглушенные, падали на палубу.

По своей величине, форме тела и вкусу летучие рыбы напоминают черноморскую кефаль, мясо их нежное и некостлявое. Характерная особенность «летучек» — боковые плавники. Начинаясь у основания головы, они достигают в длину примерно половины тела. Выскочив из воды, рыба на этих плавниках, как на крыльях, может пролететь с большой скоростью метров триста. Это спасает ее от преследования хищных рыб, но, пролетая над океаном, она нередко становится добычей морских птиц.

Летучие рыбы живучи. Даже оглушенных ударом о стенку и падением на палубу, их не так-то просто схватить и удержать в руках. Ловля их — интересное занятие.

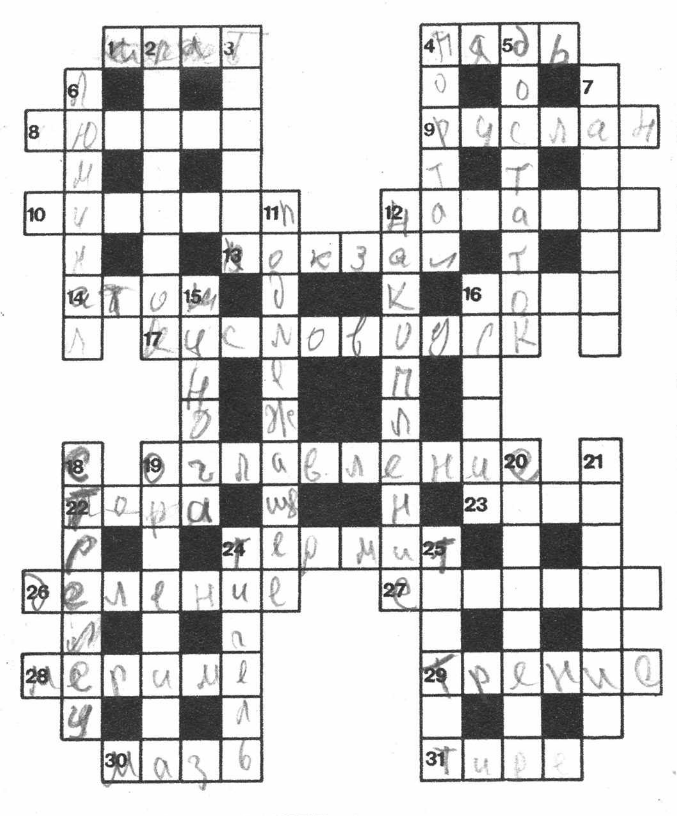
Плававший на одном из китобойцев океанограф Б. А. Шлямин сообщает о таком забавном эпизоде:

«Был случай, когда «летучка» очень удачно попала в открытый иллюминатор каюты, прямо на койку безмятежно спавшего, разомлевшего от жары помощника капитана. Она освежила и взбодрила его настолько, что он мигом выскочил на палубу с рыбой подмышкой».

Б. АЛЕКСЕЕВ

В этом номере на вкладках: две страницы иллюстраций О. Д. Коровина к сказам П. П. Бажова, Н. Д. Кузнецов — Портрет П. И. Чайковского, В. А. Жарский — Дом в Воткинске и дом в Клину Чайковского и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Минерал, стекловидный камень. 4. Старинная мера длины. 8. Признак для сравнительной оценки. 9. Персонаж из оперы М. И. Глинки. 10. Город в Сумской области. 12. Секретарь райкома партии из «Плавучей станицы» В. Закруткина. 13. Здание станции. 14. Частица химического элемента. 16. Металлический сосуд. 17. Курорт на Кавказе. 19. Перечень составных частей книги. 22. Духовой музыкальный инструмент. 23. Разновидность клена. 24. Смесь, дающая при горении высокую температуру. 26. Арифметическое действие. 27. Охотник из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 28. Известный французский писатель XIX века. 29. Сопротивление движению. 30. Густое вещество для смазки. 31. Грамматическая категория.

По вертикали:

2. Холм, бугор. 3. Советский писатель. 4. Главный вход. 5. Зажиточность. 6. Снотворное лекарство. 7. Польский народный ансамбль песни и пляски. 11. Член предложения. 12. Сбережение, запас. 15. Низшее водное позвоночное животное. 16. Персонаж из пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие». 18. Зодиакальное созвездие. 19. Кустарник со съедобными ягодами. 20. Житель одного из материков. 21. Город в Краснодарском крае. 24. Сосуд для прокаливания или плавки. 25. Взрывчатое вещество.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

5. Крашенинников. 8. Варшава. 10. Саламин. 12. Барит. 14. Спрут. 17. Сталь. 18. Кодификация. 19. Динамометр. 21. Телеграмма. 23. Ганна. 24. Лимфа. 27. Инкассатор. 29. Водораздел. 32. Головоломка. 33. Откат. 34. Инжир. 36. Актер. 38. Силикат. 39. Алтайцы. 40. Недоразумение.

По вертикали:

1. Груша. 2. «Декабристы». 3. Иностранец. 4. Колас. 6. Капуста. 7. Система. 9. Архив. 11. Специальность. 13. «Злоумышленник». 15. Комментатор. 16. Нивелировка. 20. Миасс. 22. Рифма. 25. Колоратура. 26. Монограмма. 28. Алфавит. 30. Зарница. 31. Хоста. 35. Билет. 37. Дания.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04155. Подп. к печ. 27/X 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 804. Заказ 2538. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Сбор яблок в колхозе имени Сталина, Шебекинского района, Курской области. На переднем плане: комсомолка Зина Наумова.

Фото В. Поспелова.

Цена 3 руб.